

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 19. № 2
2024

Vol. 19. No. 2
2024

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.3. Археология (исторические науки);
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (философские науки)

Направление номера журнала

Исторические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор (г. Чита);

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В данном номере журнала представлено осмысление социокультурных проблем в рамках всемирной, отечественной и региональной истории. Также в журнал вошли статьи по востоковедению, освещающие проблемы материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2024

Редактор А. А. Рыжкова, редактор перевода В. М. Ерёмкина, технический редактор Г. А. Зенкова

Подписано в печать 26.06.2024. Дата выхода в свет 28.06.2024. Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial". Способ печати оперативный. Заказ № 24018.

Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.). Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 5.6.1. National history (historical sciences);
- 5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 5.6.3. Archeology (historical sciences);
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences);
- 5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and journalism (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and Journalism (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Historical sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia) ;

Yurganova Inna I., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society – new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community. The issue presents an understanding of sociocultural problems within the framework of the world, national and regional history. The issue also includes the articles on Oriental studies covering the problems of material and spiritual culture of the East.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2024

Editor A. A. Ryzhkova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Technical editor G. A. Zenkova

Signed to print 26.06.2024. Date of publication 28.06.2024.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 24018.

Conv. quires. 23,4. Ed.-print quires.20,9. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчинова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэгмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ (ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)

<i>Кискидосова Т. А.</i> Досуговая культура горожан Хакасии в 1930-е годы	8
<i>Кудашкин В. А.</i> Культура питания коренных малочисленных народов в контексте социокультурного пространства постсоветской России	18
<i>Кулаков В. И.</i> Фибулы в форме накладок в археологии западных балтов эпохи Меровингов	27
<i>Кушнарёва М. Д.</i> Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Н. Д. Эверстова	35
<i>Плотникова М. М., Ильина А. В., Дятлова Е. В.</i> Повседневная жизнь черемховских шахтёров в год Великого перелома: Коллективный договор 1930 года	45
<i>Бершадская С. В.</i> Просветительская деятельность Первой специальной метеоритной экспедиции Российской академии наук 1921–1922 годов	55

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

<i>Антонов Е. П.</i> Якутский отдел Императорского православного палестинского общества в истории Якутии	62
<i>Буданова А. В.</i> Православное братство епископа Макария (Опоцкого) в условиях гонений XX века	73
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Материалы к истории православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке в 1986 году	83
<i>Стародубцева М. С.</i> Участие женских монастырей в миссионерской деятельности Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века	94
<i>Цыренова Н. Д.</i> «Регламент 1840 г.» монгольского монастыря Гандан: административная иерархия и хозяйственный уклад	104
<i>Юрганова И. И.</i> Православные обители как центры христианской цивилизации на восточных рубежах русского государства	113

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

<i>Мамкина И. Н.</i> Роль Русской духовной миссии в Китае в подготовке чиновников МИД	123
<i>Нешкес О. В.</i> Российско-испанские отношения при освоении североамериканских территорий во второй половине XVIII века	134
<i>Петров А. Ю.</i> Англия и Россия у истоков борьбы за тихоокеанские колонии в первой половине XVIII века	142
<i>Смирнова И. Ю.</i> Записка Парфения (Агеева) о присоединении к России Киргизской степи: к истории христианизации среднеазиатских народов	150

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Осипова М. В.</i> Искусство айнов: от декоративно-прикладного к изобразительному	163
<i>Раскладкина М. К.</i> Русский язык на Аляске: культурно-исторический след русского освоения Северной Америки	176
<i>Федорова А. Р., Федоров С. И.</i> Животные образы в шаманском культе и атрибутике в традиционной культуре якутов	188

CONTENTS

EVENTS AND DESTINIES (HISTORY OF EVERYDAY LIFE)

Kiskidosova T. A. Leisure Culture of Urban Residents in Khakassia in the 1930s.	8
Kudashkin V. A. Nutrition Culture of Indigenous Peoples in the Context of Socio-Cultural Space of Post-Soviet Russia	18
Kulakov V. I. Fibulae in the Form of Overlays in the Archeology of the Western Balts of the Merovingian Age	27
Kushnareva M. D. Historical Portrait of the Yakut Merchant of the 1st Guild N. D. Everstov	35
Plotnikova M. M., Ilyina A. V., Dyatlova E. V. The Daily Life of the Cheremkhov Miners in the Year of the Great Turning Point: The Collective Agreement of 1930	45
Bershadskaya S. V. Educational activities of the First Special Meteor Expedition of the Russian Academy of Sciences in 1921–1922	55

HISTORY OF RELIGION

Antonov E. P. Yakut Department of the Imperial Orthodox Church Palestinian Society in the History of Yakutia	62
Budanova A. V. The Orthodox Brotherhood of Bishop Makarii (Opotskii) in the Context of Persecution in the Twentieth Century	73
Drobotushenko E. V. Materials on the History of the Orthodox Church in Siberia and the Far East in 1986	83
Starodubtseva M. S. The Participation of Women's Monasteries in Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries	94
Tsyrenova N. D. Administrative Hierarchy of the Gandan Monastery According to the "Regulations of 1840"	104
Yurganova I. I. Orthodox Monasteries as Centers of Christian Civilization on the Eastern Borders of the Russian State	113

INTERSTATE INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Mamkina I. N. Role of the Russian Spiritual Mission in China in Training of the Ministry of Foreign Affairs Officials	123
Neshkes O. V. Russian-Spanish Relations During the Development of North American Territories in the Second Half of the 18th century	134
Petrov A. Yu. England and Russia: The Beginnings of the Struggle for the Pacific Colonies, 1700–1750	142
Smirnova I. Yu. The Narrative of Parthenius (Ageev) on the Accession of the Kyrgyz Steppe to Russia: From the History of Christianization of Central Asian Peoples	150

CULTURAL HISTORY

Osipova M. V. Ainu Art: From Craft to Fine Art	163
Raskladkina M. K. Alaskan Russian: Cultural and Historical Trace of the Russian Expansion in North America	176
Fedorova A. R., Fedorov S. I. Animal Images in Shamanic Cult and Attributes in Traditional Yakut Culture	188

Научная статья

УДК 930.253

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-104-112

**«Регламент 1840 г.» монгольского монастыря Гандан:
административная иерархия и хозяйственный уклад**

Номинь Дондоковна Цыренова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского
отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
nomin_n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9578-5493>*

Статья посвящена анализу системы административных должностей в монастыре Гандан Монголии эпохи Цин в контексте распределения материальных благ на основе авторского перевода архивного документа под названием «Регламент монастыря Гандан», составленного в 1840 г. В ходе исследования автор опирался на источниковедческие, историко-социологические методы, а также метод историко-этнографической реконструкции. Применение данных методов дало возможность восстановить административную структуру монастыря Гандан, а также выявить специфику повседневного быта и хозяйственного уклада буддийского духовенства середины XIX в. В результате источниковедческого и историко-этнографического анализа текста «Регламента» и выявления основных контекстов упоминания буддийских монастырских должностей в «Регламенте» автор пришёл к следующим выводам: большая часть случаев упоминания должностей связана с кругом административных и хозяйственных обязанностей (контроль, учёт и распределение материальных благ монастыря), при этом наибольшее внимание составителей «Регламента» было уделено организационным моментам по подготовке и проведению календарных буддийских молебнов, а также вопросам субординации между ламами. Согласно тексту «Регламента» материальные ценности, поступавшие в ведение монастыря Гандан, состояли в основном из крупного рогатого скота, продуктов питания (мясо, прессованный чай), отрезов шёлковых тканей (монг. *tangnuu*), а также разных типов ритуальных хадаков (монг. соном-хадак, самбай-хадак) и т. д. Хозяйственный уклад монастыря Гандан был основан на регулярных подношениях (монг. *барьц*) от богатых покровителей монастыря, князей и их ближайших родственников, а также на материальной поддержке аймаков-землячеств, расположенных при монастыре. Выявлено, что продуктовые излишки от подношений шли на продажу, это говорит о значительных продовольственных запасах и, соответственно, наличии крупных денежных средств у руководства монастыря. В целом можно сказать, что монастырская повседневность в контексте административной иерархии буддийских должностей и статусов имеет ярко выраженные восточные особенности, её можно рассматривать как отдельный тип организации повседневной жизни восточного степного социума, который постепенно переходил к полукочевому и осёдлому образу жизни.

Ключевые слова: Монголия, буддийский монастырь, Гандантегченлин, архивные документы, Регламент, буддийское духовенство, хозяйственный уклад

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – начала XXI в. в контексте межцивилизационного взаимодействия») № 121031000302-9.

Original article

Administrative Hierarchy of the Gandan Monastery According to the “Regulations of 1840”

Nomin D. Tsyrenova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
nomin_n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9578-5493>*

The article is devoted to the analysis of the system of administrative positions in the Gandan Monastery of Mongolia during the Qing era in the context of the distribution of material wealth based on the author's translation of an archival document entitled “Regulations of the Gandan Monastery”, compiled in 1840. During the study, the author relied on source studies, historical and sociological methods, and also a method of historical and ethnographic reconstruction. The use of these methods made it possible to restore the administrative structure of the Gandan monastery, as well as to identify the specifics of the everyday life and economic structure of the Buddhist

clergy of the mid-19th century. As a result of the source study and historical-ethnographic analysis of the text of the "Regulations" and the identification of the main contexts for the mention of Buddhist monastic positions in the "Regulations", the author came to the following conclusions: most of the cases of mentioning positions are related to the range of administrative and economic responsibilities (control, accounting and distribution of material wealth monastery), while the greatest attention of the drafters of the "Regulations" was paid to organizational aspects of preparing and conducting calendar Buddhist prayers, as well as issues of subordination between lamas. According to the text of the "Regulations", the material assets that came under the jurisdiction of the Gandan monastery consisted mainly of cattle, food products (meat, pressed tea), pieces of silk fabric (*Mong.* mangnuу), as well as various types of ritual hadaks (*Mong.* sonom-hadak, sambai-khadak), etc. The economic structure of the Gandan monastery was based on regular offerings (*Mong.* bar'ts) from the rich patrons of the monastery, princes and their closest relatives, as well as on the material support of the aimags-communities located at the monastery. It was also revealed that food surpluses from the offerings were sold, which indicates significant food reserves and, accordingly, the presence of large funds among the monastery leadership. In general, we can say that monastic everyday life in the context of the administrative hierarchy of Buddhist positions and statuses has its own eastern characteristics, it can be considered as a separate type of organization of everyday life of the eastern steppe society, which gradually moved to a semi-nomadic and sedentary way of life.

Keywords: Mongolia, Buddhist monastery, Gandantegchenlin, archival documents, Regulations, Buddhist clergy, economic structure

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment: "Monuments of scripts of the peoples of Russia and Inner Asia in oriental languages and archival documents of the XVIII-th and early XXI-th centuries in the context of intercivilizational interaction, № 121031000302-9".

Введение. Монастырь Гандан, основанный буддийским иерархом Занабазаром (Ундэр-гэгэн 1635–1723) в 1654 г., является главным и крупнейшим буддийским монастырём современной Монголии. История нынешнего монастыря Гандан, расположенного в Улан-Баторе (Урга, Их-хурэ, Да-хурэ, Нийслэл-хурэ), восходит к началу XVIII в., когда от монастыря Зуун-хурэ отделился философский факультет и перекочевал к западу от него. В 1834–1838 гг. V Джебдзун-дамба-хутухтой был построен дворец, названный Гандантегченлин, от которого получил название и монастырь. Главному храму монастыря Гандан – цогчен-дугану при основании было дано имя Номын-их-хурээ [1, с. 203–204; 2, с. 396]. Таким образом, название Гандан, которое изначально обозначало только философский факультет в Их-хурэ, в настоящее время стало общим названием для всего монастырского комплекса.

Важным документальным источником сведений по истории и хозяйственному укладу современного монастыря Гандан является «Регламент», созданный в 1840 г. на старописьменном монгольском языке в период правления императора Дао-гуана (кит. 道光)¹. Полное название исследуемого источника довольно объёмное – «Регламент хуралов и [распределения] манжи²,

чаб³, зэд⁴ и прочего в монастыре Рибогеджайганданшаддублинг⁵, написанный 15 числа среднего весеннего месяца в 20-й год правления Туру-гэрэлту» (*Törü gereltü-yin qoriduyar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun-u delgeregsen sayin edüre rebogijiyigangdangšaddubling-yin eldeb qural nom-un yurim deglem⁶ kiged baling takil ba manji čab jed terigüten-yi todurqayilan güiçeldegülün bičigsen dangsa*) [3, с. 1r].

Документ, хранящийся под шифром БМ 626 в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, является копией документа из библиотеки монастыря Гандан и представляет собой рукописный текст, написанный каллиграфическом почерком, чёрной тушью на тонкой китайской бумаге [4, с. 9]. В документе подробно изложены данные о служебных обязанностях высшего буддийского духовенства монастыря Гандан середины XIX столетия во время годовых календарных богослужений (монг. хурал).

В ходе источниковедческого анализа буддийских текстов на старописьменном монгольском языке исследователь сталки-

монахам во время хурала. Ман в переводе с тибетского – «много, общее», жи или жа – «чай».

³ Чаб (монг. *čab*, тиб. *tsha ba*) – «горячее питание».

⁴ Зэд (монг. *jed*, тиб. *'gyed*) – подаяние в деньгах или продуктах, деньги, подаренные монахам в качестве подарка или милостыни.

⁵ Рибо геджай гандан шаддуб линг, тиб. *ri-bo dge-ryas dga'-ldan bshad-sgrub gling*.

⁶ Дэглэм (монг. *deglem*, тиб. *'grigs lam.*) – режим, регламент, распорядок. Ринчинэ А. Р. Учебник монгольского языка / под ред. Г. Д. Санжеева. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. – 323 с.

¹ Туру-гэрэлту, монгольский вариант титула восьмого цинского императора Дао-гуана (кит. 道光 Айсин-гьеро Мянньин 宣宗爰新觉罗旻宁, годы правления 1821–1850).

² Манжи (монг. *manji*, тиб. *man ja*) – термин-тибетизм, «общемонастырский чай», который подносят

вается с рядом проблем переводческого характера. Так, в частности, в настоящее время в российском монголоведении ещё не сложилась устойчивая система русских эквивалентов для буддийских терминов, обозначающих должности в буддийских монастырях. В связи с этим в данной статье нами использованы сами монгольские термины.

Обзор литературы. Среди отечественных учёных наибольший вклад в разработку вопроса об устройстве буддийских монастырей Монголии внёс российский востоковед и монголовед А. М. Позднеев, издавший в 1887 г. монографию «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» [5]. В данной работе учёный затронул широкий круг вопросов, среди которых вопрос о системе администрации в монгольских монастырях конца XIX в. Наш письменный источник «Регламент» был издан в 1840 г. и потому является самым ранним письменным памятником и одним из наиболее важных документальных источников по истории буддийских монастырей. Также необходимо отметить научные изыскания бурятских учёных Базара Барадина, Гомбожапа Цыбикова [6–8], которые внесли значительный вклад в изучение истории и культуры буддизма.

Если говорить о монгольских учёных, прямо или косвенно связанных с данной темой, то среди исследований периода МНР следует отметить работы С. Пурэвжава, Ж. Самбуу, Д. Цэдэва [9–11], которые делали акцент на бытовых и хозяйственных аспектах жизни монастырей Монголии. В период современной Монголии проблемой буддийских монастырей занимались такие учёные, как Ж. Болдбаатар, Ө. Сэрээтэр и Н. Хатанбаатар, которые преимущественно изучали социальную и административную структуру, а также историю монгольских монастырей [12–14]. Кроме того, необходимо сказать о научных статьях П. Гантуяа, Н. Амгалан, в которых рассмотрены биографии высокопоставленных лам монастырей Монголии [15; 16].

Таким образом, несмотря на наличие целого ряда научных работ по монгольским монастырям, вопрос об административной структуре монастыря Гандан по материалам «Регламента» не был предметом специального изучения и потому требует тщательного источниковедческого анализа и научной разработки.

Методы исследования. В ходе исследования автор опирался на методы источ-

никоведения, историко-социологические методы, а также методы историко-этнографической реконструкции. Применение данных методов дало возможность восстановить специфику структур повседневности буддийского духовенства и хозяйственного уклада монастыря Гандан середины XIX в.

Результаты исследования и их об- суждение. Монгольский историк, академик Ж. Болдбаатар делит буддийское сословие эпохи Цин на три группы – высшую, среднюю и низшую. В высшую группу входили Джебдзундамба-хутухта, высшие перерожденцы (хутухты), перерожденцы (хубилганы и шавраны) независимо от наличия печати от империи Цин, ламы аристократического происхождения (*тойны*), хамбо-ламы крупных монастырей, дэд-хамбо-ламы, цоржи-ламы и посредники между дацаном и цинской администрацией (шанзодба-ламы), да-ламы (заместители шанзодбы), хамбо-номун-ханы, дэд-хамбо-номун-ханы монастыря Их-хурэ, занимающие высокие должности в дацанах [10, с. 76; 101; 135]. По статистике 1908 г., в Их-хурэ служило около 1 000 лам, которые входили в высшую группу: хамбо-лама, дэд-хамбо-лама, цоржи-лама, да-лама, умзад-лама, гэскуй-лама и нярав-лама [Там же, с. 133–134].

К средней группе лам относились гавжи, гэвши, гэскуи, умзады, ловоны, няравы, аграмбы, гэлэны, гэцулы и другие духовные лица. По данным от 1914 г., в монастыре Их-хурэ в эту группу входило более 4 000 лам. По сравнению с низшей они имели свое жилище со двором, а также сменную одежду [Там же, с. 168].

В низшую группу ламства входили хувараки, *тахилчи*-ламы (отвечали за подношения бурханам), *дуганчи*-ламы (монастырские сторожа-смотрители), прислужники высокопоставленных лам [Там же, с. 76]. По данным статистики от 1914 г., общее количество лам монастыря Их-хурэ достигало 13754 чел., из них в низшую группу входило 7687 лам, таким образом, низшая группа составляла 55,9 % от общего числа лам [Там же, с. 169].

В результате проведённого источниковедческого анализа и перевода рукописи «Регламента» со старописьменного монгольского языка, а также историографического анализа монгольских публикаций по данной теме выявлено, что разрыв доходов между высшей и низшей группами духовен-

ства Гандана при распределении материальных благ достигал 5–7-кратного размера.

При изучении буддийской иерархии монастыря Гандан следует различать административно-хозяйственные и богословские учёные должности и звания. К административным относятся хамбо-лама, дэд-хамбо-лама, цоржи, гэсхуй, човомба, нирба, да-лама, дуганчи, тахилчи и др., к богословским званиям – ловон, габжи, гэбши, аграмба, гэлэн, гэцул и т. д.

Как видно из данной классификации, должности умзад, гэсхуй и нярав упоминаются и в высшей, и в средней группах духовенства. По всей видимости, это связано с тем, что ламы данных должностей, с одной стороны, являются богословами, а с другой – занимают высокие административные должности в монастыре. Примечательно, что низшие ламы, согласно неписаному правилу, при встрече с высшими ламами должны были снимать головной убор и уступать им дорогу [12, с. 119]. Данный факт говорит о жёсткой субординации внутри ламского сообщества того времени. В настоящее время это правило среди лам не соблюдается.

В конце XIX – начале XX столетия в Их-хурэ насчитывалось около 13–14 тыс. лам. Они подразделялись на 30 землячеств-аймаков и были прикреплены к 12 дацанам. В руководящий состав администрации Их-хурэ помимо хамбо-номун-хана и дэд-хамбо-номун-хана входили 5 цоржи-лам, 4 их-гэсхуй-ламы, 4 цогчен-умзад-ламы [Там же, с. 30]. В предисловии к «Регламенту» в число авторов-составителей были включены те же ламские должности, а также должности шанзодба-нойон и засаг-лама.

Рассмотрим указанные руководящие богословские и административно-хозяйственные должности Гандана и опишем их должностные обязанности.

Должность **хамбо-номун-хан** (монг. *qatbi nomun qan*) впервые появилась в Их-хурэ в 1654 г., официально утверждена в 1723 г. управлением империи Цин, в подтверждение чего выдавалась печать. Первым хамбо-номун-ханом Их-хурэ был высокопоставленный тибетский ловон-лама по имени Агванлуvsанжамбалданзан, которого Ундэр-гэгэн пригласил в 1651 г. [16, с. 270].

А. М. Позднеев, говоря о специфике буддийских монастырей у монголов, отмечает, что «в Монголии хамбо-ламы полагаются только в больших, по преимуществу в хутух-

тинских монастырях. Они выбираются из лиц старейшего духовенства (преимущественно из цоржи-лам) и утверждаются в степных монастырях хутухтами в сообществе с хошунным князем» [5, с. 154–155]. Происхождение должности номун-хан-лама (хан учения) связано с Далай-ламой и цинским императором и объясняется тем, что в его обязанности входило обучение хувараков правилам совершения богослужений и учебным дисциплинам [14, с. 130]. А. М. Позднеев также отмечает, что «Номун-лама более известен у монголов под тибетским названием *чойчжин*. Его обязанность главным образом учения: он изучает и толкует догматы веры, указывает все подробности богослужений...» [5, с. 161].

Личными помощниками хамбо-номун-хана в Их-хурэ были зайсан-лама, два хиа-ламы (аналог *адъютанта-помощника*), хаалгачи (сторож), аягачи (подавальщик чая и блюд) – 5 чел. [12, с. 119].

Дэд-хамбо-нойон-номун-хан (монг. *ded qatbi noyon nomun qan*) – заместитель хамбо-номун-хана. В «Регламенте» не так много упоминаний должности дэд-хамбо-номун-хана. Так, он упоминается в связи с проводимыми в течение года в землячествах-аймаках хуралами *жасаа*¹ и *ярнай*², про которые гэбхуй сообщает хамбо-номун-хану и шанзодбе. Они далее докладывают Богдо-гэгэну и получают одобрение. Далее гэбхуй поручает дуганчи-ламе, чтобы он известил дэд-хамбо-номун-хана, цоржи-лам и хубилганов. Остальным всем гэлунам, гэцулам сообщают дуганчи-ламы аймаков [3, с. 102г]. В плане распределения питания он получает долю наравне с хамбо-номун-ханом [Там же, с. 104v]. Хотя на странице 107 написано, что 16-го числа шестого месяца во время богослужения 45-дневного молебна *ярнай* дэд-хамбо-номун-хан получает меньший объём продуктового довольствия (горячее питание – чаб), чем хамбо-номун-хан. В частности, хамбо-хану было положено 3 стегна мяса, а дэд-хамбо-номун-хану – только одно стегно мяса [Там же, с. 107г]. Из числа дэд-хамбо-номун-ханов выбирали хамбо-номун-хана. Хамбо-номун-хан и дэд-хамбо-номун-хан отвечали за руководство

¹ Монг. *jisay-a*, тиб. *sgya sa* – повседневный хурал, посвящённый сахиусанам.

² «...45-дневный ярнай или хайлан – соборное богослужение, проводившееся в течение 45 дней один раз в году в последнем летнем месяце. Название заимствовано из тибетского языка: *dbyar gnas* – «пребывание летом», *khas lan* – «благоволить»» [8, с. 204].

администрацией монастыря и его хозяйство. Кроме этого, во время богослужений в цогчен-дугане хамбо-номун-хан и дэд-хамбо-номун-хан занимали высшие места и контролировали ход молебна.

Таким образом, две одинаковые по выполняемым обязанностям должности (хамбо-номун-хан и дэд-хамбо-номун-хан) значительно отличались только по выплачиваемому жалованию.

Шанзодба-нойон (монг. *šangjodba noyan*), на эту высокую должность назначались ламы, которые не принимали высших обетов, но при этом относились к числу старейших и опытных членов общины монахов. Особенность должности шанзодбы ургинского Джебзундамба-хутухты заключалась в том, что в процедуре выбора этого монаха участвовало хутухтинское правительство, а также монгольский и маньчжурский амбань. Затем прошедшего выборы представляли Богдо-хану, после чего оставалось получить утверждение пекинского правительства и золотую печать и грамоту. При этом такая грамота по значению считалась выше аналогичной грамоты, выдаваемой хамбо-ламе [5, с. 166–167].

В 1723 г. была основана управа Их-шавийн-эрдэнэ-шанзодвын-ямэнь, которая просуществовала до 1925 г. В данной организации работали свыше десяти писарей, отвечавших за переписку, которая велась на старомонгольской письменности. В состав управы входили такие должности, как эрдэни-шанзодба, да-лама, зайсан, *тушимэл бичээчи* (чиновник-писарь), *хи-а-зарлага* (адъютант-прислужник) и др. [10, с. 102; 17, с. 9].

Шанзодба-нойон присутствовал на всех крупных богослужениях, таких как круговращение Майреи, мистерии-цам и др. Наряду с хамбо-номун-ханом и другими высокопоставленными ламами шанзодба-нойон участвует в ритуалах богослужения, ему вручались подношения-барьц [3, с. 38v]. Он упоминается также в связи с проводимым 29-го числа последнего летнего месяца хурала Гонгор-намсарай, когда [посыльный] докладывает о его проведении хамбо-номун-хану и шанзодба-нойону, которые получают одобрение от Богдо-гэгэна [Там же, с. 99r]. Он также входил в число тех, кому подносят хадаки при поступлении хуварак в дацаны [Там же, с. 150v]. Исходя из приведённых фрагментов, можно сделать вывод, что шан-

зодба-нойон практически приравнялся по статусу к хамбо-номун-хану.

В монастыре были учреждены и светские должности представителей правительственной администрации – чиновник от ямэня (*хар хөвгүүд*) [Там же, с. 20r], *ямбатан* – почётные люди, *хэргэмтэн* (или *хэргэмтэн-лама*) – титулованные особы [Там же, с. 153v].

Цоржи, цорчи или цорджи (монг. *šorji*).

А. М. Позднеев перевёл данную должность как наместник монастыря. Цоржи-лама контролировал и руководил всеми сторонами жизни монастыря. В частности, он регулировал все вопросы по подготовке и проведению хуралов, назначал лам на менее значимые богослужбные мероприятия вне монастыря, а также наблюдал за тем, как ламы изучали буддийские сочинения и т. д. В небольших монастырях, где не было установлено должности хамбо-ламы, цоржи-ламы фактически являлись главами монастырей [5, с. 156]. Должность цоржи в Их-хурэ идёт по иерархии после хамбо-номун-хана и дэд-хамбо. Цоржи назначались из числа габжи, аграмба, рабжамба и дхарамба в количестве пяти лам. Вновь поступившие хуvaraки давали клятву перед цоржи-ламой о соблюдении обетов [16, с. 157]. Цоржи имел во дворе двух прислужников (*бараа бологч*) [12, с. 119]. Из данной цитаты видно, что все цоржи-ламы назначались из числа лам, обладавших богословскими степенями, и являлись высокообразованными священнослужителями, отвечавшими за всю организационную часть молебнов.

Должность **засаг-лама** (монг. *jasay*). Согласно А. М. Позднееву, *засаг-лама* являлся помощником казначея (*нирба-ламы*), в ведении засаг-ламы находились все состоявшие при монастыре рабочие, помимо того, он проводил ревизию монастырского имущества, находящегося вне монастыря, осматривал стада монастырского скота, отвечал за полевые работы, если монастырь имел пашни, и пр. Другое название должности *засаг-ламы* – *дэмчи-лама* [5, с. 166].

4-го или 5-го числа последнего летнего месяца цогчен-гэбкуй-лама докладывал хамбо-номун-хану, нойону (т. е. шанзодбе), засаг-ламе и Богдо-гэгэну информацию о проведении богослужения под названием *Их-дан*, после чего последний давал своё одобрение. Засаг-лама также в числе высокопоставленных лам приходит на ритуал Их-дан [3, с. 54r].

Човомба (монг. *ᠴᠣᠪᠤᠮᠪᠠ*) – лама, который отвечает за правильность подношения из теста (*балин*) во время хуралов. Он расставляет на столе [тарелки] с зерном для подношения (*motur-un tariy-a*). При распределении зэд човомба получает среднюю порцию (например, две плитки чая), за приготовление торма-балина – один соном-хадак [3, с. 33v]. Он также участвует в ритуалах, например, во время летнего ритуала *жахар* човомба одевает *шасэр*¹ [Там же, с. 55r]. Следует отметить, что, помимо указанных обязанностей, он участвовал в ритуалах, проводимых в культовых местах, в частности обряда Хан-уул и Хэнтэй-уул [Там же, с. 74r].

Ловон-лама (монг. *lobun*), данная должность не упомянута в монографии А. М. Позднеева, изданной в 1887 г. Этот факт, по всей видимости, можно объяснить тем, что на тот момент данная штатная должность уже вышла из системы буддийской иерархии Монголии. Должность *ловон* происходит от тибетского слова *slob dpon* – «Учитель, наставник»². В тексте «Регламента» этот термин встречается довольно редко, поэтому трудно проследить его служебные обязанности. Возможно, должность не имела широкого распространения. Согласно «Регламенту», *ловон-лама* участвовал в комиссиях по переводам тибетских книг в цогчен-дугане, которые проводились в каждом землячестве-аймаке [Там же, с. 49r]. В настоящее время на молебнах в монастыре Гандан *ловон-лама* занимает второе после хамбо-ламы почётное место.

Нирба (монг. *nirba*) – монастырская должность казначея и счетовода. В «Регламенте» данная должность в ряде случаев обозначена термином «начальник казны-сана» (*sang-un daruy-a*). В его обязанности входила покупка и приём всего, что поступало в монастырское казначейство, ведение отчётности по монастырскому имуществу, заключение договоров и условий по подрядам, которые брал на себя монастырь [5, с. 166].

¹ Шасэр – головной убор, который носят духовные лица всех степеней и званий, начиная с самых высоких хубилганов и заканчивая простыми послушниками-банди. «Шасэр бывает вышиною около полу-аршина и делается остроконечною, с наклоном в переднюю сторону, а на задней стороне её прикрепляется шерстяной ремень. Лучшее подобие шасэра представляют собою старые русские гренадерские шапки» [5, с. 152].

² Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. – М.: Наука, 1983. – Т. 10. – 344 с.

Во время ритуала *жахар* (тиб. *lcags mkhar*) нирба Их-сана (казначейство) забирает подношения жертвователей и благодарит (*mörgümtüi*) их [3, с. 146v]. В этом фрагменте необычным представляется тот факт, что *нирба-лама* выражает благодарности жертвователям, поскольку обычно благодарности выражают сами прихожане. Следует отметить, что именно *нирба-ламы* вместе с гэбкуй-ламами решали вопросы, связанные с продажей продуктовых излишков (мука, масло и сладости) [Там же, с. 150r-v].

Умзад-лама или унзад (монг. *umjad*) – лама, который в данной должности присутствовал на каждом богослужении, первым начинал чтение каждой молитвы и только вслед за ним чтение или распев подхватывали все остальные ламы, участвующие в хурале [5, с. 158]. Этот факт прослеживается в «Регламенте» очень чётко. Также в обязанности умзад-лам входило распределение чтения молитв в зависимости от расписания хуралов. Следует отметить, что умзад-ламы в свою очередь подразделялись на старших умзад-лам, младших умзад-лам и умзад-лама храма *Гүрэм*.

Гэбкуй-лама или гэскуй-лама (монг. *gebküi*). Как отмечает А. М. Позднеев, «должность *гэбкуй* ламаисты почитают одною из самых старейших в буддизме и в доказательство её высокого достоинства рассказывают, что во времена Цзонкавы эту должность исполнял первый хубилган Далай-ламы; в Индии, в монастыре Наланда, в течение 12 лет обязанности гэбкуя исполнял учитель Нагарджуна; при Будде Шакьямуни слушателями его управлял в должности *гэбкуя* один из старейших учеников его – Ананда» [Там же].

Гэбкуй является в монастырях ламой, который отвечает за дисциплину во время богослужения, который имеет отличительный атрибут – посох (*бэрээ*³). А вне храма *гэбкуй* наблюдает за нравственным поведением монахов. В «Регламенте» зафиксированы должности старший-гэбкуй, младший-гэбкуй и цогчен-гэбкуй. Каждому цогчен-гэбкуй-ламе прислуживало два дуганчи-ламы [12, с. 119].

К обязанностям гэбкуев можно отнести начало подготовки к новому году. Подго-

³ Он делается обыкновенно из дерева Агару и бывает в 3/4 арш. длиною и в вершок толщиною. На бэрээ у гэбкуй всегда бывает навешано несколько хадаков, составляющих благодарственные подарки подчинённых [5, с. 157].

товка к Белому месяцу начиналась с 15-го числа последнего зимнего месяца, когда цогчен-гэбкуй отдавал приказ всем землячествам-аймакам и отокам сделать уборку до нового года [3, с. 159г]. Цогчен-гэбкуй назначал цоржи-ламу, который должен участвовать в ритуале *луу буух* [Там же, с. 48v–49г].

Следует отметить, что названия должностей для духовных лиц, принявших те или иные обеты, в «Регламенте» встречаются крайне редко, поскольку сам источник относится к хозяйственной документации. Из всех известных должностей учёных лам в «Регламенте» встречаются только три должности, а именно: тойн-лама¹, гэцул и гэлун.

Третья группа должностей, упомянутых в «Регламенте», относится к хозяйственно-бытовой сфере деятельности.

Дуганчи (монастырские сторожа-смотрители), *тахилчи* (подносители жертвенных подношений), *мэдэчи* (звонарь-оповещатель), *эргөөчин*, донир или *бараа бологчи* (прислужник), *түлхүүрчи* (человек, который заведует ключами), *услэгчи* (ответственный за воду), *жама* (повар), *дагамал* (сопровождающие) и др. [Там же].

Здесь необходимо разграничить термины, связанные с подношениями, а именно *зэд* и *барьц*. Под термином *зэд* в то время использовался спрессованный в плитки чай, при этом чай распределялся между всеми ламами. В понятие *барьц* входили отрезки шёлковых тканей, соном²-хадаки, самбай³-хадаки, в особых случаях – крупный рогатый скот и лошади.

В дополнение к вопросу о распределении материальных благ в монгольских монастырях приведём сведения из работ Болдбатора и Пурэвжавы: «...при распределении подношений Джебзундамба-хутухта получал в 7 раз больше, чем низшая группа лам; хамбо-номун-хан, дэд-хамбо-хан и цоржи – в 5 раз больше низшей группы; цогчен-гэсгуй, унзад, нирба, ламы-хубилганы – в 3 раза больше, чем низшая группа лам» [12, с. 119]. Хамбо-ламы получали в 5–7 раз больше, чем низшая группа; цоржи-ламы и ширээтэ-ламы в 5 раз больше, чем низшая

¹ Лама аристократического происхождения. См.: Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: О–Я. – Улан-Удэ: Республ. тип., 2008. – 708 с.

² В работе А. М. Позднеева приведено краткое описание соном-хадака: «...вытканы кружки шелками радужных цветов, в большинстве случаев жёлтых бывают» [5, с. 100].

³ Бумажные хадаки без всяких украшений [Там же].

группа; да-ламы и ловон-ламы в 3–5 раза, гэсгуй умзад – в 3 раза больше, ламы со степенью гавж и аграмба в 2–3 раза больше низшей группы получали *зэд* [10, с. 168]. Следует отметить, что распределение было основано на обязанностях и знаниях, а не по принципу высшей, средней и нижней групп. Хадаки и *барьц* служили маркером высокого статуса священнослужителей.

Заключение. Первый вывод заключается в том, что административная иерархия монастыря Гандан середины XIX в. была крайне обширной и сложной по структуре. При этом чётко разграничить их обязанности не представляется возможным. Ламы строго соблюдали субординацию относительно должностей.

Распределение материальных благ производилось между ламами согласно установленной иерархии. Основная организационная нагрузка ложилась на цоржи-лам. При этом, несмотря на выполнение схожих обязанностей, некоторые ламы получали разное жалование. К примеру, дэд-хамбо-номун-хан получает меньший объём продуктового довольствия, чем хамбо-номун-хан.

Второй вывод состоит в том, что упоминание в «Регламенте» факта продажи продуктов как об установившейся хозяйственно-экономической практике свидетельствует о том, что буддийское духовенство имело стабильный финансовый доход. Можно сделать вывод, что буддийское духовенство в XIX в. занимало верхние позиции в общей социальной структуре монгольского кочевого общества. Большая часть случаев упоминания должностей была связана с кругом административных и хозяйственных обязанностей (контроль, учёт и распределение материальных благ), при этом наибольшее внимание уделялось вопросам субординации между высокопоставленными ламами.

Третий вывод заключается в том, что материальные ценности, поступавшие в ведение монастыря Гандан, состояли из крупного рогатого скота, продуктов питания (мясо, спрессованный чай), отрезков шёлковых тканей, а также соном-хадаки, самбай-хадаки и т. д. Важным источником продуктов питания для лам служили подношения (*барьц*) от богатых покровителей в лице князей и их ближайших родственников.

Монастырская повседневность в контексте административной иерархии буддийских должностей и статусов имеет ярко выраженные восточные особенности, её можно рас-

сматривать как отдельный тип организации повседневной жизни восточного степного социума, который постепенно переходил к полукочевому и осёдлому образу жизни.

Список литературы

1. Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. 291 с.
2. Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д. К истории монастыря Гандантегченлин // Монголоведение (Монгол судлал). 2022. Т. 14, № 2. С. 393–404. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404.
3. Төрү gereltü-yin qoriduуar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun-u delgeregsen sayin edüre rebogijiyigangdangšaddubling-yin eldeb qural nom-un yurim deglem kiged baling takil ba manji çab jed terigüten-yi çuqum šin-e qaуiçin yosuуar dangsa = Регламент [проведения] хуралов и манжи, чаб, зэд и прочего в монастыре Рибогеджайганданшаддублинг, написанный 15-го числа среднего весеннего месяца в 20-й год правления Туру-гэрэлту // Библиотека монастыря Гандантегченлин. 1840. 170 л.
4. Ванчикова Ц. П. О монастырских уставах на монгольском языке // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2016. № 9. С. 5–35.
5. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Изд. репринтное. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с. (Серия "Наше наследие")
6. Барадин Б. Поездка в Монголию: путевые очерки // Жизнь Бурятии. 1924. № 1. С. 26–33.
7. Барадин Б. Поездка в Монголию: путевые очерки // Жизнь Бурятии. 1924. № 2–3. С. 17–26.
8. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2 т. 2-е изд., перераб. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 232 с.
9. Пүрэвжав С. Хувьсгалын өмнөх их хүрээ = Их-хурэ до революции. Улаан-баатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхэлэх хороо, 1961. 165 с.
10. Самбуу Ж. Шашны ба лам нарын асуудалд = О ламском вопросе и религии. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхэлэх хороо, 1961. 176 с.
11. Цэдэв Д. Их шавь = Крепостные. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн ХГ, 1964. 91 с.
12. Болдбаатар Ж. Монголын бурханы шашны лам хувраг = Монгольские буддийские ламы, хувараки. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2010. 267 с.
13. Сэрээтэр Ө. Монголын Их Хүрээ, Гандан хийдийн түүхэн бүтцийн товч (1651–1938) = Краткая история исторической структуры Их хурэ и монастыря Гандан в Монголии. Улаанбаатар: Дэд хэвлэл, 2017. 186 с.
14. Хатанбаатар Н. Халха монголын хүрээ хийд ба лам нарын түүхийн судалгааны зарим асуудалд (XVI–XX зууны эхэн) = Некоторые вопросы о монгольских монастырях и ламах (XVI–XX вв.) // Монголын бурханы шашны түүхийн зарим асуудал. Эмхэлсэн Л. Алтанзаяа. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2017. С. 52–86.
15. Хатанбаатар Н. Монголын хүрээ хийд лам нар (XVI–XX зууны эхэн) = Монгольские монастыри и ламы (XVI–XX вв.) Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 396 с.
16. Амгалан Н. Гандантэгченлин хийдийн номын мэргэд = Знатоки буддийских писаний монастыря Гандантегченлин // БНМАУ: Буддын шашин, сүм хийдийн асуудал (1944–1990 он) олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Эмхэтгэсэн: Г. Цэрэсугар. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2017. С. 63–75.
17. Гантуяа П. XVI–XX зууны Монголын сүм хийд, эрдэмтэн мэргэд = Монастыри и ученые знатоки Монголии XVI–XX в. / ред. Н. Бэгз, Д. Хоролбат. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. 214 с.
18. Чулуунбаатар Л. Шанзавын яам юу хийж байв = Чем занималась управа Шанзодбо-ямэнь. Улаанбаатар: МУИС, 2005. 72 с.

Информация об авторе

Цыренова Номинь Дондоковна, младший научный сотрудник; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nomin_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9578-5493>.

Для цитирования

Цыренова Н. Д. Монастырь Зая-пандиты Лувсанпринлэя: история и современность // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 104–112. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-104-112.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

References

1. Vanchikova, Ts. P. Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries. Irkutsk: Ottisk, 2019. (In Rus.)
2. Vanchikova, Ts. P. On the history of the Gandantegchenlin monastery. Mongolian Studies (Mongol Sudlal), no. 2, pp. 393–404, 2022. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404. (In Rus.)
3. Törü gereltü-yin qoriduyar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun-u delgeregsen sayin edüre rebogijiyigangdangšaddubling-yin eldeb qural nom-un yurim deglem kiged baling takil ba manji čab jed terigüten-yi čuqum šin-e qayučin yosuñar dangsa = A detailed record of the procedures and regulations [for conducting] khurals and manzhi, chab, zed and other things in the Ribogejaygandanshaddubling monastery, written on the 15th of the middle spring month in the 20th year of the reign of Turu-gereltu according to the Highest Decree. Library of the Gandantegchenlin Monastery. (In Mong.)
4. Vanchikova, T. P. About monastic charters in the Mongolian language. Culture of Central Asia: written sources, no. 9, pp. 5–35, 2016. (In Rus.)
5. Pozdnee, A. M. Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter to the people. Elista: Kalm. kn. publishing house. (In Rus.)
6. Baradin, B. Journey to Mongolia. Life of Buryatia, no. 1, pp. 26–33, 1924. (In Rus.)
7. Baradin, B. Journey to Mongolia. Life of Buryatia, no. 2–3, pp. 17–26, 1924. (In Rus.)
8. Tsybikov, G. Ts. Selected works in two volumes. 2nd ed., revised. T. 2: About Central Tibet, Mongolia and Buryatia. Novosibirsk: Science. Siberian Branch, 1991. (In Rus.)
9. Pyrevzhav, S. Huv'sgalyn өмнөх их хыree = Ih-hure before revolution. S. Pyrevzhav. Ulaan-baatar: Ulsyn hevlelij hereg erhelekh horoo, 1961. (In Mong.)
10. Sambuu, Zh. On the Lama Question and Religion. Ulaanbaatar: ulsyn hevlelij hereg erhelekh horoo, 1961. (In Mong.)
11. Cedev, D. Ih shav' = Serfs. Ulaanbaatar: Shinzhelekh uhaany akademijn HG, 1964. (In Mong.)
12. Boldbaatar, Zh. Mongolyn burhany shashny lam huvrag = Lamas and Huvaraks of Mongolia. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2010. (In Mong.)
13. Sereeter, Ө. Mongolyn Ih Hyree, Gandan hijdijn tyhhen bytcijn товч (1651–1938) = A Brief History of the Historical Structure of Ikh Khure and Gandan Monastery in Mongolia. Ulaanbaatar: Ded hevlel, 2017. (In Mong.)
14. Khatanbaatar N. Khalha mongolyn hyree hijd ba lam naryn tyhijn sudalgaany zarim asuudald (XVI–XX зууны екхин) = Some questions about Mongolian monasteries and lamas (XVI–XX cent.). Mongolyn burhany shashny tyhijn zarim asuudal. Emhelsen L. Altanzayaa. Ulaanbaatar: Soembo Printing. 2017: 52–86. (In Mong.)
15. Khatanbaatar, N. Mongolyn hyree hijd lam nar (XVI–XX зууны екхен) = Mongolian monasteries and lamas (XVI–XX centuries). Soyombo printing, 2018. (In Mong.)
16. Amgalan, N. Experts on Buddhist scriptures at Gandantegchenling Monastery. BNMAU: Buddyn shashin, süm hijdijn asuudal (1944–1990 on) olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn emhetgel. Emhetgesen: G. seresugar. Ulaanbaatar: Soembo Printing. 2017: 63–75. (In Mong.)
17. Gantuyaa, P. XVI–XX зууны Mongolyn süm hijd, erdemten merged = Monasteries and learned experts in Mongolia in the 16th–20th centuries. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2015. (In Mong.)
18. Chuluunbaatar, L. Shanzavyn yam yuu hijzh bajv = What did the Shanzodbo-yaaman administration do? Ulaanbaatar: MUIS, 2005. (In Mong.)

Information about the author

Tsyrenova Nomin D., Junior Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy, st., Ulan-Ude, 670047, Russia; nomin_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9578-5493>.

For citation

Tsyrenova N. D. Administrative Hierarchy of the Gandan Monastery According to the “Regulations of 1840” // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 104–112. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-104-112.

**Received: April 7, 2024; approved after reviewing May 11, 2024;
accepted for publication May 13, 2024.**

Научная статья**УДК 271.2(470+571)****DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-113-122****Православные обители как центры христианской цивилизации на восточных рубежах русского государства****Инна Игоревна Юрганова**

*Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия;
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Россия
inna.yurganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>*

Исследование посвящено вопросам истории и деятельности монашеских обителей Сибири, их значимости в контексте интеграции сибирских территорий в состав русской государственности, обусловленной длительностью процессов христианизации: от создания церковно-административной единицы в Сибири (1620) и до завершения в начале XX столетия. В ходе исследования привлечены комплексный и коммуникативный подходы, аксиологические аспекты и методология локальной истории, предполагающая реконструкцию регионального исторического нарратива. Отмечено, что учреждение монашеских обителей стало важным фактором распространения российской государственности. Рассмотрены пути создания монастырей, связанных как с монашеской и общественной инициативой, так и по решению епархиальной власти. Уделено внимание научному дискурсу современной исторической науки по вопросам датировки учреждения монашеских обителей и индивидуального исследовательского подхода. Определён вклад монастырей в экономическое развитие территорий, указаны основные направления социально-просветительской деятельности монашествующих. Отмечена роль женских православных общин Сибири второй половины XIX столетия, способствующих укреплению идеологической основы империи, оказывающих влияние на формирование нравственно-ценностных установок и повышение образовательного уровня местных этносов. Обоснована особая роль монастырей в истории региона, обусловленная территориальными и природно-климатическими условиями, поликонфессиональностью и полиязычием Сибири, когда немногочисленное монашество выполняло разнообразные функции, занимаясь миссионерской, социально-просветительской и образовательной деятельностью. Сделан вывод, что православные монастыри Сибири являлись форпостами распространения и утверждения христианской цивилизации, обеспечивали коммуникацию с иноэтничным населением, вовлекая его в православную ментальность, формируя вектор социокультурного топоса, что и является перспективой дальнейшего исследования истории сибирских монашеских обителей.

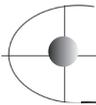
Ключевые слова: Сибирь, Русская Православная церковь в Сибири, православные монастыри Сибири, Сибирская (Тобольская) митрополия, миссионерская деятельность, духовные школы, цивилизационный диалог

Original article**Orthodox Monasteries as Centers of Christian Civilization on the Eastern Borders of the Russian State****Inna I. Yurganova**

*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Institute for Humane Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
inna.yurganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>*

The study is devoted to the history and activities of monastic monasteries in Siberia, their importance in the context of the integration of Siberian territories into the Russian statehood, due to the duration of the processes of Christianization: from the creation of a church administrative unit in Siberia (1620) and completion at the beginning of the twentieth century. The research involved complex and communicative approaches, axiological aspects and methodology of local history, involving the reconstruction of a regional historical narrative. It is noted that the establishment of monastic monasteries has become an important factor in the spread of Russian statehood. The ways of creating monasteries related to both monastic and public initiatives, as well as by decision of the diocesan authorities, are considered. We pay attention to the scientific discourse of modern historical

science on the issues of dating the establishment of monastic monasteries and an individual research approach. The contribution of monasteries to the economic development of territories is determined, the main directions of social and educational activities of monastics are indicated. We consider the role of the women's Orthodox communities of Siberia in the second half of the XIX century, contributing to the strengthening of the ideological basis of the empire, influencing the formation of moral and value attitudes and improving the educational level of local ethnic groups. The special role of monasteries in the history of the region is justified, due to the territorial and climatic conditions, the multi-confessional and multilingual nature of Siberia, when a few monks performed various functions, engaged in missionary, socio-educational and educational activities. We draw a conclusion that Orthodox monasteries in Siberia were outposts of the spread and establishment of Christian civilization, monasteries provided communication with the non-ethnic population, involving them in the Orthodox mentality, forming a vector of the socio-cultural topos of the peoples of Siberia.

Keywords: Siberia, Russian Orthodox Church in Siberia, Orthodox monasteries of Siberia, Siberian (Tobolsk) Metropolia, missionary activity, theological schools, civilizational dialogue

Введение. Присоединение Сибири стало вехой в истории Русского государства, объединившего регионы и народы с разными социально-экономическими и социокультурными характеристиками. И по мере включения в империю, в процессе экономического и управленческого освоения, введения общеимперских институтов, развития сети коммуникаций и ментального присвоения, они, утрачивая окраинность, сохраняли специфику региональных пространств и идентичности. Исследователи отмечают, что единство государственных учреждений, государственный язык и религия, развитие коммуникаций и распространение русской земледельческой колонизации способствовали интеграции восточных окраин в состав империи и «превращению Сибири в Россию» [1, с. 20]. Отметим, что дефиниция «Сибирь» представляется дискуссионной по отношению к её территориальным границам, в имперский период в состав Сибири включали все восточные земли за Уралом.

В 1615–1763 гг. действовал Сибирский приказ, в 1708 г. создана Сибирская губерния с центром в г. Тобольске. Изучение процесса утверждения государственной власти на сибирских просторах неразрывно связано с историей православия, являвшегося элементом инкорпорации регионов. В 1620 г. была учреждена Тобольская епархия (архиепископия), в 1668 г. епархия ввиду особой значимости возведена в статус митрополии. После создания епархии в г. Иркутске (1727) Сибирь была разделена на Западную и Восточную, что получило законодательное оформление в первой половине XIX столетия (1822).

Представляется актуальным изучение процесса создания и деятельности православных монастырей как в границах регионального моделирования, так и в целом на территории Сибири, на более чем двухвеко-

вом временном интервале, обусловленном длительностью процессов христианизации, начало которой соотносится с созданием церковно-административной единицы в Сибири, а завершение связано со сменой политического режима в стране.

Методы исследования. В ходе исследования привлечены комплексный подход, предполагающий всестороннее изучение исторического явления на основе сочетания сведений различных источников с целью воссоздания всесторонней характеристики; ценностный принцип с позиций аксиологических аспектов (идеологического, политического, религиозного); коммуникативный подход как способ исторического исследования, направленный на осмысление форм, содержания и развития коммуникации как фактора социальной эволюции. Кроме того, использована методология локальной истории, имеющая целью конструирование региональной исторической памяти.

Результаты исследования. *Создание монашеских обителей.* Значимым фактором распространения российской государственности в Сибири стало учреждение монашеских обителей. Монастыри основывались с приходом русских переселенцев, и, согласно летописям, в дружине Ермака были монашествующие иноки. Доступность получения земли под монастырские строения, помощь воевод, добровольные пожертвования жителей способствовали становлению обителей, в которых находили приют ветераны сибирских военных кампаний и ссыльные. Сибирский историк П. А. Словоцков отмечал: «Куда поселялся инок с крестом, там водворялся и крестьянин с плугом. Около монашеской кельи, под сенью святого креста, запахивалась полоса земли, которая делалась первым ядром монашеского хозяйства, а крестьянин-бобыль, или бездомный пришелец, первым работником,

кормильцем себя и благочестивого старца» [2, с. 125].

Исследователи выделяют несколько вариантов создания монастырей, первый из которых связан с монашеской инициативой, когда инок обращался к церковным властям за благословением и к местной администрации за разрешением на строительство. «Сведение о Енисейском Спасском мужском монастыре, составленное архимандритом оного Афанасием» повествует: «...начало монастыря 1592 и 3 года от некоего инока Тимофея Иванова... затем, как известно, по царскому указу был учреждён и город Енисейск в 1618 году». Автор отмечает, что архиепископское благословение монастырь получил только в 1642 г., когда начинается летопись монашеской обители (1640/1641 – ?), указывая её как дату основания [3, с. 333–334, 339]. Имеются упоминания о «строителях»¹ монастыря Сергии (1639) и Феодосии (1644) [4, с. 88]. В Верхотурье монастырь был создан иеромонахом Ионой Пошехонцем в 1604 г. на средства казны и мирян [5, с. 7]. В 1657 г. монахами Енисейского Спасского монастыря Тихоном и Дионисием в устье реки Нижняя Тунгуска недалеко от Туруханска была основана пустынь, получившая в 1664 г. статус Туруханского Троицкого монастыря, куда в 1670 г. были перенесены мощи св. Василия Мангазейского², обеспечившие обители многочисленных паломников. Основателем Иркутского Вознесенского мужского монастыря считают старца Герасима, построившего скит на противоположном от г. Иркутска берегу реки Ангары [6, с. 159].

Другой причиной основания обителей могла быть инициатива мирян. В 1663 г. жители Илимского острога и ближних сёл обратились к воеводе Д. Обухову за разрешением на строительство. К этому же времени относятся челобитные к тобольскому архиерею и царю о благословении и разрешении возведения Якутского Спасского мужского монастыря, основателями которого считают стольника воеводу Ивана Большого Голенищева-Кутузова, жителей острога и избранного строителя служилого человека

И. А. Овчинникова³. В источниках имеется упоминание о проживающих в остроге монахах (Алексии, Мелевсиппе, Макарии) и игумене Евфимии [7, с. 7].

На рубеже XVI–XVII вв. российское подданство и крещение приняли кондинские князья Алачевы. В Кодском городке построены Троицкая и Зосимо-Савватиевская церкви, прихожанами которых стала княжеская семья с приближенными. Но после потомки князя были обвинены в нарушениях православных норм, Кондинское княжество было ликвидировано (1643). Спустя два десятилетия на основании челобитной остяков 14 ясачных волостей «белому» царю, поддержанной сибирским архиепископом Симеоном⁴, было дано разрешение на «возведение на прежнем месте монастыря» и в Кодском городке возникла монашеская община [8, с. 11].

Ещё одной причиной создания обителей являлось стремление тобольских архиереев к распространению православия. В 1621 г. первым архиереем Сибири архиепископом Киприаном (Старорусенниковым)⁵ упомянуты обители, действующие до создания Сибирской епархии: Верхотурье, Тюмень, Березов, Туринск и Тобольск. По инициативе церковной власти основан первый женский монастырь Сибири – Покровский. Когда, проезжая через Верхотурье в 1621 г., тобольский владыка узнал о десяти старицах, проживавших «в миру», то распорядился построить для них храм и кельи [5]. В 1660 г. владыка Симеон благословил основание Свято-Троицкого Туруханского монастыря.

Предметом научного дискурса остаётся вопрос о количестве сибирских монастырей XVII в. Отмечая путаницу и неточности, И. Л. Манькова предлагает способы коррекции статистики, а именно: уточнение данных об основании и периодах существования обителей и определение методики подсчётов в соответствии с динамикой и ходом исторического процесса, так как имело место упразднение и повторное учрежде-

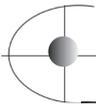
³ Якутские епархиальные ведомости. – 1890. – № 7. – С. 124–140; Спасский монастырь. Краткий исторический очерк. 1644–1904. – СПб., 1904. – С. 4.

⁴ Архиепископ Сибирский и Тобольский в 1651–1664 гг.

⁵ Митрополит Киприан (Старорусенков/Старорусенников) (вторая пол. XVI в. – 1634), первый архиепископ Сибирский и Тобольский (1620–1624), добился получения «царского жалования», земель и рыбных ловель для некоторых сибирских монастырей.

¹ В духовной терминологии строитель – должность.

² Св. Василий Мангазейский (ок. 1588 – ок. 1602), сибирский первомученик, святой Русской православной церкви.

ние монашеских обителей. По данным И. Л. Маньковой, в Сибирской епархии, охватывающей территорию от Уральских гор до Тихого океана, к концу XVII в. действовало 24 мужских и 8 женских монастырей, т. е. 32 монашеских обители [5, с. 8].

Пolemичны и даты основания монашеских обителей. Так, присутствуют упоминания, что Спасский монастырь в Якутске действовал и в ранее принятых историографической традицией 1663/1664 гг., когда острог располагался на затопляемых Гимандайском урочище и Человом (Чуковом) лугу. Затем монастырские постройки были перенесены на высокий полуостров и жители острога «били челом» царю и тобольскому владыке об устройении нового монастыря [7, с. 7]. Дата основания Енисейского Христорождественского женского монастыря тоже является предметом дискурса. Основательницей монастыря называют уроженку Нижнего Новгорода П. Племянникову, получившую благословение архиепископа Киприана [9, с. 346; 6, с. 146]. В источниках и литературе присутствует версия, изложенная А. И. Кытмановым об основании женского монастыря в 1623 г.¹ [10]. Данную дату оспаривает А. А. Бродников, полагая, что Племянникова прибыла в Енисейск в 1654 г. и, по его мнению, в очерке арх. Афанасия имеется техническая погрешность, в результате которой монастырь стал старше на три десятилетия [11, с. 69–72].

Исследователь отмечает, что в «Сибирской истории» И. Э. Фишера и труде П. Н. Буцинского² отсутствуют упоминания о енисейских монастырях, а «История Сибири» Г. Ф. Миллера соотносит дату основания обители с 1653 г. [12, с. 300–306]. А. А. Бродников указывает, что копии документов, сделанные Миллером в Енисейском архиве, содержат следующие сведения: «13 октября 1651 г. енисейские всяких чинов люди – от священников и детей бояр-

ских до посадских и крестьян, собравшись в съезжей избе, составили коллективную челобитную на имя архиепископа сибирского и тобольского Симеона с просьбой в Енисейском остроге на посаде построить девичь монастырь» [11, с. 70].

Помимо этого, имеется точка зрения о возникновении Рождественского монастыря в 1664 г. [13, с. 108, 219; 14, с. 26]. Представляется спорным и вопрос об основании Селенгинского Троицкого монастыря (1680/1681/1683) [14, с. 27, 33].

Таким образом, вопрос об открытии обителей (появление скита монаха-отшельника и/или образование поселения; возникновение монашеской общины и/или строительство монастырского комплекса; благословение на строительство монастыря епархиального начальства; назначение первого строителя или игумена и др.) открыт. Очевидно, что дату основания каждой из монашеских обителей необходимо рассматривать с учётом конкретных исторических обстоятельств [5, с. 7].

В большинстве монастыри Сибири были малочисленными, не более десяти-пятнадцати иноков. Так, численность монахов основанного в 1639 г. Красноярского Введенского монастыря в конце XVII в. не превышала 5 человек. В крупном, по сибирским меркам, Киренском Троицком монастыре числилось 18 монахов, братия первого в Забайкалье Нерчинского Успенского монастыря в первой четверти XVIII в. составляла 11 человек [6, с. 153, 157, 182]. Незначительная численность монашествующих свидетельствовала о кадровом дефиците сибирского духовенства, возросшем в XVIII в. как следствие церковной политики государства³. Суровые климатические условия делали монастырскую жизнь проблематичной, обители закрывались в том числе по причине смерти иноков и отсутствия желающих поступить в монастырь. Известен факт насильственного пострижения (пострижения по принуждению) в Иркутской епархии, когда волей епископа Иннокентия (Неруновича)⁴ для решения кадрового вопроса и вопреки запрету Синода было проведено пострижение в монашество вдовых священников. В 1915 г. в Забайкальской епархии действова-

¹ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 годы. – Красноярск, 2016. – С. 12.

² См.: Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / Сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской академии наук и профессором древностей и истории, также членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. – СПб.: При Импер. Акад. наук, 1774. 631 с.; Буцинский П. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков, 1889; Буцинский П. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан. – Харьков, 1898.

³ Указы Петра I и распоряжение Св. Синода 1734 г., допускавшие пострижение только вдовцов и отставных солдат.

⁴ Иннокентий (Нерунович/ Неронович Иван) (1690–1747), епископ Иркутский и Нерчинский в 1732–1747 гг.

ли Троицкий Селенгинский и Селенгинский Спасский мужские монастыри, в первом из которых проживало девять монахов, во втором – девять монахов и три послушника. Отмечалось, что местные жители-сибиряки редко поступают в монастыри¹.

Сибирские монашеские обители как центры христианской ментальности.

В условиях Сибири монастыри приобретали особую значимость, обусловленную как объективными, так и субъективными факторами регионального проживания (значительность территории, затруднённая и/или отсутствие транспортной логистики, кочевой и полукочевой образ жизни местных этносов, полиязычие и поликонфессиональность и др.).

Монастыри являлись центрами духовной жизни на значительных территориях, многие из них создавались с миссионерскими целями. Московские власти жаловали земельные владения сибирским обителям. В 1678 г. по указу царя Федора Алексеевича в Томск, Енисейск, в Якутский Спасский и Киренский Троицкий монастыри были направлены грамоты, где «велено было описать, сколько казённых земель и покосов и скотских выпасов и рыбных ловель и крестьян и иных людей дадено... сколько в каждом монастыре братии и что надобно от Великого Государя на жалование»². И в XVII в., когда проходило сокращение монастырских вотчин и царским указом (1698) запрещалось учреждение монастырей «в Сибири мужских и женских монастырей, где всякого чина православным христианам постригаться и спасаться, довольное число есть», всё-таки создавались новые обители. Церковная реформа Петра Великого привела к созданию Монастырского приказа, в ведение которого переходили все монастырские земли, но сибирские монастыри были изъяты из его ведения (1705).

Монастырское духовенство Сибири приобретало земельные владения и сосредотачивало экономические средства, необходимые для развития пашенного земледелия, которое в перспективе должно было привести местное население к осёдлому образу жизни. Земледелие выполняло социокультурную функцию, и православный крестьянин должен был духовно сплотить империю, научив инородцев сеять, пахать,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.796. – Оп. 442. – Д. 27. – Л. 3.

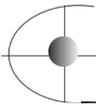
² Якутские епархиальные ведомости. – 1890. – № 7. – С. 103–105.

косить и мыслить по-христиански. Монастыри являлись опорными пунктами земледельческого освоения края. В Сибири не было крепостничества, и беглые из центральных районов крестьянствовали на землях обителей, приобретая статус вкладчиков и получая «подмогу», предоставляющую средства «для обзаведения хозяйством». Так, старейшая из монашеских обителей Прибайкалья Киренский Троицкий монастырь к середине XVII в. обладал значительными земельными владениями, отведёнными как киренскими воеводами, так и Е. П. Хабаровым³. С хозяйственной деятельностью Спасского мужского монастыря связано развитие земледельческой культуры Якутского уезда.

В первой половине XVIII столетия в Восточной Сибири действовало 14 монастырей (12 мужских и 2 женских), являющихся экономическими субъектами с профильной инфраструктурой. Направления хозяйственной деятельности обителей зависели от месторасположения и включали земледелие, скотоводство, рыбный и пушной промыслы, добычу и реализацию соли, пивоварение и др. В монастырях разводили скот, занимались торговлей, при некоторых из них действовали учебные заведения. Красноярский Введенский и Кашиношиверский Спасский мужские монастыри специализировались на земледелии, в Киренском Троицком и Иркутском Вознесенском занимались земледелием и скотоводством, рыбной ловлей и соляным промыслом. Одним из источников дохода Енисейских Рождественского женского и Спасского мужского монастырей являлась пушнина. Монахини Иркутского Знаменского женского монастыря, помимо прочего, занимались пивоварением. Все обители имели вотчины (деревни и заимки), где трудились монастырские крестьяне [6, с. 143–200].

После секуляризации монастыри были переведены на государственное содержание за счёт оброчного сбора с бывших церковных крестьян, разделены на классы; часть их ликвидировалась, часть выводилась за штат. В Иркутской епархии количество монастырей сократилось до десяти и вне классификации остались Нерчинский Успенский и Якутский Спасский. Затем решением Синода (1799) Спасский монастырь был отнесён к 3-му классу за счёт выведения за штат Селенгинского Троицкого мона-

³ Хабаров Ерофей Павлович (ок. 1603 – ок. 1671), русский землепроходец, руководитель и участник походов в Мангазею, Якутию, Даурию и Приамурье.

стыря¹. В целом, к 1801 г. в Сибири к 1801 г. действовало 20 монашеских обителей.

Секуляризационная политика вызвала критику епископата, и одним из её противников стал митрополит Арсений (Мацеевич)², с именем которого связана легенда, бытующая на южно-сибирских просторах. А. Мацеевич сурово поплатился за публичное осуждение церковной политики государства, был лишён сана, расстрижен и закончил земной путь узником Ревельской крепости.

Тем не менее в труде митрополита Нестора (Анисимова)³ имеются сведения о часовне на «мнимой могиле» митр. Арсения на горе Троицы Нерчинского тракта в Забайкалье. Анисимов ссылается на указ Иркутской духовной консистории от 8 марта 1773 г. на имя настоятеля Селенгинского Троицкого монастыря, свидетельствующий, что митрополит Арсений в октябре 1763 г. был направлен в Нерчинскую Успенскую пустынь, а затем переведён в Селенгинск. По преданию он скончался в 48-ми верстах от Удинска, где находилась «могила» и ежегодно 8 мая проходило великое заупокойное служение [15, с. 486–489]. Но данные факты не находят подтверждения в житии митрополита и в исторических источниках, а названный выше указ консистории не сохранился.

В конце XVIII в. государственная политика по отношению к монастырям претерпевает изменения и у властимущих формируется мнение о значимости монашеских обителей как одной из духовных опор государства: открываются новые и восстанавливаются ранее закрытые монастыри, возрождается древнеправославное явление старчества с интересом к аскетизму, нестяжанию и проповеди нравственных законов христианства. В Сибири распространяется скитское старчество, когда старцы проживают при монастырях и основывают пустыни.

¹ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 80. – Д. 255. – Л. 1–11.

² Арсений (Мацеевич Александр Иванович) (1697–1772), митрополит Ростовский и Ярославский, окончил Львовскую католическую и Киевскую духовную академию. В 1716 г. пострижен в монашество. В 1730–1733 гг. в Тобольской епархии, участник Северной морской экспедиции В. Беринга (1734–1737). В 1741–1742 гг. – митрополит Тобольский и Сибирский, затем митрополит Ростовский и Ярославский. Миссионер, выступал против государственной политики подчинения и бюрократизации Церкви, один из авторов проекта о восстановлении патриаршества в России. В 1918 г. восстановлен в сане митрополита (1984), канонизирован (2000).

³ Нестор (Анисимов Николай Александрович) (1885–1962), митрополит, церковный и общественный деятель, миссионер-просветитель.

В первые десятилетия XIX в. (до 1820 г.) под Туринском действовал скит преподобного Зосимы (З. В. Верховского), личность которого стала одним из прообразов героя *Ф. М. Достоевского* – старца Зосимы. Известно и окутано легендами имя томского старца *Федора Кузьмича*.

Монашеские обители по-прежнему являлись центрами миссионерства. При обителях действовали иконописные мастерские, формируя школу сибирской иконописи, типографии, об учреждении первой ещё в начале XVIII в. ходатайствовал митрополит Филофей⁴ (Лещинский)⁵. Согласно челобитной митр. Филофея Петр I повелел создать при Тобольском архиерейском доме училище для «поповских, дьяконских и церковнических детей ... дабы они могли... удостоиться в чине священства, народ учить и многочисленных в Сибири туземцев, не ведущих Создателя Бога, приводить в познание истинные веры»⁶. В 1706 г. митрополит вновь обратился к царю с ходатайством «... в Иркутске, Енисейске, Якутске и других городах, где пригодно построить училища и собрать от всякого чина ребяток и учить их грамоте, дабы после они и сами умели не только христиан учить, но и неверных призывать к христианской вере, дать о том грамоту воеводам» [16, с. 106].

Одним из результатов стал царский указ (1706) о распространении христианизации нерусского сибирского населения⁷. Монастырские школы должны были выполнять функции миссионерского центра, где предполагалось осуществлять подготовку сибирского духовенства, в том числе и детей местных народов. В 1744 г. по благословению митрополита Антония⁸ открыта школа в Томском Алексеевском монастыре, и к концу XVIII столетия в Тобольской епархии действовало 30 духовных школ, в том

⁴ Филофей (Лещинский Рафаил Богуславович) (1650–1727), митрополит Сибирский и Тобольский (1702–1711, 1715–1721).

⁵ Прошение митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ этого государя на него. Послание протоиерея Александра Сулоцкого. Июнь. 1863. – Омск; Москва, 1863.

⁶ Тобольские губернские ведомости. – 1858. – № 26. – С. 454; № 40. – С. 621.

⁷ Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). – СПб.: Тип. 2-го отделения собств. Ее Императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 5. – № 2863.

⁸ Антоний (Стаховский Андрей Георгиевич) (1671(1672)–1740), митрополит Тобольский и всея Сибири (1721–1740).

числе при монастырях (Тюменском, Туринском, Верхотурском, Томском, Енисейском, Туруханском, Далматовском и др.). К концу XVIII в. при Тобольском Знаменском монастыре действовала первая духовная семинария Сибири, ставшая предтечей духовных и светских учебных заведений Сибири, выпускники которой составили основу преподавательских кадров Сибири.

Образ жизни кочевников не предполагал «заведения школ». Обучение было возможно путём создания школ-пансионов при храмах, что требовало финансовых средств и согласия родителей, не желавших расставаться с детьми, которые по сложившейся практике должны были заменить отцов в кочевьях и на промыслах. Изучение грамоты не входило в картину мира иноверцев, нарушало привычный уклад, и поступившие в школы-пансионы при православных приходах считались потерянными для традиционных семей, куда они (за редким исключением) не возвращались, стремясь продолжить обучение и получить доступ в «большой мир».

Преобразования второй половины XIX в. предусматривали регламентацию и стимулирование просветительской деятельности монастырей, и императорские указы и распоряжения Синода были направлены на соблюдение действующего законодательства и исправления «расстроеного состояния управления монастырями». Стало обязательным наличие при обители благотворительного и/или просветительского учреждения¹. Епархиальные архиереи получили право пострижения в монашество без разрешения Синода и контроля приёма/увольнения монашествующих и послушников (1865) [17, с. 3–10]. В 1870 г. Синод обратился к епархиальным архиереям с предложением о поддержке в развитии женских монастырей и общин. Перепрофилированные из богаделен и приходских благотворительных обществ, создаваемые на пожертвования, женские общины предоставляли возможность перехода к монашеству. В Сибири потребность создания женских обителей была связана с увеличивающимся вследствие переселенческой политики населением и экономическим развитием территорий. Вторая половина XIX в. характеризуется количественным и качественным ростом женских монастырей, просветительская деятельность которых была востребована в связи

с недостаточным развитием государственных и частных культурно-просветительских учреждений.

Женские монастыри должны были служить укреплению идеологической основы империи, противодействовать распространению ислама и буддизма, оказывать влияние на формирование нравственно-ценностных установок и здорового образа жизни. При обителях действовали богадельни, сиротские дома, приюты, церковные хоры, народные чтения и др. [18, с. 31–32]. Так, при Алтайской духовной миссии была создана женская община с целью «...распространения через неё не только веры, но и русской культуры... и вовлечения в христианскую ментальность женщин и детей местного населения» [19, с. 593]. Основу социокультурной преемственности общин составляли межпоколенческие отношения, система традиционных ценностей и православной мировоззренческой ориентации; присутствовал институт наставничества. Обители обладали разделением труда: в Бийском Тихвинском монастыре действовали свечной склад и рукодельная мастерская, в Богородицко-Казанской Томской епархии – живописная, чеботарная, переплётная, рукодельная, ткацкая и матрасная мастерские, в Якутской Покровско-Нининской миссионерской общине приоритетными направлениями деятельности было обучение грамоте женщин и детей и организация школы-приюта с ремесленным отделением.

Но благие намерения женской монашеской благотворительности не всегда были успешны. В 1901 г. послушница Свято-Троицкой общины Калужской губернии А. В. Волкова выступила с инициативой организации общины в Якутии для просвещения «тёмного инородческого люда, в особенности молодого поколения его женского» с перспективой создания женского монастыря². Указом Синода и по представлению епархиального архиерея определено «на означенном в ходатайстве месте учредить женскую миссионерскую общину с наименованием ея Покровско-Нининскую; с таким количеством сестёр, которое община будет в состоянии содержать» (1902)³. Но история общины оказалась короткой, и уже летом 1904 г. она прекратила своё существование

² Якутские епархиальные ведомости. – 1910. – № 10. – С. 155.

³ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). – Ф. 501-и. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 14.

¹ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 148. – Д. 1386. – Л. 3–4.

в связи с финансовой несостоятельностью и кончиной настоятельницы. В целом к 1917 г. в Сибири действовало 65 монастырей, в том числе 40 женских.

Вопросы содержания просветительно-благотворительных организаций при монашеских обителях и значимости монашеской деятельности в местностях с инородческим населением рассматривались на заседаниях Иркутского миссионерского съезда (1910), участники которого отмечали, что наиболее эффективной (с учётом сибирских условий проживания) представляется миссионерская деятельность монашествующих.

Многовековая история монашеских обителей Сибири связана с функциями пенитенциарных учреждений. Государственная власть направляла в монастыри «на послушание» сторонников оппозиции, вероотступников или лиц, совершивших иные преступления, а суровые условия проживания служили дополнительным наказанием. При монастырях имелись тюрьмы, применялось одиночное заключение [6, с. 144–145]. «На вечном поселении» в Селенгинском Троицком и Успенском Нерчинском монастырях проживал первый вице-президент Синода, архиепископ Георгий (Дашков)¹. В Якутский Спасский монастырь, условия содержания в котором считались одними из суровых, за участие в заговоре была сослана графиня А. Г. Бестужева² [20, с. 81].

Заключение. Деятельность сибирских монастырей способствовала взаимопроникновению культур и вовлечению инородческого населения в административно-правовое, экономическое и культурное пространство России. Монастыри Сибири соотносимы с островками христианского мира в огромном,

окружающем их конгломерате язычества и инославия мультэтничного кочевого и полукочевого населения.

Полемичность вопросов датировки основания монастырей и их численности, находящая отражение в исследованиях современных авторов, свидетельствует о научном интересе к истории сибирского православия. Очевидно, что первоначальным источником существования сибирского монашества являлись пожертвования царствующих особ, местной светской власти, жителей острогов и поселений. Затем, к середине XVII в., большинство из монастырей были уже экономически независимыми хозяйствующими субъектами, имеющими профильную направленность. Социально-просветительская работа монашеских обителей предоставляла возможности вовлечения «инородцев» в христианский мир, формируя аксиологические установки и основы нравственности, и представляется обоснованным мнение о том, что монастыри Сибири выполняли «роль стабилизатора, решая проблемы общества путём призрения и обучения» [18, с. 175].

Особость условий проживания обуславливала полифункциональность монастырей, когда немногочисленное монашество выполняло разнообразные функции, занимаясь миссионерской, социально-просветительской и образовательной деятельностью. Православные монастыри выступали очагами христианской культуры, обеспечивали коммуникации и межцивилизационный диалог, их деятельность направляла вектор христианизации иноэтничного населения, участвуя в формировании единого пространства империи, в связи с чем представляется перспективным дальнейшее исследование истории монашеских обителей.

Список литературы

1. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. 456 с.
2. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: кн. 1–2. Кн. 1: С 1585 до 1742 г. М.: Тип. А. Семёна при Медико-хирург. академии, 1883. XXXII. 589 с.
3. Афанасий (Линицкий), архмандр. Сведение об Енисейском Спасском мужском монастыре, составленное архимандритом оного Афанасием // Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб.: Тип. И. Огрызко, 1863. С. 333–345.
4. Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей с показанием начала и построения оных; крестных ходов; храмовых праздников в Санкт-Петербурге и Москве; пасхалии на 50 лет; торжественных дней и достопамятнейших дней в России происшествий хронологическим порядком. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1819. XXII. 198 с.

¹ Георгий, в схиме Гедеон (Дашков) (?–1739), архиепископ Ростовский и Ярославский (1718–1731), вице-президент Святейшего Синода (1726–1731), скончался в ссылке в Нерчинском монастыре.

² Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна (?–1751), статс-дама Екатерины I, скончалась в г. Якутске.

5. Манькова И. Л. Возникновение монастырей в Сибири в XVII в.: проблемы датировки и численности // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 5–14.
6. Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск: ИГУ, 2016. 311 с.
7. Якутского Спасского второклассного монастыря настоятели (1640–1902): краткий перечень их назначения, служения и прочее. Иркутск: Тип. Сизых, 1903. 10 с.
8. Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / сост. С. А. Белобородов, Н. А. Мудрова, А. В. Полетаев [и др.]. Екатеринбург, 2003. 496 с.
9. Афанасий (Линицкий), архмандр. Краткое сведение об Енисейском женском Христо-Рождественском 3-го класса монастыре // Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб.: Тип. И. Огрызко, 1863. С. 346–350.
10. Лихачева Ю. Н. «Енисейские епархиальные ведомости» как источник по изучению социального облика духовенства г. Енисейска. Текст: электронный // Молодежь и наука: сб. материалов VII Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: СФУ, 2011. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html> (дата обращения: 10.02.2024).
11. Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск: НГУ, 2019. 380 с.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1941. 637 с.
13. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири в XVII в. М., 1956. 432 с.
14. Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983. 164 с.
15. Нестор (Анисимов), митр. Православие в Сибири. Свет Христов просвещает всех! // Сборник трудов выдающихся миссионеров Русской Православной церкви. Новосибирск: Правосл. гимназия во имя преп. С. Радонежского, 2000. С. 460–526.
16. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. 344 с.
17. Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей: опыт историко-канонического исследования. Харьков, 1905. 174 с.
18. Овчинников В. А. Православные монастыри и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 255 с.
19. Рункевич С. В. Русская церковь в XIX веке // История Православной Церкви в XIX в.: в 2 т. Т. 2: Славянские Церкви. Репринт изд. 1901 г. М.: Моск. подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998. 770 с.
20. Юрганова И. И. Деятельность Русской православной церкви на северо-востоке Сибири: инкорпорация в русскую государственность (XVII – начало XX века). Чита: ЗабГУ, 2021. 328 с.

Информация об авторе

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук; 677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; inna.yurganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>.

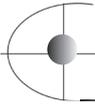
Для цитирования

Юрганова И. И. Православные обители как центры христианской цивилизации на восточных рубежах русского государства // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 113–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-112-122.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 17.04.2024.

References

1. Dameshek, L. M. Siberian “foreigners” in the imperial strategy of power (XVIII – early XX century) Irkutsk: Izd-vo “Ottisk”, 2018. (In Rus.)
2. Slovtsov, P. A. Historical Review of Siberia: books 1–2. [Book] 1: From 1585 to 1742. M: Tipografiya A. Semena pri Mediko-hirurg. akademii, 1883. XXXII. (In Rus.)
3. Afanasiy (Linitskiy), archmandr. Information about the Yenisei Spassky Monastery, compiled by Archimandrite Athanasius thereof. Commemorative book of the Yenisei province for 1863. SP: Tip-ya I. Ogrzyzko, 1863: 333–345. (In Rus.)
4. Historical description of dioceses, monasteries and churches located in Russia with indications of the beginning and construction of them; processions; temple holidays in St. Petersburg and Moscow; Paschal celebrations for 50 years; solemn days and memorable days in Russia of incidents in chronological order. SPb; Tip. I. Glazunova, 1819. XXII. (In Rus.)

5. Man'kova, I. L. The emergence of monasteries in Siberia in the XVII century: problems of dating and number. *Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 47, pp. 5–14, 2017. (In Rus.)
6. Sannikov, A. P. Church, society and the state on the eastern outskirts of the Russian Empire in the XVII–XVIII centuries. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2016. (In Rus.)
7. The abbots of the Yakut Spassky Second-class monastery (1640–1902): a short list of their appointments, ministries, etc. Irkutsk: Tipografiya Sizyh, 1903. (In Rus.)
8. Book treasures of Ugra: handwritten and old-printed books from the collections of the city of Khanty-Mansiysk. Comp. by S. A. Beloborodov, N. A. Mudrova, A. V. Poletaev, et al. Yekaterinburg, 2003. (In Rus.)
9. Afanasiy (Linitskiy), archmandr. Brief information about the Yenisei women's Christ-Christmas monastery of the 3rd class. Memorial book of the Yenisei province for 1863. SPb: Tip-ya I. Ogryzko, 1863: 346–350. (In Rus.)
10. Likhacheva, Yu. N. "Yeniseiskie diocesan Gazette" as a source for the study of the social appearance of the clergy of Yeniseisk. Youth and Science: collection of materials of the VII All-Russian Scientific and Technical conf. of students, postgraduates and young scientists. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 2011. Web.10.02.2024. <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html>. (In Rus.)
11. Brodnikov, A. A. Yeniseisk and the Yeniseisk district (essays from the history of the XVII century). Novosibirsk: IPTs NGU, 2019. (In Rus.)
12. Miller, G. F. The history of Siberia. M; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1937–1941. (In Rus.)
13. Shunkov, V. I. Essays on the history of agriculture in Siberia in the XVII century. M., 1956. (In Rus.)
14. Shorokhov, L. P. Corporate patrimonial land ownership and monastic peasants in Siberia in the XVII–XVIII centuries. Krasnoyarsk, 1983. (In Rus.)
15. Nestor, (Anisimov), mitr. Orthodoxy in Siberia. The Light of Christ enlightens everyone! Collection of works by outstanding missionaries of the Russian Orthodox Church. Novosibirsk: Pravosl. gimnaziya vo imya prep. S. Radonezhskogo. 2000: 460–526. (In Rus.)
16. Afanas'ev, V. F. School and the development of pedagogical thought in Yakutia. Yakutsk, 1966. (In Rus.)
17. Ivanovskiy, V. Russian legislation of the XVIII and XIX centuries in its rulings on monastics and monasteries: the experience of historical and canonical research. Kharkov, 1905. (In Rus.)
18. Ovchinnikov, V. A. Orthodox monasteries and women's communities of the Tomsk Diocese in the second half of the XIX – early XX centuries. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. (In Rus.)
19. Runkevich, S. V. The Russian Church in the XIX century. The History of the Orthodox Church in the XIX century in 2 volumes. Vol. 2. Slavic Churches. Reprint izd. 1901 g. Moskva: Mosk.podvor'e Svyato-Troickoy Sergievoy lavry, 1998. (In Rus.)
20. Yurganova, I. I. The activities of the Russian Orthodox Church in the Northeast of Siberia: incorporation into Russian statehood (XVII – early XX century). Chita: ZabGU, 2021. (In Rus.)

Information about the author

Yurganova Inna I., Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117292, Russia; Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 1 Petrovsky st., Yakutsk, 677007, Russia; inna.yurganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>.

For citation

Yurganova I. I. Orthodox Monasteries as Centers of Christian Civilization on the Eastern Borders of the Russian State // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 113–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-113-122.

**Received: March 10, 2024; approved after reviewing April 15, 2024;
accepted for publication April 17, 2024.**

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

INTERSTATE INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-123-133

Роль Русской духовной миссии в Китае в подготовке чиновников МИД

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Деятельность Русской духовной миссии в Пекине способствовала укреплению отношений России и Китая. История изучения Русской духовной миссии в Пекине представлена широким кругом публикаций светских и церковных исследователей. Особое внимание уделено научным исследованиям членов миссии, заложившим основу отечественного китаеведения. Не осталась в стороне миссионерская и дипломатическая работа миссии. Вместе с тем за рамками исследований оставлена государственная служба учеников миссии. Целью данной работы является проведение комплексного исследования организационно-правовой основы института ученичества Русской духовной миссии, определение роли Русской духовной миссии в Пекине в подготовке чиновников Коллегии, позднее Министерства иностранных дел. Согласно результатам исследования, право регулярно посылать миссию в Пекин было согласовано русской и китайской сторонами в Кяхтинском трактате 1727 г. Дополнительно в трактате оговаривалась отправка в Пекин четырёх учеников. Они изучали китайский и маньчжурский языки, занимались научной деятельностью. Исследования распределялись с учётом их предварительных знаний, желаний и способностей. Студенты принимались на государственную гражданскую службу. Производство в вышестоящие чины за особые заслуги производилось Советом миссии по согласованию с Министерством иностранных дел. Вернувшийся из Пекина студент определялся к дальнейшему месту прохождения государственной гражданской службы по определению министерства иностранных дел. В целом, ученичество в составе Русской духовной миссии стало фактором успешного карьерного роста и определённого социального лифта для многих учеников миссии. Автор приходит к выводу, что созданный при Русской духовной миссии институт ученичества являлся эффективным механизмом подготовки высококвалифицированных кадров, предназначенных для дипломатической деятельности.

Ключевые слова: Китай, Российская империя, Русская духовная миссия, дипломатия, ученики, государственная служба, Министерство иностранных дел

Original article

**Role of the Russian Spiritual Mission in China
in Training of the Ministry of Foreign Affairs Officials**

Inna N. Mamkina

Transbaikal State University, Chita, Russia

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Activity of the Russian Spiritual Mission in Beijing helped to strengthen the relationships between Russia and China. The history of the Russian spiritual mission in Beijing is represented by a wide range of publications of Soviet and church researchers. At the same time, the civil service of the mission students was out of the scope of the study. The purpose of this work is to conduct a comprehensive study of the organizational and legal basis of the institute of apprenticeship of the Russian spiritual mission in Beijing, to determine the role of the Russian spiritual mission in the training of officials of the Board, later the Ministry of Foreign Affairs. The right to send the mission to Beijing regularly was agreed with both Russia and China in Khakhta Treaty in 1727. In addition, the treaty stipulated the sending of four students to Beijing. The students studied the Chinese and the Manchu languages. Students had to be engaged in scientific activities. Legal status of the students of the Mission was defined by regulations on civil servants. Production to higher ranks for special merits was carried out by the Mission Council with the approval of the Ministry of Foreign Affairs. A student returning from Beijing was determined to a further place of state civil service as it was decided by the Ministry of Foreign Affairs. As a whole, apprenticeship as a part of the Russian spiritual mission became a factor of successful career growth and a certain social lift for many students of the mission. The author concludes that the institute created under the spiritual mission was an effective mechanism for training highly qualified specialists for diplomatic activities.

Keywords: China, Russian Empire, Russian Spiritual Mission, diplomacy, civil service, Ministry of Foreign Affairs

Введение. Восточное направление российской внешней политики неразрывно связано с Китаем и имеет долгую историю взаимоотношений, переживавших взлёты и падения на протяжении более трёх столетий. Первые шаги государств навстречу друг другу осложнялись незнанием языка, истории, культурных традиций, что нередко становилось препятствием в установлении официальных контактов. Политическая культура Китая не предусматривала равных отношений с другими державами. Специфические представления китайских властей о дипломатии требовали от послов более глубоких познаний о Китае для достижения успеха в переговорах. Европейские державы, незнакомые с культурой и традициями Китая, столкнулись с необходимостью их изучения. В этом отношении российское государство имело некоторый приоритет, получив в начале XVIII в. согласие китайской стороны на постоянную деятельность Русской духовной миссии в Пекине. Других иностранных представительства в Китае не было.

Обзор литературы. Долгая история существования Русской духовной миссии в Пекине широко представлена в научных исследованиях. Авторами первых публикаций являются непосредственные участники миссий [1; 2]. Наиболее полное повествование о Русской духовной миссии в Пекине (далее –

РДМ) представлено иеромонахом Николаем (Адоратским), подробно описывающим историю миссий в XVIII столетии [3]. К юбилею миссии в 1913 г. опубликована «Краткая история Русской православной миссии в Китае» [4], где в хронологической последовательности описаны все миссии до начала XX в. Из светских авторов можно отметить работу русского дипломата И. Я. Коростовца [5].

В советский период миссия интересовала исследователей преимущественно с точки зрения её научно-исследовательской деятельности. Как правило, авторы сосредотачивались на изучении научной деятельности миссии и биографиях известных востоковедов. Известный китаист В. С. Мясников является автором первой биографии русского маньчжуроведа Г. М. Розова, опубликованной им в 1979 г. [6]. Исторический обзор о деятельности Русской духовной миссии в Пекине опубликован в 1968 г. русско-американским писателем В.П. Петровым [7]. Советский историк науки и техники М. И. Радовский, увлекшись переводами И. К. Россохина о производстве шёлка, опубликовал статью о научной деятельности и значении переводов И. К. Россохина в развитии науки [8]. Высокую оценку деятельности Н. Я. Бичурина давал советский синолог, исследователи русско-китайских отношений А. Н. Хохлов и С. Л. Тихвинский [10; 11].

Обзорная работа о миссионерской деятельности Русской духовной миссии в Пекине во второй половине XIX – начале XX в. написана Н. А. Смирновым [9].

В постсоветский период историография о РДМ дополнилась фундаментальным изданием коллектива авторов, рассматривающих деятельность миссии с точки зрения практического востоковедения [12]. На современном этапе изучения деятельности РДМ успешно сотрудничают светские и церковные исследователи в рамках проводимых совместных конференций. В частности, проведён ряд научных конференций под названием «Миссионерская деятельность русской православной церкви в Азии и Африке» с участием представителей Московской Патриархии и Института Дальнего Востока Российской академии наук с последующим изданием сборника статей [13]. Сотрудничество церковных и светских исследователей продолжилось в 2023 г. В Смоленске под эгидой Российской академии наук совместно с Учебным комитетом Русской православной церкви и т. д. проведена конференция «Миссионеры и миссии в контексте церковной истории XVIII–XX вв.».

Отдельные аспекты деятельности РДМ привлекли внимание современных исследователей. Одним из первых обратил внимание на воспитанников миссии известный востоковед А. Н. Хохлов. Его статья о стажёрах и стипендиатах миссии затронула мало изученный вопрос об ученичестве при Духовной миссии [14, с. 64–76]. Историк Е. П. Кудрявцева в исследовании истории первых консульств в Китае упоминает учеников Пекинской миссии, ставших первыми консулами в Кульдже и Чугучаке [15, с. 59–71]. Об учениках миссии в контексте изучения отечественного китаеведения упоминает Г. И. Саркисова [16; 17]. А. М. Куликов, анализируя проект инструкции для руководства XIII миссии, проливает свет на порядок производства в чины светских членов миссии, в том числе и учеников [18, с. 244–258].

Таким образом, исследования последних лет приоткрыли страницу, посвящённую ученикам Русской духовной миссии в Пекине. Вместе с тем, изучив биографии, труды, служебную деятельность учеников духовной миссии, можно отметить, что отсутствуют сведения об их статусе государственных служащих, каковыми они являлись. Будучи, по сути, чиновниками, в Пекине ученики

миссии проходили углублённую практическую подготовку, выразившуюся не только в языковой подготовке, но и в получении определённых дипломатических навыков.

Целью данной работы является комплексное исследование организационно-правовой основы института ученичества Русской духовной миссии и определение её роли в подготовке чиновников Коллегии, позднее Министерства иностранных дел.

Методы исследования. Исследованию института ученичества с позиции государственных служащих способствовал формально юридический метод, позволивший провести отбор нормативных актов, закрепляющих правовую основу государственной гражданской службы. Сочетание хронологического и компаративистского методов способствовало последовательному изложению и выявлению специфических черт ученичества. Собранные биографические сведения учеников миссии позволили применить просопографический метод для выявления общих данных коллективной биографии.

Результаты исследования. Начало истории Духовной миссии связано с осадой Албазинской крепости. Пленные казаки албазинцы положили начало русскому присутствию в Китае. Вместе с ними в столицу Поднебесной попал священник Максим Леонтьев, поддерживавший православную веру в пленённых казаках.

Служение Максима Леонтьева не оставило равнодушной Русскую православную церковь. Для ведения богослужения с торговым караваном из Тобольска в Пекин были отправлены необходимые церковные атрибуты. Значимость постоянного присутствия духовных лиц в Китае оценили и светские власти. По указу Петра I 18 июня 1700 г. митрополит Киевский Варлаам (Ясинский) начал поиск кандидатур на пост митрополита Тобольского. Митрополит Тобольский обязывался распространять христианское учение не только в Сибири, но и на сопредельных землях, в том числе в Китае¹. Кроме того, в указе Петра I значилось пожелание привести в Китай «с собою добрых и ученых непрестарелых иноков дву или трех человек, которые могли бы Китайскому и Мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познать... и тамо могли бы

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. – 1700–1712. – Т. IV. – Ст. 1800. – С. 59–61.

житии, и у той построенной Божией Церквией служить, чтобы своим благим житием Хана Китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому Святому делу, и к Российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят...»¹.

Реализация идеи об «ученых непрестарелых иноках» затянулась на долгое десятилетие. Указание Петра I удалось выполнить лишь 1712 г. После долгих согласований император Канси разрешил пребывание священнослужителей из России. Это судьбоносное решение заложило основу последующим взаимоотношениям двух держав.

Первая миссия была собрана и отправлена в Китай при непосредственном участии митрополита Тобольского Иоанна. В 1714 г. архимандрит Илларион (Лежайский) выехал со свитой в Пекин. Первую миссию представляли архимандрит, священники, диаконы и ученики – всего 15 человек, из них четверо учеников – Иван Пухарт, Федор Третьяков, Лука Воейков, Иван Шестопалов (Яблонцев).

Известно, что китайские власти встретили миссию с особым почётом. По прибытии в Пекин архимандрит был возведён в почётное звание мандарина 5-й степени, священники и диаконы – в мандарины 7-й степени [4, с. 3]. Относительно учеников мнения исследователей расходятся. Ряд авторов склоняется к тому, что учеников возвели в мандарины 8-й степени, по данным Д. Крайнева, студентов причислили к сословию солдат [19, с. 149–196], о том же пишет китайский исследователь Ли Цзинчэн [20, с. 7–33]. Впоследствии возведение членов миссии в почётные звания производилось крайне редко.

В первые годы деятельности Духовной миссии её организационно-правовой статус не был определён. Право регулярно посылать миссию в Пекин и беспрепятственно отправлять православные обряды было согласовано русской и китайской сторонами спустя десятилетие в Кяхтинском трактате 1727 г. Дополнительно в трактате оговаривалась отправка в Пекин учеников «...которые по-русски и по-латыне знают... будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения»². «Четыре мальчика

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. – 1700–1712. – Т. IV. – Ст. 1800. – С. 59–61.

² Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. – М.: Изд-во Вост. лит., 1958. – С. 17–28.

и два побольшего возраста»³ должны были изучать маньчжурский и китайский языки и обучать подданных китайского императора русскому и латинскому языкам [21, с. 32–36].

Китай не препятствовал нахождению учеников при Духовной миссии, за исключением одного случая. В 1755 г. Лифаньюань отказал во въезде в Пекин четырём ученикам, прибывшим в составе 5-й Миссии, под предлогом того, что в Кяхтинском трактате ничего не говорится о регулярной замене одних учеников другими. Во въезде было отказано Вавиле Ермолаеву, Стефану Соколову, Стефану Якимову, Ивану Озерову [20, с. 7–33]. Однако этот случай скорее можно считать единичным. Вскоре вопрос о пребывании учеников был урегулирован, все последующие составы миссий прибывали в Поднебесную без каких-либо существенных препятствий. Регулярно в составе миссии в Пекин приезжали четыре ученика. В зависимости от обстоятельств их количество могло изменяться.

Отбор студентов осуществлял Святейший Синод. В 1745 г. Духовная миссия попадает под двойное подчинение Святейшего Синода и Коллегии иностранных дел. Отныне ученики миссии отбирались Синодом и согласовывались с Коллегией иностранных дел. Предположительно, один из студентов должен был направляться от Иркутского генерал-губернатора или по возвращении из Пекина оставаться на службе в Восточной Сибири. С конца XVIII в. подбор членов миссии, в том числе и учеников, осуществлялся с учётом их определённых способностей и согласия.

В 1820-е гг. ученический состав дополнился врачом, художником, астрономом. Увеличение гражданского состава миссии связано с изменением позиции властей относительно восточного соседа. Появление англичан, французов в Китае заставило русское правительство внимательнее относиться к внутренним делам азиатского соседа, что и привело к усилению состава миссии. Власти считали, что практические занятия врача и художника будут способствовать укреплению взаимоотношений с местным населением.

Обсуждение результатов исследования. Таким образом, ученический состав миссии окончательно оформился к 1820 г. Дипломатические органы согласо-

³ Там же.

вывали кандидатуры и определяли задачи учеников на период работы миссии. В инструкциях от Министерства иностранных дел чётко оговаривалось, что «Цель Правительства состоит в том: чтобы, во-первых, члены миссии возвратились из Китая с основательными познаниями в языках, нужных как в служебном, так и в ученом отношениях; во-вторых: чтобы каждый из них по той части, которую изберет для своих исследований, был в состоянии представить верные и точные сведения, из коих одне могут быть полезны для Правительства (в политическом, торговом, или промышленном отношении), другие – для наук и просвещения. Таким образом, учебные занятия членов миссии, по самому существу своему, разделяются на два рода: 1) изучение языков; 2) труды ученые и собрание всяких полезных сведений» [18, с. 244–258].

Китайский язык изучали все члены миссии, кроме художника, которой ограничился знанием разговорного языка. Трое студентов, включая студента, направленного Иркутским генерал-губернатором, изучали маньчжурский язык. В инструкции отмечалось, что «они должны знать сей язык так, чтобы могли свободно и со всею возможною точностью на оный переводить; ибо бумаги наши в пекинский Трибунал внешних сношений и к Ургинским пограничным правителям посылаются всегда с маньчжурскими переводами» [Там же].

Помимо изучения азиатских языков ученики занимались научной деятельностью. Занятия распределялись с учётом их предварительных знаний, желаний и способностей. Они изучали историю, географию, медицину, математику, литературу и философию, статистику и юриспруденцию китайского государства, учение Конфуция. В XIX в. программа научных исследований утверждалась Азиатским департаментом МИДа.

Ежеквартально все члены духовной миссии отчитывались архимандриту о проведённой работе. В свою очередь архимандрит составлял отчёт Азиатскому департаменту «с нужными объяснениями и с присовокуплением засвидетельствования об успехах каждого» [Там же].

Правовой статус учеников миссии определялся положением о государственных служащих. Студенты принимались на государственную гражданскую службу одним чином выше прочих поступающих на службу,

с последующим повышением в чинах через два-три года.

Полномочия повышения по службе возлагались на Совет миссии. В состав Совета входили два иеромонаха, врач и студент астроном. Возглавлял Совет архимандрит. Основанием для производства в чины служила «ревностная и беспорочная служба». Совет имел право повышения по службе до IX чина титулярного советника включительно. Производство в вышестоящие чины за особые заслуги производилось по согласованию с Министерством иностранных дел.

По возвращении в Россию, после окончания срока полномочий миссии, студенты производились в вышестоящий чин автоматически, независимо от сроков его получения. Вернувшийся из Пекина студент определялся к дальнейшему месту прохождения государственной гражданской службы по определению министерства иностранных дел в зависимости от полученного чина и уровня профессиональных знаний. В случае особых заслуг ученики представлялись к наградам орденами. По возвращении из Пекина ученики могли рассчитывать на пенсию трёх разрядов в зависимости от заслуг. Высший разряд предусматривал выплаты в размере 500 р., средний – 400 р., низший – 300 р. серебром в год. В начале XIX в. размер пенсии был увеличен: «...студентам определяется ежегодная пенсия, именно: лекарю 700 руб., а прочим каждому по 500 руб. серебром в год. Из них двум отличившимся даны будут ордена Св. Владимира или Св. Анны»¹. Вместе с тем отметим, что ученик мог лишиться права на пенсию при плохом поведении, возвращении раньше срока, отсутствии научных результатов².

Обратим внимание, что научная деятельность учеников в Китае полностью себя оправдала. Научные исследования членов миссии, в том числе и учеников, заложили основы отечественного китаеведения. Сегодня труды бывших учеников И. К. Россохина, П. И. Каменского, К. А. Скачкова, А. С. Агафонова, А. Г. Владыкина, З. Ф. Леонтьевского, И. А. Гошкевича положены в основу отечественной синологии.

Изучив формальную сторону организации института ученичества в Русской духовной миссии, обратим внимание на особен-

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 99. – Д. 73. – Л. 20.

² Там же.

ности её практической реализации. За всю историю существования учеников при миссии в Пекине прошли обучение приблизительно 44 человека, чьи имена и время пребывания в миссии известны и подтверждаются исследованиями по истории миссии. В разные годы состав миссии варьировался от 8 до 14 человек. Количество учеников не превышало пяти человек, назначенных в миссию по определению духовного руководства из числа выпускников духовных учебных заведений. Из 44 учеников только четверо (9 %) изъявили собственное желание поехать в Пекин – Никита Чеканов, Яков Коркин, Епифан Сычевский, Иван Захаров.

Данные о полученном образовании известны у 30 учеников, не установлены у 14, но это не означает, что они были безграмотными. Обратим внимание, что ученики из Сибири могли не иметь высшего образования, но знать азы китайского или маньчжурского языков. Например, Федор Третьяков знал монгольский язык, получив первые уроки от отца, селенгинского толмача Алексея Третьякова, участвовавшего в подписании соглашения с Китаем о пограничном торговом месте 17 мая 1728 г.¹ Епифан Сычевский до отправки в миссию поступил на службу в Троицкосавское пограничное управление учеником монгольского языка².

Учеников подбирали преимущественно из числа студентов духовных учебных заведений. Из установленных данных известно, что в первые миссии отправлялись выпускники Славяно-греко-латинской академии (Лука Воейков, Алексей Леонтьев, Андрей Канаев). Позднее образовательная география сместилась на северо-запад – девять учеников закончили Санкт-Петербургскую духовную академию, двое – Новгородскую и Нижегородскую духовную семинарию. Студенты из Сибири обучались в Казанской и Тобольской духовных семинариях (А. Агафонов, К. Кругополов, С. Липовцов, К. Павлинов).

Гражданские учебные заведения закончили З. Леонтьевский (Петербургский педагогический институт), К. Скачков (выпускник Одесского Ришельевского лицея),

¹ Разменное письмо об избрании на р. Аргунь мест для строительства русской и китайской торговых слобод. – URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16620/16630.html> (дата обращения: 26.01.2024). – Текст: электронный.

² Сычевский Епифан Иванович. – URL: http://irkipedia.ru/content/sychevskiy_epifan_ivanovich (дата обращения: 26.02.2024). – Текст: электронный.

Д. Пещуров (Санкт-Петербургский университет), Е. Сычевский обучался в Иркутской губернской семинарии.

К приезду в Пекин некоторые из учеников уже имели предварительную подготовку по китайскому языку. С начальными знаниями китайского или маньчжурского языка в Пекин приехало 13 учеников из 44 (29 %). Этому способствовало открытие частных школ по изучению китайского языка. Например, в 1725 г. в Иркутске архимандритом Антонием при Вознесенском монастыре открыта «мунгальская школа» для изучения монгольского и китайского языков. Ученики второй миссии Г. Шульгин, М. Пономарев, И. Россохин обучались в этой школе. Изучение китайского языка было возможным у частных лиц или в училищах, образованных в разное время при Коллегии иностранных дел, при Академии наук. Например, Алексей Леонтьев (в будущем известный синолог) начал изучение маньчжурского языка в училище при Коллегии в Москве, согласно другим данным, он изучал язык у крещеного китайца Федора Джоги [24]. Позднее по его инициативе, уже после возвращения из Пекина, при Академии наук в Санкт-Петербурге было открыто училище китайского и маньчжурского языков. Антон Владыкин, ученик седьмой миссии, отмечая сложность изучения китайского языка, по возвращении из Пекина рекомендовал начинать обучение языку заранее, чтобы не тратить время на «затверживание вокабул и литер» [16, с. 292–306]. По его инициативе в конце XVIII в. при Коллегии иностранных дел начала деятельность школа переводчиков.

Принимая во внимание то, что в миссию отправлялись выпускники учебных заведений, отметим, что средний возраст учеников составлял 19–20 лет. Самым молодым учеником, поехавшим в Пекин, можно считать 16-летнего Федота Третьякова, остальные отправлялись в поездку в возрасте 20–22 лет. В возрасте 27 лет был прикомандирован к миссии К. Скачков³. Казалось бы, молодость учеников подразумевает расцвет сил и здоровья, однако смертность в Пекине была довольно высокой. Из 44 учеников вернулись в Россию и продолжили службу 28 человек (63 %). В Россию возвращались

³ Восточная литература. Константин Андрианович Скачков. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm> (дата обращения: 05.02.2024). – Текст: электронный.

уже возмужавшие 30–35 летние мужи, которых сложно назвать учениками.

Социальный состав ученичества изначально предполагал преобладание выходцев из духовного сословия. При более тщательном изучении происхождения студентов картина несколько меняется. Из известных личных данных 30 учеников 15 происходили из духовенства, остальные 15 из разных сословий. Так К. Скачков родился в семье мещан, З. Леонтьевский был сыном отставного обер-офицера, А. Канаев – купеческий сын, Е. Сычевский из казаков, А. Владыкин – крещёный калмык. Ученик 14-й миссии Д. А. Пещуров родился в семье дворянина [25, с. 25–34]. Несмотря на незначительное представительство отдельных сословий, по совокупности мы имеем соотношение 50 % духовенства против 50 % остальных сословий, что говорит об относительном преимуществе выходцев из духовенства.

Таким образом, ученик представлял собой молодого человека незнатного происхождения, с хорошим образованием либо с начальными знаниями китайского или маньчжурского языка, записанного в духовную миссию по решению вышестоящего начальства, редко по собственному желанию. Думается, что возможность ускоренного служебного роста, пожизненная пенсия являлись решающими факторами согласия учеников на поездку в Пекин на десять лет и более.

Сохранились архивные документы, свидетельствующие о процедуре отбора учеников архимандритом Петром (Каменским) (в миру Павел Иванович Каменский) в 1818–1820 гг. Отметим, что П. Каменский начинал свой путь с ученика восьмой миссии. В состав миссии архимандрита Петра входили иеромонахи Данил (Сивиллов), Вениамин (Марочевич), иеродиакон Израиль (Веретенников), причетники Алексей Сосницкий, Николай Вознесенский, врач Иосиф Войцеховский, пристав Е. Ф. Тимковский. Ученики: Кондратий Крымский, Василий Абрамов, Захар Леонтьевский.

Приступая к отбору учеников, архимандрит писал: «... для чести России и для пользы нашей православной веры необходимо, чтобы все они были избраны из людей отличных по нравственности, талантам и сведениям»¹.

Студентам определялись области научного исследования. «Один из них / то есть взятый из медицинского факультета / обратит своё внимание на медицину и натуральную историю Китая; другой – на состояние математической науки в сем крае, на китайскую литературу и философию, в особенности на систему Конфуция; третий посвятит себя изучению истории, географии, статистики и юриспруденции китайского государства; четвёртый будет собирать сведения о сельском хозяйстве китайцев, о домашней их жизни, земледелии, мастерствах и художествах»².

Архимандрит обратился к научным обществам с просьбой о разработке рекомендаций по организации научных исследований учеников миссии. Он просил «начертать для студентов приличные наставления, какими они могли бы руководствоваться при занятиях своих во время пребывания их в Китае»³. В Академии наук был образован особый комитет в составе академиков В. М. Севергина, В. К. Вишневого, Ф. И. Круга, Х. Д. Френа. Комитет на основе инструкции, данной датским правительством путешественнику Карстену Нибуру, разработал требуемые рекомендации для учеников Пекинской миссии. Любопытно, что архимандрит просил присвоить ученикам статус членов-корреспондентов Академии наук, но академики корректно отказали, пообещав в случае незаурядных заслуг присвоить звание после возвращения учеников из Китая⁴. Отметим, что переписка с зарубежными научными сообществами строго запрещалась.

Конференция императорской медико-хирургической академии единогласно назначила для поездки в Китай выпускника академии, кандидата фармацевции Федора Штейна. «Конференция подвергла Штейна испытанию на лекарское звание, нашла его во всех предметах превосходные знания»⁵. Однако позднее Ф. Штейн был заменён Иосифом Войцеховским.

Принимая во внимание уровень структур, занимавшихся подготовкой учеников к поездке в Пекин, следует отметить предававшееся серьёзное значение их деятельности.

После возвращения из Китая значительная часть учеников продолжала службу

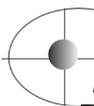
² Там же. – Л. 16.

³ Там же. – Л. 34.

⁴ Там же. – Л. 37.

⁵ Там же. – Л. 61.

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 99. – Д. 73. – Л. 14.

на дипломатическом поприще. Из 28 вернувшихся учеников 20 получили назначение в коллегию иностранных дел, позднее – в Азиатский департамент МИД. Большинство из них назначено переводчиками, восемь продолжили дипломатическую службу в качестве консулов, участников посольств и подписаний соглашений (К. И. Павлинов – генеральный консул в Кульдже, К. Скачков – консул в Чугучаке, И. А. Гошкевич – первый дипломатический представитель Российской империи в Японии). Семеро продолжили службу в Восточной Сибири в Кяхте и Иркутске (Е. И. Сычевский, К. Г. Крымский, Е. Сахновский, А. С. Агафонов, Ф. Бакшеев, А. Парышев, В. Новоселов).

Бывшие ученики принимали непосредственное участие в посольствах, переговорах не только как переводчики, но и как консультанты, знатоки культурных традиций Китая. Так, А. Г. Владыкин сопровождал посольство Ю. А. Головкина. И. И. Захаров принимал участие в заключении Кульджинского трактата и установлении российско-китайской границы в 1864 г. К. Г. Крымский 30 лет проработал учителем китайского языка в Кяхтинском училище, будучи переводчиком VII класса Азиатского департамента, участвовал в экспедиции по Амуру. А. Л. Леонтьев в 1767 г. сопровождал посольство И. И. Кропотова в Пекин для переговоров по ряду спорных вопросов. М. Д. Храповицкий участвовал в российско-китайских переговорах в Тяньцзине и Пекине.

Насколько оправдались карьерные ожидания учеников Духовной миссии, следует судить по их чинопроизводству. Начиная службу с коллежского регистратора (14-го чина), вернувшиеся из Пекина ученики дослужились до высоких чинов, имели значимые государственные награды, пожизненные пенсии. Известно, что П. Каменский по прибытии из Пекина получил чин коллежского асессора (8-й чин) и пенсию (600 р.), Г. М. Розов награждён орденом Св. Станислава III степени и пенсией в 500 р., Е. И. Сычевскому назначена пенсия 500 р., награждён орденом Св. Станислава III степени, дослужился до чина титулярного советника. З. Леонтьевский награждён орденами Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV степени, получал пенсию 100 р. И. А. Гошкевич награждён орденом Св. Станислава III степени, Св. Анны II степени, пенсией 500 р., имел чин статского совет-

ника. В. В. Горский, титулярный советник, награждён орденом Св. Станислава III степени; М. Д. Храповицкий, надворный советник, получил пожизненную пенсию и орден Св. Владимира IV степени.

А. Л. Леонтьев дослужился до чина надворного советника, К. Г. Крымский имел чин коллежского советника. И. И. Захаров, сын дьячка, дослужился до чина действительного статского советника, что соответствовало чину генерал-майора, давало право на потомственное гражданство. Обращаясь к И. И. Захарову, его следовало называть «Ваше Превосходительство». К. А. Скачков (известный китаевед, чиновник Азиатского департамента МИД, ученик 13-й миссии) тоже имел чин действительного статского советника. В целом, ученичество в составе Русской духовной миссии стало фактором успешного карьерного роста и определённого социального лифта для многих учеников миссии.

С подписанием в середине XIX в. серии договоров России и Китая отношения двух государств вышли на новый дипломатический уровень. В 1851 г. в Китае открылись первые российские консульства в Чугучаке и Кульдже, в 1861 г. назначен первый российский дипломатический представитель. Появление постоянных представительств в Китае обусловило учреждение дипломатической миссии в Пекине. В 1862 г. министерство иностранных дел инициировало преобразование Пекинской духовной миссии и учреждение в её составе Дипломатической миссии. В соответствии с решением Государственного Совета Духовная миссия возвращалась в «полное заведывание и распоряжение Духовного ведомства»¹. Из состава Духовной миссии были исключены должности художника и одного студента. Врача и оставшихся трёх учеников причислили к учреждённой Дипломатической миссии.

Государственный Совет определил: «...срок нахождения студентов Миссии Дипломатической в качестве *Jeunes de langues* назначить не менее четырёх лет, обязав их прослужить не менее шести лет на должностях, которые по истечении сказанного срока будут им представлены в Китае по усмотрению Министерства иностранных дел»². На содержание трёх студентов из казны выделили 1400 р. на каждого. Студенты прини-

¹ РГИА 565. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 32.

² Там же.

мались к службе в IX классном чине. Врачу выделялось 2300 р. в год и 500 р. на лекарства и аптекарские принадлежности¹.

Таким образом, после учреждения официальной русской дипломатической миссии в Пекине в 1861 г. вопрос об учениках Духовной миссии был решён. С 1863 г. ученики переведены в состав дипломатической миссии. Духовная миссия в Пекине продолжала свою деятельность в рамках миссионерской деятельности, её дипломатические функции были упразднены, в её составе остались архимандрит, три иеромонаха, священник и катехизатор. На содержание выделяли 10 600 р. в год².

Заключение. Таким образом, отметим, что созданный при Духовной миссии институт ученичества являлся эффективным механизмом подготовки высококвалифицированных кадров, предназначенных для дипломатической деятельности. К моменту принятия судьбоносных решений относительно восточных рубежей государства Россия обладала квалифицированными дипломатическими чиновниками, имевшими должную практическую подготовку, что позволило успешно реализовать интересы государства на Дальнем Востоке. Ученики Духовной миссии находились в самой гуще внешнеполитических событий на востоке Российской империи. Принимали непосредственное участие в подписании важнейших международных актов, в том числе определявших границы между Россией и Китаем. Чиновники министерства иностранных дел, прошедшие подготовку в Пекине, заложили фундамент российско-китайского сотрудничества, основанный на взаимном уважении, знании китайской культуры, традиций внешнеполитического взаимодей-

ствия. Благодаря фундаментальной подготовке учеников Русской духовной миссии в Пекине, сформировался костяк дипломатов, успешно продвигавших российские интересы на востоке империи.

В заключение необходимо отметить, что в контексте изменений приоритетов российской внешнеполитической доктрины современное востоковедение находится в центре пристального внимания властей. Попытка возродить государственное китаеведение как систему подготовки специалистов сталкивается с рядом проблем системного характера. Как показывает опыт, изучение языка не является единственной составляющей востоковедческой подготовки. Востоковедение – это комплексная, многоуровневая фундаментальная программа подготовки специалиста, требующая длительного времени и системного подхода.

Попытки государства актуализировать современное востоковедение без учёта российского и советского опыта будут малоэффективными. В свете сказанного дальнейшее изучение различных аспектов из истории востоковедческого образования представляется вполне перспективным. Пристального внимания исследователей заслуживает изучение опыта деятельности чиновников Азиатского департамента в контексте российско-китайского взаимодействия непосредственно на приграничных территориях. Безусловно, разработка современной концепции подготовки специалистов востоковедов должна базироваться на сочетании исторического опыта, эффективных практик и фундаментальной основы, сложившейся в результате длительного взаимодействия с азиатскими державами.

Список литературы

1. Софроний (Грибовский), архим. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры // *Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине* / под ред. Н. И. Веселовского. – СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1905. 27 с.
2. Записка о посольствах Российских в Китае. Почерпнуто из Иркутского Архива архимандритом Аполлосом // *Историко-статистический и географический журнал*. 1830. Ч. 1, № 2. С. 120–138; № 3. С. 214–229.
3. Николай (Адоратский), иеромонах. *Православная Миссия в Китае за 200 лет ея существования: опыт церковно-исторического исследования по архивным документам*. Казань, 1887. 367 с.
4. *Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ея существования*. Пекин: Тип. Успенского монастыря, 1916. 226 с.
5. Коростовец И. *Китайцы и их цивилизация*. 2-е изд. СПб.: Н. Аскарханов, 1898. 628 с.
6. Мясников В. С. *Русский маньчжуровед Г. М. Розов* // *Проблемы Дальнего Востока*. 1979. № 1. С. 181–187.

¹ РГИА 565. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 78.

² Там же. – Л. 32.

7. Петров В. П. Российская духовная миссия в Китае. Вашингтон: Изд. Русского книжного отдела в США, 1968. 96 с.
8. Радовский М. И. Русский китаевед И. К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 88–99.
9. Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 438–462.
10. Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 55–72.
11. Тихвинский С. Л. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин: к 200-летию со дня рождения // Китай и Всемирная история / С. Л. Тихвинский. М., 1988. С. 163–182.
12. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1990. 435 с.
13. История Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. М.: Изд-во Свято-Владимир. братства, 1997. 414 с.
14. Хохлов А. Н. Стажеры и стипендиаты Пекинской миссии // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Пекинской духовной миссии: сб. ст. СПб.: Андреев и сыновья, 1997. С. 64–76.
15. Кудрявцева Е. П. Первые российские консульства в Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3. С. 59–71.
16. Саркисова Г. И. Из истории отечественного китаеведения: учреждение школы китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел (1798–1801 гг.) // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. 2016. Т. 21, № 21. С. 292–306.
17. Саркисова Г. И. Малоизвестные аспекты жизни и деятельности 8-й Российской духовной миссии в Пекине (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 351–362.
18. Куликов А. М. Проект инструкции для руководства XIII Российской духовной миссии в Пекине // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 244–258.
19. Крайнев Д. Роль Русской духовной миссии в Пекине в обеспечении дипломатического присутствия России в Китае с конца XVII до середины XIX века // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2008. № 6. С. 149–196.
20. Ли Цзинчэн. Из истории Русской духовной миссии в Пекине с 1715 по 1860 годы (по китайским материалам) // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 5. С. 7–33.
21. Векшина М. Н. Религия, политика и наука в истории Русской духовной миссии в Пекине // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36.
22. Куликов А. М. Проект инструкции для руководства XIII Российской духовной миссии в Пекине. Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 244–258. DOI: 10.31857/S086919080014216-4.
23. Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2017. 192 с.
24. Саркисова Г. И. Из истории отечественного китаеведения: учреждение школы китайского и маньчжурского языков при коллегии иностранных дел (1798–1801 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21, № 21. С. 292–306.
25. Хохлов А. Н. Китаист Д. А. Пещуров – дипломат и педагог // Восточный архив. 2014. № 1. С. 25–34.

Информация об авторе

Мамкина Инна Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Для цитирования

Мамкина И. Н. Роль Русской духовной миссии в Китае в подготовке чиновников МИД // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 123–133. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-123-133.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 28.04.2024.

References

1. Sofroniy (Gribovskiy), archim. Notification of the beginning of the existence of Russians in Peijin and the existence of the Greek-Russian faith in it. Materials for the history of the Russian Spiritual Mission in Beijing. Edited by prof. N. I. Veselovsky, SPb. Tip. Glav. Upr. udelov, 1905. (In Rus.)
2. A note on Russian embassies to China. Taken from the Irkutsk Archive by Archimandrite Apollon. Historical, statistical and geographical journal, ch. 1, no. 2, pp. 120–138; no. 3, pp. 214–229, 1830. (In Rus.)
3. Nikolay (Adoratskiy), ierom. The Orthodox Mission in China for 200 years of its existence: The experience of Church historical research on archival documents. Kazan, 1887. (In Rus.)

4. A brief history of the Russian Orthodox Mission in China, compiled on the occasion of the 200th anniversary of its existence in 1913. Pekin: printing house of Uspensky monastery, 1916. (In Rus.)
5. Korostovets, I. The Chinese and their civilization. 2nd ed. St. Petersburg: N. Askarkhanov, 1898. (In Rus.)
6. Myasnikov, V. S. Russian Manchurian G. M. Rozov. Problems of the Far East, no. 1, pp. 181–187, 1979. (In Rus.)
7. Petrov, V. P. The Russian Spiritual mission in China. Washington: Izd. Russkogo knizhnogo otdela v SShA, 1968. (In Rus.)
8. Radovsky, M.I. Russian sinologist I.K. Rossokhin. From the history of science and technology in the countries of the East. Vol. 2. M., 1961. P. 88–99. (In Rus.)
9. Smirnov, N. A. Missionary activity of the church (Second half of the 19th century – 1917). Russian Orthodoxy: Milestones of History. M., 1989: 438–462. (In Rus.)
10. Khokhlov, A. N. N. Ya. Bichurin and his works on Mongolia and China. Questions of history, no. 1, pp. 55–72, 1978. (In Rus.)
11. Tikhvinsky, S. L. Outstanding Russian sinologist N. Ya. Bichurin: To the 200th anniversary of his birth. Tikhvinsky S. L. China and World History. M., 1988: 163–182. (In Rus.)
12. History of Russian Oriental Studies until the middle of the 19th century. Moscow: Science. Main editorial office of oriental literature, 1990. (In Rus.)
13. The history of the Russian Spiritual Mission in China: Collection of articles. Moskva: Izd-vo Svyato-Vladimir. bratstva, 1997. (In Rus.)
14. Khokhlov A. N. Trainees and fellows of the Beijing Mission. Orthodoxy in the Far East. 275th anniversary of the Beijing Spiritual Mission: collection. Art. St. Petersburg: Andreev and sons, 1997: 64–76. (In Rus.)
15. Kudryavtseva, E. P. The first Russian consulates in China. Bulletin of MGIMO University, no. 3, pp. 59–71, 2018. (In Rus.)
16. Sarkisova, G. I. From the history of Russian Sinology: the establishment of a school of Chinese and Manchu languages at the College of Foreign Affairs (1798–1801). China in world and regional politics: history and modernity, no. 21, pp. 292–306, 2016. (In Rus.)
17. Sarkisova, G.I. Little-known aspects of the life and activities of the 8th Russian Spiritual Mission in Beijing (based on archival materials). China in world and regional politics: history and modernity, no. 23, pp. 351–362, 2018. (In Rus.)
18. Kulikov, A. M. Draft instructions for the leadership of the XIII Russian spiritual mission in Beijing. Vostok (Orlens), no. 2, pp. 244–258, 2021. (In Rus.)
19. Krainev, D. The role of the Russian spiritual mission in Beijing in ensuring the diplomatic presence of Russia in China from the end of the 17th to the middle of the 19th century. Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary, no. 6, pp. 149–196, 2008. (In Rus.)
20. Li Jingcheng. From the history of the Russian spiritual mission in Beijing from 1715 to 1860 (based on Chinese materials). International Relations and Dialogue of Cultures, no. 5, pp. 7–33, 2016. (In Rus.)
21. Vekshina, M. N. Religion, politics and science in the history of the Russian Spiritual Mission in Beijing. Bulletin of the Vyatka State University, no. 1, pp. 32–36, 2018. (In Rus.)
22. Kulikov, A. M. Draft instructions for the leadership of the XIII Russian Spiritual Mission in Beijing. East (Oriens), no. 2, pp. 244–258, 2021. DOI: 10.31857/S086919080014216-4. (In Rus.)
23. Datsyshen, V. G. Studying the history of China in the Russian Empire. M: Prospekt, 2017. (In Rus.)
24. Sarkisova, G. I. From the history of Russian Sinology: the establishment of a school of Chinese and Manchu languages at the College of Foreign Affairs (1798–1801). China in world and regional politics. History and modernity, no. 21, pp. 292–306, 2016. (In Rus.)
25. Khokhlov, A. N. Sinologist D. A. Peschurov – diplomat and teacher. Eastern archive, no. 1, pp. 25–34, 2014. (In Rus.)

Information about the author

Mamkina Inna N., Doctor of History, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., 672039, Chita, Russia; Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

For citation

Mamkina I. N. Role of the Russian Spiritual Mission in China in Training of the Ministry of Foreign Affairs Officials // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 123–133. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-123-133.

Received: March 15, 2024; approved after reviewing April 20, 2024; accepted for publication April 28, 2024.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-134-141

**Российско-испанские отношения при освоении североамериканских территорий
во второй половине XVIII века**

Ольга Владимировна Нешкес

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

nesh_86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1667-4654>

Статья посвящена рассмотрению динамики развития отношений России и Испании во второй половине XVIII в. Выявляются факторы, повлиявшие на характер складывающегося взаимодействия держав: показывается амбивалентность российско-испанских отношений, обусловленная, с одной стороны, нарастающим опасением испанских властей из-за предполагаемого продвижения России к Калифорнии, а с другой – стремлением к развитию взаимовыгодных торговых отношений. Обращается внимание на аспекты, связанные с открытием Россией Алеутского архипелага и Аляски и промысловой деятельностью русских промышленников. Показана реакция испанского двора на приходящие от испанских посланников в России сообщения об открытиях русских в Америке, представлен анализ текстов дипломатических донесений 1761–1792 гг., позволивший автору сделать наблюдение о том, что скепсис в отношении успехов экспедиций русских к американскому континенту сменяется выражением настороженности начиная со второй половины 1760-х гг. Делается предположение о том, что распространение русских в Северной Америке способствовало освоению испанцами Калифорнии. В статье также рассматривается торгово-экономический аспект во взаимоотношениях держав, показывается намерение Испании и России наладить прямую торговлю. Вместе с тем отмечается, что на характер данных взаимоотношений влияла общая политическая конъюнктура, которую определяли ведущие державы того времени – Англия и Франция. Статья написана с привлечением историко-филологических методов и подходов и нацелена показать различные стороны и этапы российско-испанских взаимоотношений в период развития колонизации северо-запада Америки. Результаты исследования могут быть использованы в рамках международного диалога в практической деятельности дипломатических служб.

Ключевые слова: Россия, Испания, колонизация, северо-запад Америки, торговые отношения

Original article

**Russian-Spanish Relations During the Development of North American Territories
in the Second Half of the 18th century**

Olga V. Neshkes

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

nesh_86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1667-4654>

The article is about the relations between Russia and Spain in the second half of the 18th century. The article identifies the factors that influenced the nature of the emerging interaction between the powers: it shows the ambivalence of Russian-Spanish relations, on the one hand, due to the growing fears of the Spanish authorities provoked by Russia's advance towards California, and, on the other, to the development of mutually beneficial trade relations. We draw attention to aspects related to Russia's discovery of the Aleutian archipelago and Alaska and the activity of Russian merchants. The reaction of the Spanish court to messages of Spanish diplomats in Russia about Russian discoveries in America is shown. The analysis of the texts of diplomatic reports (1761–1792) has shown that the Spanish ambassadors were skeptical about the success of Russian expeditions to the American continent but changed their mind in the second half of 1760s. The article also examines the trade and economic aspect in the relations between the powers, showing the intention of Spain and Russia to establish direct trade. At the same time, we note that the nature of such interaction was influenced by the general political situation, which was determined by the leading powers of that time. The article has been written using historical and philological methods and approaches and aims to show the various aspects and stages of Russian-Spanish relations during the period of colonization of the Northwest of America. The results of the study can be used in practical activities of diplomatic services within the framework of international dialogue.

Keywords: Russia, Spain, colonization, Northwest of America, trade relations

© Нешкес О. В., 2024

Введение. Активное освоение северо-западного побережья Америки со стороны Испанской империи началось в XVIII в., при этом испанские права на данные территории были заявлены ещё в конце XV в.: на основании «Александровских» булл (1493), а затем Тордесильясского договора между Испанией и Португалией (1494), по которому Испания получила «исключительные права на колонизацию всего Западного полушария, включая западное побережье Северной Америки» [1, с. 38; 2]. «Конкистадоры вышли к берегам Тихого океана ещё в XV в.» [3, с. 96], однако интенсивное заселение и освоение территорий Калифорнии стало реализовываться лишь во второй половине XVIII в. благодаря, прежде всего, католическим миссионерам.

Причиной активизации Испании в данном регионе стало внимание к нему других государств: Великобритании, намеревавшейся усилить своё влияние как морской державы, и России, которая в ходе исследовательских экспедиций к восточным окраинам империи обеспечила себе выход к Тихому океану.

Интерес к заокеанским территориям у России возник в период правления Петра I, когда страна стала принимать активное участие в европейской политике и дипломатии. Именно тогда впервые обозначился вопрос: соединяется ли Азия с Америкой? [4, с. 268] Первая попытка разведки американского побережья со стороны России предпринята в 1722 г. И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным. Они отправились к северным Курильским островам, однако ответ на поставленный вопрос, имеется ли сухопутный переход из Азии в Америку, так и не был найден.

«Незадолго до смерти император инициировал новое масштабное исследование северной части Тихого океана... Интерес Петра I к американским берегам был настолько велик, что он лично составлял инструкции для экспедиций, контролировал их ход и выполнение поставленных задач» [3, с. 98–99]. Так в 1728 г. состоялась Первая Камчатская экспедиция под командованием Витуса Беринга на боте «Святой Гавриил», которая проходила по маршруту вдоль побережья Камчатки на северо-восток. В результате плавания удалось пересечь пролив, разделяющий Азию и Америку, но дальнейшее движение к американскому континенту было затруднено в силу погодных условий.

И лишь в 1741 г., в результате Второй Камчатской экспедиции Беринга – Чирикова, удалось достичь северо-запада Америки (островов Алеутского архипелага) и нанести на карту России территории¹, что в дальнейшем стали именовать Русской Америкой.

Обзор литературы. История российско-испанских отношений второй половины XVIII в., в том числе затрагивающая тематику освоения североамериканского континента, получила освещение в публикациях российских, испанских, британских, американских и немецких исследователей, в частности А. Ю. Петрова [1; 3], О. В. Волосюк [5–7], Н. Н. Болховитинова [8], М. С. Альперовича [9], А. И. Андреева [10], Н. Н. Бантыш-Каменского [11], В. С. Бобылева [12], Р. В. Макаровой [13], А. С. Куклиной [14; 15], E. Vila Vilar [16], A. H. Hull [17], A. M. Shop Soler [18], A. Alemparte Guerrero [19], Ch. I. Archer [20], M. Fernández Rodríguez [21], L. S. Hilton [22], G. P. Taylor [23], E. Völkl [24] и др. Также были изданы фундаментальные сборники документов на русском и испанском языках². При этом в изучении проблем, рассматриваемых в данной статье, мы основывались преимущественно на документах периода 1761–1792 гг., выявленных в архивах Испании: Генеральном архиве Индии и Национальном историческом архиве, в переводе на русский язык и в публикации которых в специальном монографическом издании принимала участие также и автор данной статьи³. В представленной статье мы уделяем внимание динамическому аспекту

¹ Россия по праву первооткрытия имела возможность претендовать на новые территории. В дипломатической документации в дальнейшем упоминалась 55° с. ш. в качестве границы владений России в Америке.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. документов / гл. ред. А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 399 с.; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов / гл. ред. А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М.: Наука, 1989. – Т. 2; Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / под ред., вступ. ст., обзор источников и литературы А. И. Андреева. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. – 383 с.; Россия и Испания: в 2 т. Т. 1: 1667–1799 / сост. О. В. Волосюк, К. В. Рожков, X. М. Гонсалес, М. Семпере. – М.: Международные отношения, 1991. – 470 с.; Corpus diplomático hispano-ruso / ed. de Manuel Espadas Burgos. Vol. 1: 1667–1799. – Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, 1991. – 407 p.

³ См.: Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. – 218 с.

развития российско-испанских отношений, нуждающемуся, по нашему мнению, в дополнительном рассмотрении.

Методология и методы исследования. При написании статьи мы руководствовались принципом историзма и объективности и использовали методы и подходы, применяемые в исторической и лингвистической науках, в частности, при анализе текстов донесений испанских посланников в России, помимо методов причинно-следственного и типологического анализа, направленных на выявление факторов при принятии решений испанским правительством, мы использовали элементы лингвопрагматического и лингвостилистического анализа, что позволило наглядным образом продемонстрировать коннотативные нюансы в нарративе испанских посланников в России и акцентировать «точки перелома» в отношении к России Испанского двора в контексте освоения севера-запада Америки. В частности, выявлено, что начиная с 1767 г. риторика испанских дипломатов в отношении русских открытий в Америке меняет свою тональность с иронической на настроенную.

Результаты исследования и их обсуждение. Открытие северных берегов Америки дало импульс России для продолжения освоения этого региона, что имело значение как с точки зрения внешнеполитического влияния, так и торгово-экономического развития.

По возвращении на родину уцелевшие участники Второй Камчатской экспедиции привезли с собой ценные товары – шкурки морских бобров (каланов) и других пушных зверей. Так был налажен промысел на новооткрытых островах, и он расширился к 1770-м гг., когда были открыты уже все острова архипелага, а также начато освоение материковой части – Аляски. Добыча и продажа шкур в дальнейшем приносила высокий доход Российской империи. Как отмечает исследователь Русской Америки А. Ю. Петров, во второй половине XVIII в. цена одной хорошо выделанной шкурки калана могла достигать 300 р., что по тем временам представлялось колоссальной суммой [25, с. 16–23].

Камчатские экспедиции Витуса Беринга сначала вызывали интерес, а затем и возрастающую обеспокоенность у Испанского двора во второй половине XVIII в. Карл III,

взошедший на престол в 1759 г., уже в следующем году восстановил отношения с Россией после их тридцатилетней заморозки. Испанский король объяснял необходимость взаимодействия с Россией её растущим значением в европейской политике¹, обусловленным в том числе её участием в Семилетней войне.

Вместе с тем с назначением официального представителя Испании в России – посланника маркиза де Альмодовара, Карл III намеревался узнать достоверные данные о продвижении русских в Америке и понять, может ли угрожать их деятельность Испанской Калифорнии [5; 6]. В своей инструкции дипломату он писал, чтобы тот действовал осмотрительно и не выдавал своих намерений, постарался разведать «к чему привели открытия русских, пытающихся наладить морское сообщение с Калифорнией»². Испанский король был убеждён, что в своих плаваниях они достигли больших успехов, чем другие державы, «а упорное молчание, хранимое русским и лондонским дворами по этому вопросу, который в будущем может иметь для них большое значение»³ испанский монарх считал весьма подозрительным.

Здесь более подробно представляется логичным остановиться на хронологии и анализе дипломатических депеш испанских посланников в Мадрид, поступавших начиная с 1760-х гг. В документе от 7/11 октября 1761 г. Россия ещё не рассматривается как помеха интересам Испании в Америке: маркиз де Альмодовар даёт оценку событиям, «подчёркивая ирреальность ситуации, при которой русским удалось бы достигнуть Калифорнии и закрепиться на этой территории» [26, с. 110]: он повествует о том, что если бы русские корабли продвинулись к Калифорнии в своём маршруте и взошли бы на «твёрдую землю», то «естественно, что они скорее бы попали в руки индейцев, и ещё более естественно, что никто никогда не узнал бы, куда могли пропасть эти несчастные русские»⁴.

¹ Подробнее см.: Россия и Испания: в 2 т. Т. 1: 1667–1799 / сост. О. В. Волосюк, К. В. Рожков, Х. М. Гонсалес, М. Семпере. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 196.

² Там же. – С. 166.

³ Там же.

⁴ Доклад испанского посланника в России маркиза де Альмодовара государственному секретарю правительства Испании Рикардо Уоллу об открытиях на берегах Америки, совершённых русскими в Тихом океане в ходе экспедиций с Камчатки. Санкт-Петербург,

Испанский дипломат с эксплицитно выраженной иронией отмечает: «...испанцам стоит бояться русских на берегах Америки так же, как русским испанцев на берегах Азии, и скорее американцы придут завоевывать Сибирь, чем русские захватят нашу часть Америки»¹. Маркиз де Альмодовар пишет при этом, что, если сибирские провинции России «станут цивилизованными, они смогут вершить великие дела, но сегодня испанцы не должны ни бояться этого, ни воображать их масштаб»². Посланник, используя противопоставление «провинция» и «цивилизация», а также контраст «вершить великие дела» и «мы не должны ни бояться этого, ни воображать их [масштаб]», стремится подчеркнуть твёрдое положение Испании [26, с. 112].

В 1763 г. на пост посланника в России был назначен виконт де ла Эррерия. Так же как и его предшественник, он следил за новостями об освоении Алеутских островов и о дальнейших изысканиях русских промышленников в этом регионе. В своём донесении от 20/30 ноября 1767 г. он пишет, что внимательно следит за освоением Америки Екатериной II и что, несмотря на предшествующие неудачные попытки, русским удалось пересечь Тихий океан с севера. Посланник отмечает, что к этой новости необходимо «относиться с благоразумной осторожностью», так как благодаря дальнейшим экспедициям русские намереваются «закрепить результаты своих открытий в тех землях», что может стать началом «нового торгового маршрута для Российской империи»³.

7/11 октября 1761 г. (пер. с исп.) / Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. – С. 78.

¹ Доклад испанского посланника в России маркиза де Альмодовара государственному секретарю правительства Испании Рикардо Уоллу об открытиях на берегах Америки, совершённых русскими в Тихом океане в ходе экспедиций с Камчатки. Санкт-Петербург, 7/11 октября 1761 г. (пер. с исп.) / Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. – С. 78.

² Там же. – С. 79.

³ Донесение испанского посланника в России виконта де ла Эррерия государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди о продолжении русских исследовательских экспедиций в Америку. Санкт-Петербург, 20/30 ноября 1767 г.: пер. с исп. // Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских

Так, уже в 1767 г. в донесениях посланников можно заметить изменение тональности: ирония в отношении способности русских совершить плавания к Калифорнийским землям сменяется выражением озабоченности и настороженности. В последующих донесениях от 1773 г. занявшего должность посланника Испании в России графа Франсиско Антонио Ласи транслируется мысль о том, что Россия становится потенциальной угрозой испанским интересам в Америке. В депеше от 8/19 марта 1773 г. граф Ласи сообщает государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди, что «эти известия я сообщаю Вашему Высокопревосходительству по причине того, что поселение русских, по всей вероятности, находится на шестьдесят четвертой параллели, и здесь ни у кого нет сомнения, что это – Калифорния»⁴. Эти новости посланник просит непременно довести до испанского монарха «дабы были приняты все меры, наиболее целесообразные его королевскому служению»⁵.

В донесении от 11 мая / 30 апреля 1773 г. граф Ласи пишет, что российская государыня разработала план, согласно которому «было бы разумно... если бы часть русского флота, следующего к Архипелагу, взяла курс на мыс Доброй Надежды и далее на Камчатку, стала в её гавани на якорь для пополнения сил после столь долгого плавания, а затем проследовала далее для будущих успешных завоеваний в пользу этой империи, которая, по мнению императрицы, имеет больше прав на Америку, чем любая другая держава»⁶.

Стремление защитить свои территориальные права привело Карла III к решению укрепить границы в американских колониях – улучшить систему управления и снабжения в северо-западной части Тихого океана. Важную роль в этом процессе приобрело небольшое поселение Сан-Блас, ставшее форпостом, призванным сдерживать продвижение русских к Калифорнии [5; 9]. В ходе дальнейших испанских экспедиций, снаряжённых представителем Карла III в Новой Мексике Хосе де Гальвесом и отправленных для обнаружения русских

архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. – С. 82.

⁴ Там же. – С. 90.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 94.

колонистов, вдоль северной части калифорнийского побережья были установлены также крепости Сан-Диего (1769) и Монтеррей (1770) [5; 16; 17; 23].

Сообщения графа Ласи и затем депеши испанского дипломата Педро де Норманде послужили основанием для последующих экспедиций испанцев Хуана Переса (1774) и Бруно де Эсета (1775), Э. Х. Мартинеса и Гонсало Лопеса де Аро (1788), направлявшихся для получения информации о русских поселениях на северо-западном побережье Америки [1; 5; 9; 16]. Испанское правительство всерьёз видело угрозу вторжения русских в Калифорнию.

Вместе с тем политика Екатерины II на американском континенте основывалась не на военной экспансии, а на хозяйственном освоении территорий: императрица отмечала, что «многое распространение в Тихом море не принесёт твёрдых польз. Торговать – дело иное, завладеть – дело другое»¹. Продвижение русских в Северной Америке осуществлялось благодаря промыслу и торговле. Постоянные же поселения были образованы лишь в 1783–1786 гг. усилиями Г. И. и Н. А. Шелиховых [8; 25].

Согласно некоторым исследованиям, опасения российской экспансии в Северной Америке побудили испанцев к изменению политики в Средиземноморье: историк Э. Халл, а также разделяющие его точку зрения А. Ю. Петров, А. Н. Ермолаев, В. Н. Косторниченко указывают в своих работах, что испанские власти, для того чтобы нивелировать активность России на американском континенте, предложили ей сотрудничество и допустили российские суда в порты Испании в разгар Русско-турецкой войны (1787–1791) [17; 27].

Ещё один немаловажный аспект российско-испанских отношений – это торгово-экономическое взаимодействие. Во второй половине XVIII в. значительную долю импорта в России (67 %) составляли «предметы роскоши и потребления имущих классов», ввозимые из стран Европы, в том числе и вино [9, с. 51]. В середине 1760-х гг. некоторым стимулом для активизации виноторговли между Испанией и Россией стало ре-

шение российского правительства снизить таможенные тарифы на ввоз вина из Испании, и уже в 1767 г. с партией вин в сторону Санкт-Петербурга направился испанский купец баскского происхождения Фелипе Чоне. В 1768 г. он «заключил с морским министерством контракт на поставку русской пеньки», а «в конце того же года мадридский двор, желая стимулировать ввоз пеньки и льна из России, принял решение снизить таможенные пошлины на эту продукцию при транспортировке её на российских или испанских судах» [Там же, с. 52].

В следующем году Чоне предложил напрямую снабжать Россию необходимой продукцией, в том числе из американских колоний (шерсть, шёлк, вино, пряности, красящие вещества, соль, вино), а взамен поставлять в Испанию пеньку, лён, древесину, смолу, воск и кожу. Таким образом, в 1771 г. в Петербурге Чоне учредил первый испанский торговый дом, а к 1773 г. было уже открыто три торговые конторы, одну из которых основал выходец из Каталонии Антонио де Коломби.

Испанские власти были крайне заинтересованы в налаживании прямой торговли с Россией: российское сырьё, в частности мачтовый лес и пенька для строительства военных судов, необходимо были Испании, чтобы потеснить Англию [14; 18], также импорт в Россию испанского вина на «льготных условиях» позволил бы конкурировать с Францией и Португалией за рынок сбыта.

Так, в одной из докладных записок 1792 г. уже упомянутый Антонио де Коломби, ставший к тому времени консулом в России, пишет об успехах и увеличении объёма торговли между Испанией и Россией с 1770-х гг.² Он отмечает, что с тех пор, как испанцы заявили о своём присутствии в российской столице, их беспокоил тот факт, что французы и португальцы выступали торговыми конкурентами, хотя они обладали теми же товарами, что могла предложить Испания, однако их товары, в частности вино, были «несравненно более известными и ходкими», поскольку этим странам первыми удалось основать в Петербурге «свои

¹ 1788 г. апрель – август. Замечания императрицы Екатерины II на доклад Комиссии о коммерции, о плавании и торговле в Тихом океане // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / под ред. А. И. Андреева. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. – С. 282.

² Докладная записка испанского консула в России Антонио де Коломби о торговле с Россией. Мадрид, 14/25 января 1792 г.: пер. с исп. // Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. – С. 176.

опорные пункты торговли, так называемые торговые дома». Однако, как пишет Колумби, несмотря на различные неудобства, «происходящие из разных принципов налогообложения товаров привилегированных стран по сравнению с остальными государствами, в число которых, по всей видимости, попала и Испания, все трудности были преодолены, и нам удалось добиться столь активной торговли с Российской империей»¹. В результате во многих регионах Российской империи стали предпочитать другим винам испанские за их качество и сохранение свойств даже «в самом переменчивом и суровом климате».

Таким образом, с 1770-х по 1790-е гг. Испании удалось расширить торговые сношения с Россией, тем не менее в этот период прямая торговля между странами осложнялась тем, что Англия, обладавшая значительным флотом, осуществляла транспортировку товаров именно на своих кораблях, что снижало конечную прибыль от торговли России и Испании. В целом российско-испанские торговые взаимоотношения того времени зависели от политического баланса сил: Русско-турецкая война, борьба за независимость североамериканских колоний, революция во Франции оказывали влияние на попеременное потепление и охлаждение отношений Испании и России.

Заключение. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась активизацией российско-испанских отношений, что было обусловлено возрастающей ролью России в

международной политике. Открытия России в Северной Америке с течением времени стали вызывать у Испанской короны опасения и восприниматься как угроза её интересам, о чём свидетельствует лингвистический анализ документов. Однако расширение экспансии России на северо-западе Америки скорее было обусловлено стремлением к экономическим выгодам, нежели к территориальным приобретениям.

Вместе с тем продвижение русских на американском континенте стало своего рода стимулом для Испании в её исследовательских экспедициях и укреплении территорий в северной части Калифорнии начиная с 1770-х гг. В области экономического взаимодействия в 70–90-е гг. наблюдалось взаимное «притяжение», т. е. желание двух держав наладить торговое сотрудничество, которое бы могло осуществляться напрямую, без посредничества других европейских стран.

Представляется, что проблематика истории российско-испанских отношений второй половины XVIII в. не является исчерпанной и требует привлечения новых документов, в том числе из зарубежных архивов, а применение методов и приёмов смежных гуманитарных дисциплин, в частности лингвистических, с нашей точки зрения, будет способствовать выявлению имплицитных характеристик, смысловых и коннотативных оттенков при анализе соответствующих источников.

Список литературы

1. Косторниченко В. Н., Петров А. Ю. Российско-испанские отношения на северо-западе Тихого океана во второй половине XVIII века // Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. С. 38–69.
2. Dawson S. E. The lines of demarcation of Pope Alexander VI and the Treaty of Tordesillas A. D. 1493 and 1494. Ottawa: Forgotten Books, 2017. 97 p.
3. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Коскина М. М. Генезис борьбы за колонии в северотихоокеанском регионе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 1. С. 95–106.
4. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Коскина М. М. Пётр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 1. С. 265–280.
5. Волосюк О. В. Испанцы и русские на Тихом океане // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 1. С. 134–148.
6. Волосюк О. В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений: монография. М.: РУДН, 2011. 628 с.
7. Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений = España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: Индрик, 2018. 928 с.

¹ Докладная записка испанского консула в России Антонио де Колумби о торговле с Россией. Мадрид, 14/25 января 1792 г.: пер. с исп. // Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / под общ. ред. А. Ю. Петрова. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. – С. 176.

8. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997. 478 с.
9. Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993. 240 с.
10. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / под ред. и со вступ. ст. А. И. Андреева. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. 383 с.
11. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). 304 с.
12. Бобылев В. С. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века. М.: Ун-т дружбы народов, 1997. 284 с.
13. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968. 200 с.
14. Куклина А. С. Анализ торгово-экономического сотрудничества России и Испании // Российский экономический вестник. 2019. № 6. С. 104–109.
15. Куклина А. С. Цикличность дипломатических контактов при зарождении взаимосвязей России и Испании // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 2. С. 138–145.
16. Vila Vilar E. Los rusos en América. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. 113 p.
17. Hull A. H. Spanish and Russian rivalry in the North Pacific regions of the New World, 1760–1812. Alabama, 1966. 544 p.
18. Schop Soler A. M. Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: Min. de asuntos exteriores. Dirección general de relaciones cult., 1984. 520 p.
19. Alemparte Guerrero A. Las relaciones hispano-rusas en el siglo XVIII. El relevante papel de marinos y militares españoles // Revista de historia naval. 2004. No. 87. P. 7–44.
20. Archer Ch. I. The transient presence: a reappraisal of Spanish attitudes toward the Northwest coast in the eighteenth century. Western Perspectives I. Toronto; Montreal, 1974. 30 p.
21. Fernández Rodríguez M. La presencia rusa en el Pacífico Noroeste // El Ejército y la Armada en el Noroeste de América: Nootka y su tiempo. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, 2011. P. 93–118.
22. Hilton L. S. Descripción de las costas de California. Madrid: Instituto Gonzalo Fernández de Oviedo, 1981. 230 p.
23. Taylor P G. Spanish-Russian rivalry in the Pacific, 1769–1820 // The Americas. 1958. No. 15. P. 109–127.
24. Vökl E. Russland und Lateinamerika, 1741–1841. Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1968. 256 s.
25. Петров А. Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012. 318 с.
26. Нешкес О. В. Культурно-прагматические аспекты вербализации образа России в испанских дипломатических документах второй половины XVIII века: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. М., 2023. 187 с.
27. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Косторниченко В. Н. Торговля Российско-американской компании с Латинской Америкой // Латинская Америка. 2015. № 5. С. 7–26.

Информация об авторе

Нешкес Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, г. Москва, Остоженка 38, стр. 1; nesh_86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1667-4654>.

Для цитирования

Нешкес О. В. Российско-испанские отношения при освоении североамериканских территорий во второй половине XVIII века // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 134–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-134-141.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

References

1. Kostornichenko, V. N., Petrov, A. Yu. Russian-Spanish relations in the Pacific Northwest in the second half of 18th Century. A. Yu. Petrov editor. Russia and Spain in the Northwest of America in the second half of the 18th Century (on materials from Spanish archives). Ryzan', 2020: 38–69. (In Rus.)
2. Dawson, S. E. The lines of demarcation of Pope Alexander VI and the Treaty of Tordesillas A. D. 1493 and 1494. Forgotten Books, 2017. (In Eng.)
3. Petrov, A. Yu., Ermolaev, A. N., Koskina, M. M. The genesis of struggle for colonies in the Northern Pacific region. Herald of Omsk University Series "Historical Studies", no. 1, pp. 95–106, 2023. (In Rus.)
4. Petrov, A. Yu., Ermolaev, A. N., Koskina, M. M. Peter the Great and Russia's growing interest in the exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722. Quaestio Rossica, no. 1, pp. 265–280, 2021. (In Rus.)
5. Volosyuk, O. V. Spaniards and Russians in the Pacific. Vestnik RUDN, Journal of Russian History, no. 1, pp. 134–148, 2011. (In Rus.)

6. Volosyuk, O. V. Foreign policy of Spain in the 18th century: the formation of Spanish-Russian relations. M: RUDN, 2011. (In Rus.)
7. Spain and Russia: diplomacy and dialogue of cultures. Three centuries of relations. M: Indrik, 2018. (In Rus.)
8. History of Russian America (1732–1867). In 3 volumes. The Foundation of Russian America, 1732–1799. Vol. 1. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. (In Rus.)
9. Alperovich, M. S. Russia and the New World (last third of the 18th century). M: Nauka, 1993. (In Rus.)
10. Russian discoveries in the Pacific Ocean and North America in the 18th Century. M: Gos. Izd. geogr. literaturi, 1948. (In Rus.)
11. Bantysh-Kamenskiy N. N. Review of Russia's foreign relations (up to 1800). M: 1894. Ch. 1 (Austria, England, Hungary, Holland, Denmark, Spain). (In Rus.)
12. Bobylev, V. S. Russia and Spain in international relations of the second Half of the 18th century. M: RUDN, 1997. (In Rus.)
13. Makarova, R. V. Russians in the Pacific in the second half of the 18th century. M: Nauka, 1968. (In Rus.)
14. Kuklina, A. S. Analysis of trade and economic cooperation between Russia and Spain. Russian Economic Bulletin, no. 6, pp. 104–109, 2019. (In Rus.)
15. Kuklina, A. S. Cyclicity of diplomatic contacts at the birth of the relations between Russia and Spain. Perm University Herald. History, no. 2, pp. 138–145, 2017. (In Rus.)
16. Vila Vilar E. Los rusos en América. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. (In Span.)
17. Hull A. H. Spanish and Russian rivalry in the North Pacific Regions of the New World, 1760–1812. Alabama, 1966. (In Eng.)
18. Schop Soler A. M. Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: Min. de asuntos exteriores. Dirección general de relaciones cult., 1984. (In Span.)
19. Alemparte Guerrero A. Las relaciones hispano-rusas en el siglo XVIII. El relevante papel de marinos y militares españoles. Revista de historia naval, no. 87, pp. 7–44, 2004. (In Span.)
20. Archer, Ch. I. The transient presence: a reappraisal of Spanish attitudes toward the Northwest coast in the eighteenth century. Montreal: Western Perspectives I. Toronto, 1974. (In Eng.)
21. Fernández Rodríguez M. La presencia rusa en el Pacífico Noroeste. El Ejército y la Armada en el Noroeste de América: Nootka y su tiempo. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, pp. 93–118, 2011. (In Span.)
22. Hilton, L. S. Descripción de las costas de California. Madrid: Instituto Gonzalo Fernández de Oviedo, 1981. (In Span.)
23. Taylor P George. Spanish–Russian rivalry in the Pacific, 1769–1820. The Americas, no. 15, pp. 109–127, 1958. (In Eng.)
24. Völkl E. Russland und Lateinamerika, 1741–1841. Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1968. (In Germ.)
25. Petrov, A. Yu. Natalia Shelikhova at the origins of Russian America. M: Ves' mir, 2012. (In Rus.)
26. Neshkes, O. V. Cultural and pragmatic aspects of the verbalization of the image of Russia in Spanish diplomatic documents of the second Half of the 18th century. Cand. sci. diss. Moscow, 2023. (In Rus.)
27. Petrov, A. Yu., Ermolaev, A. N., Trade of the Russian-American Company with Latin America. Latinskaya Amerika, no 5, pp. 7–26, 2015. (In Rus.)

Information about the author

Neshkes Olga V., candidat of Philology, Moscow State Linguistic University; 1 building, 38 Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia; nesh_86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1667-4654>.

For citation

Neshkes O. V. Russian-Spanish Relations During the Development of North American Territories in the Second Half of the 18th Century // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 134–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-134-140.

**Received: April 15, 2024; approved after reviewing May 22, 2024;
accepted for publication May 24, 2024.**

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-142-149

Англия и Россия у истоков борьбы за тихоокеанские колонии в первой половине XVIII века

Александр Юрьевич Петров

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
alaska13@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Статья посвящена истокам борьбы России и Англии за колонии на севере Тихого океана. Цель исследования заключается в том, чтобы показать взаимосвязь событий на севере Тихого океана с общим ходом колонизации новых территорий. Рассматривается интерес Петра I к Англии. В статье выявляются факторы, которые способствовали колонизации северо-запада Америки, в том числе уровень географических знаний в обеих странах о границах Америки и Азии. Показывается, что их изучение стало сложным и многоплановым процессом, в котором принимали участие английские и российские мореплаватели, а контролировался он государственной властью обеих стран. Отмечается важность инициативы частных коммерческих компаний в колонизации территорий. Обращается внимание на то, что Великобритания проводила сначала осторожную политику, сменившуюся на активную фазу в конце XVIII в. Если для Великобритании интерес в первую очередь был связан с поиском северного пути из Атлантического в Тихий океан, то продвижение России на северо-запад Америки обусловлено причинами экономического и политического содержания. В статье отмечаются изменения позиции Великобритании и России по отношению к рассматриваемым территориям на протяжении изучаемого периода. Делается вывод, что особенности навигации в Тихом океане делали столкновение в открытом море менее вероятным, чем в прибрежных водах и на суше, где русским промышленникам в дальнейшем противостояли представители Компании Гудзонова залива. Автор при подготовке статьи опирался на исторические методы и подходы других дисциплин с привлечением архивных источников. Полученные результаты могут быть использованы в теоретической и практической частях взаимодействия со странами АТР, а также Англии.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, колонии, север Тихого океана

Original article

England and Russia: The Beginnings of the Struggle for the Pacific Colonies, 1700–1750

Aleksandr Yu. Petrov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
alaska13@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

The article is about the development of the struggle between Russia and England for colonies in the North Pacific Ocean. The purpose of our research is to show the relationship between events in the North Pacific Ocean and the general course of colonization of new territories. The interest of Peter the Great in England is considered. The article identifies factors that contributed to the development of the American northwest, including the level of geographical knowledge in both countries about the borders of America and Asia. It is shown that their study became a complex and multifaceted process in which English and Russian navigators took part, and it was controlled by the state authorities of both countries. The importance of the initiative of private commercial companies in the development of territories is emphasized. It is noted that Great Britain initially pursued a cautious policy, which gave way to an active phase at the end of the 18th century. If Great Britain's interest was primarily associated with the search for a northern route from the Atlantic to the Pacific Ocean, then Russia's advance to the north-west of America was due to economic and political reasons. The article looks at the changes in the attitude of Russia as well as England in relation to the territories under consideration throughout the period under study. It is concluded that the peculiarities of sailing in the waters of the Pacific Ocean made a collision on the high seas less likely than in coastal waters and on land, where Russian fur hunters were subsequently opposed by representatives of the Hudson's Bay Company. The article is written on the basis of an interdisciplinary approach, using archival sources. The results we obtained can be used in the theoretical and practical parts of interaction with the countries of the Asia-Pacific region, as well as England.

Keywords: Russia, Great Britain, colonies, North Pacific

© Петров А. Ю., 2024

Введение. В период с XVI по первую половину XVIII в. многие европейские страны проявляли интерес к разгадке существования пролива Аниан, что стало стимулом отправки российских, английских и испанских экспедиций с целью изучения северо-запада американского континента. В 1579 г. английский мореплаватель Ф. Дрейк предпринял попытку найти этот пролив, но смог пройти лишь определённое расстояние у северо-западного побережья Америки. В 1643 г. экспедиция М. Г. Фриса отправилась на север от Японии в надежде найти легендарные острова, где якобы имелись богатые залежи золота и серебра. Это привело к возникновению легенды об «открытии» «западного мыса Америки», расположенного на острове Уруп [1, с. 14]. Между тем в России уже в середине XVII в. экспедиция С. Дежнева смогла пройти проливом, разделяющим Азию и Америку. Результаты этого плавания были оценены потомками гораздо позже. На уровне уже целенаправленной государственной политики изучение пределов Российской империи и потенциальных колоний проводилось уже в первой четверти XVIII в., и связано оно было с личностью первого российского императора – Петра I.

Обзор литературы. Историю российско-английских отношений изучали отечественные и зарубежные учёные [2; 3]. Имеется достаточно много книг и статей по различным периодам истории отношений между странами [4]. Есть диссертации, написанные как по отечественной, так и всеобщей истории, в которых освещались отдельные сюжеты, имеющие прямое или косвенное отношение к северу Тихого океана [5–7]. Опубликованы многотомные документальные сборники, в которых имеются редкие реляции, инструкции, письма русских путешественников, а также указы и распоряжения российских правителей, в том числе их собственноручные записи¹. Поэтому при изучении вопросов, поднимаемых в данной статье, мы опирались на сборники документов, в подготовке которых принимали участие².

¹ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: сб. документов / Рос. АН, Ин-т рос. истории; сост. и авт. введ. А. В. Демкин. – М.: ИРИ, 1994. – 73 с.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. документов / ред. А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М.: Наука, 1981. – Т. 1. – 320 с.; 1989. – Т. 2. – 397 с.; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815.: сб. документов / ред. А. Л. Нарочницкий,

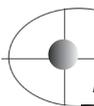
Методология и методы исследования. При подготовке материала для статьи мы использовали подходы и методы, которые свойственны как истории, так и другим смежным гуманитарным наукам, что может говорить о мультидисциплинарности проведённых изысканий. Можно привести пример использования лингвистических методов при изучении документов Петровской эпохи, в том числе при анализе инструкции Петра I В. Берингу. Мы также привлекали новейшие достижения географии, антропологии и политологии, придерживались принципов историзма, а также комплексности при изучении событий, объективности при анализе источников и детерминизма. Опирались на уже опробованную нами методологию при подготовке к публикации источников на русском, испанском, французском и других языках по схожим с изучаемым в статье сюжетам. Например, использование сведений, демонстрирующих борьбу мнений в английском парламенте, позволило отметить разные точки зрения на колонизацию новых территорий.

В статье, ограниченной по объёму, нам удалось лишь схематично обозначить общие вопросы, повлиявшие на русско-английские отношения на севере Тихого океана, например борьбу за заключение договоров между Англией и Россией. Думается, что при изучении отношений между двумя странами следует выявить дополнительные сведения в отечественных и зарубежных архивах, особенно в ряде федеральных архивов Москвы и Санкт-Петербурга.

Результаты исследования и их обсуждение. В конце XVII в. молодой московский царь Петр осуществил задуманную мечту – отправился изучать опыт Западной Европы в самых разных сферах от строительства судов до медицины [8, с. 3–13]. Царь отправился в составе Великого посольства под именем Петра Михайлова со своими ближайшими сподвижниками и молодыми дворянами. Петр I стремился не просто перенять опыт Западной Европы, а самому научиться тому, что он считал важным для развития государства.

Когда посольство прибыло в Англию, Петр I снял целый дом и оттуда направился на судостроительную верфь, где задумал

Н. Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – 275 с.; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / ред. Н. Н. Болховитинов [и др.]. – М.: Наука, 2005. – Т. 4. – 456 с.

освоить все тонкости строительства современных судов. Кроме ведения дипломатических переговоров в королевской резиденции, он искал встречи с учёными-географами. Его занимали все стороны жизни англичан – от медицины до религии. Именно тогда Петр I встретился с протестантами, которые направлялись в Новый Свет, путь куда был уже достаточно хорошо известен после плавания Х. Колумба. Кроме того, Петр, хорошо разбиравшийся в географии, знал о поселениях испанцев и португальцев в Латинской Америке. Но на вопрос о собственных территориях ответить мог лишь приблизительно, когда речь зашла о восточных окраинах России. Между тем при всём внешнем радушии приёма посольства дипломаты европейских стран вели весьма осторожные переговоры с Петром I, не доверяли ему и уклончиво отвечали относительно возможной поддержки России накануне Северной войны со Швецией [9, с. 113–115].

В Западной Европе Петр I встретился с известным учёным Лейбницем, от которого узнал о росте интереса англичан к изучению севера Тихого океана. Тот был весьма недоволен тем, что в Англии будущего российского императора старались поразить роскошью дворцов, но при этом мало кто обращал внимание на обмен географическими знаниями [10–11].

Во время пребывания в Западной Европе московский царь смог провести весьма содержательную беседу с учёным Н. Витсенем (Nicolaes Witsen), который хорошо знал английский двор и был знаком с О. Кромвелем. В начале 90-х гг. XVIII в. Н. Витсен познакомился с Петром I и сохранил связи с ним на долгие годы. Тогда же он заинтересовался географией и составил описание к поездке Федора Исаковича Байкова в Пекин. Говоря о изображении северо-восточной оконечности Азии, Н. Витсен отметил два стремящихся в бесконечность полуострова. Он сомневался насчёт того, соединяются ли континенты, но отметил попытки англичан узнать об этой географической проблеме [12, с. 278–279].

Как установил ленинградский историк Б. П. Полевой, русский царь при беседе с голландским учёным заявил, что существует возможность плавания из устья Енисея до реки Амур, а между Америкой и Азией существует пролив, по которому уже ходили казачьи суда со времён С. Дежнева. Но

сомнения голландского друга молодого царя оказались решающими. На протяжении всей своей жизни Петр I был склонен ставить под сомнение сведения казаков, которые уверенно заявляли о существовании пролива. Вскоре в Голландию и Англию были направлены географические документы, свидетельствующие о реальности навигации на восточных границах России [13].

Именно в это время в результате похода В. В. Атласова в 1697–1698 гг. получены достоверные сведения о промысловых богатствах края и установлено, что полуостров омывается Тихим океаном. Атласов был крестьянином из Великого Устюга, откуда вышли многие первопроходцы. Прибыв в Сибирь в 1672 г., он выполнял разные служебные поручения в острогах, а в 1695 г. получил назначение приказчиком самого отдалённого из них – Анадырска, откуда он и отплыл на Камчатку.

В дальнейшем одну из важнейших задач, связанную с отношениями с Англией, поручено было решить Федору Степановичу Салтыкову. Он был направлен в Англию в 1711 г. для изучения корабельного ремесла и покупки судов. Исходя из такой постановки цели экспедиции Салтыкова, можно предположить, что к началу второго десятилетия XVIII в. Петр I пришёл к выводу, что Россия может перенять опыт Англии при строительстве судов для плавания в Тихом океане.

Пятнадцать лет спустя после Великого посольства Петр I получил предложение о путешествии к Тихому океану на своих судах по сибирским рекам¹. В этой бумаге считалось возможным совершить путь из Ледовитого океана в Тихий за счёт обхода северо-восточной оконечности Азии и организовать плавание от устья р. Лены. Также предполагалось установление торговых связей со странами Европы и создание торгового пути через Тихий океан в Китай, что могло укрепить российско-китайскую морскую торговлю с Цинской империей. Экономической (и в некоторой степени политической) стабильности в российской Сибири способствовало то, что товары из этого региона активно поставлялись в Цинскую державу, которая стала ёмким рынком сбыта для российских товаров. В то время как доставка сибирских товаров в европейскую часть России была существенно затруднена. Ос-

¹ Пропозиции Федора Салтыкова // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 9. – Отд. 11. – Кн. 13. – Л. 958–962.

новным вызовом, очевидно, становились расстояния, но проблемы могли возникнуть и в части рентабельности. Именно в этот период развивается суконное производство в Англии, которая также была заинтересована в получении пушнины из Северной Америки [14], а потому китайский рынок выглядел не только перспективным, но и в принципе – с определёнными допущениями – единственным возможным [15].

По приглашению российских властей в России проживали моряки из Англии. Так, капитан Дж. Перри сообщает, что в 1698–1715 гг. российский царь хотел отправить людей для составления точной карты страны и проверить возможность прохождения кораблями территории мимо Новой Земли в северное море, восточнее р. Оби, а также идею о постройке в этом месте кораблей для путешествия в Китай и Японию¹.

В 1721 г. французский полномочный министр при русском императорском дворе Ж. де Кампредон предложил отправить экспедицию из устья р. Оби для «разыскания» морского пути в Тихий океан. Он полагал, что Россия в этом случае будет обладать монополией по использованию данного пути, ведь англичанам, чтобы добраться до берегов Америки, требовалось совершать кругосветное плавание вокруг мыса Горн, известного всем как «мыс бурь»².

В конце первой четверти XVIII в. российский царь всё же осуществил свою мечту и приказал готовить экспедицию для изучения Тихого океана. Капитаном был назначен Витус Беринг. Император составил инструкцию, над расшифровкой смысла которой до сих пор спорят учёные из разных стран. В третьем пункте этой инструкции имелись слова, которые можно было истолковать по-разному. Например, требование найти

¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. документов / ред. А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М.: Наука, 1981. – Т. 1. – 320 с.; 1989. – Т. 2. – 397 с.; Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера, 1799–1815: сб. документов / ред. А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – 275 с.; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / ред. Н. Н. Болховитинов [и др.]. – М.: Наука, 2005. – Т. 4. – 456 с.; Т. 1. – С. 10; См.: Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. – С. 40.

² Из докладной записки французского полномочного министра при русском императорском дворе Ж. де Кампредона об отправке экспедиции из устья р. Оби для поисков морского пути в Тихий океан, 1721 г. декабрь // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 40. – С. 17–18.

место, где сходятся континенты, руководителю экспедиции можно было истолковать как поиски либо пролива, либо перешейка, который мог соединять Азиатскую часть Российской империи с Америкой. Также затруднительно понять, о каких именно европейских колониях писал Петр I. Если об испанских, то тогда следовало бы держаться юго-восточного вектора и идти логичнее к западному берегу Калифорнии, но если имелись в виду английские колонии в восточной части Северной Америки – то выполнение цели оставалось всё таким же сложным. Ведь именно в это время в Англии задумались об открытии северного пути из Тихого океана в Атлантический, и Петр мог надеяться опередить в этом англичан³.

Известный американист А. В. Ефимов так и считал, что, составляя инструкцию, Петра I стремился предотвратить экспансию Англии на Тихом океане. Аргументы А. В. Ефимова строились на фактах усиления влияния Компании Гудзонова залива в регионе. Однако, как смогли установить авторы первого тома ИРТО, документы не позволяют прямо проследить влияние деятельности Компании Гудзонова залива (КГЗ) на подготовку Первой Камчатской экспедиции⁴.

Свой маршрут Беринг выбрал, основываясь на важности выполнения всех поставленных Петром I задач⁵. Как признавали в дальнейшем испанские дипломаты, в Мадриде больше были обеспокоены действиями англичан, чем действиями русских⁶. Те, кто пересекал Тихий океан, как правило, намеревались остаться в Новом Свете. В отличие от восточного побережья, где Англия

³ Указ Петра I Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции, 23 декабря. 1724 г. // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). – Ф. 223. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 110–111.

⁴ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / ред. Н. Н. Болховитинов [и др.]. – М.: Наука, 2005. – Т. 1. – С. 11; Русская тихоокеанская эпопея / сост. В. А. Дивин. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1979. – С. 134–140, 150–155 и др.

⁵ Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / сост., под общ. ред. А. Ю. Петрова; ред.-сост. В. Н. Косторниченко. – Рязань: Изд-во Рязанского гос. ун-та, 2020. – С. 38–41; Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. / сост. и подгот. А. А. Истомина, Дж. Р. Гибсон, В. А. Тишков. – М.: Наука, 2005.

⁶ Las Costas y Mares Septentrionales de California... 1779 // Archivo General de Indias. – MP-Mexico, 359 p.

имела свои колонии, русские могли проводить на Алеутских островах лишь ограниченный срок и должны были возвращаться в те места, где платили подати.

Все европейские державы, включая Англию, при движении к берегам Латинской Америки использовали морской путь, пролегающий у мыса Горн. Этот маршрут был чрезвычайно опасен: практически всегда в тех местах было сильное волнение океана, а дальнейшее движение затрудняли «противные» ветра. Приходилось делать длительные остановки в пути. Английские суда уже в начале XVIII в. по качеству опережали испанские суда и стали составлять конкуренцию доминированию испанцев. Кроме того, англичане стали рассматривать территории в Южной и Северной Америке как потенциальные английские колонии. В первой четверти XVIII столетия в Англии разрабатывается проект секретной экспедиции в Тихий океан, но реализация этой идеи произошла только в 1739–1742 гг. Дж. Ансоном (George Anson). Англичане отправили шесть военных кораблей под командованием Ансона в надежде потеснить испанцев в их колониях. Однако сложность путешествия была такова, что в итоге вернулись только два корабля, а из 1900 моряков только 188 смогли завершить плавание. Ансон прибыл с богатой добычей, так как смог захватить испанское торговое судно. За это плавание он получил более 90 тысяч фунтов стерлингов, а простые матросы лишь 300. Эффект от плавания Ансона потряс Европу. Информация дошла и до России. Стало очевидно, что в случае достижения англичанами северных территорий русским придётся иметь дело с мощными английскими судами [16].

В первой половине XVIII в. вопросы колонизации северных территорий Тихого океана, включая будущую Британскую Колумбию, активно обсуждались в британском парламенте. Эти дискуссии были вызваны различными факторами, которые формировали политическую и общественную атмосферу того времени. Великобритания активно расширяла свои торговые и экономические связи с колониями, причём северные области Тихого океана представляли новые возможности для добычи ресурсов, таких как мех, древесина и рыба. Компания Гудзонова залива стремилась к контролю над этими территориями в надежде на увеличение прибыли. Более того, важность

контроля над северными территориями была обусловлена их стратегическим значением для обеспечения безопасности торговых маршрутов и защиты колоний.

Имея в виду важность, необходимо было предотвратить влияние других европейских стран, включая Россию, которая также проявляла заинтересованность в северных районах Тихого океана.

Политические группировки в парламенте имели различные взгляды на вопросы колонизации. Например, те, кто поддерживал торговые компании, отстаивали активную экспансию в северные регионы, в то время как оппозиция могла видеть в этом риски и проблемы.

В первой половине XVIII столетия в английском парламенте можно выделить две основные политические фракции: вигов и тори. Эти фракции представляли различные социальные, экономические и политические интересы, и их стойкие разногласия часто формировали основу для политических противостояний.

Виги поддерживали ограничение власти монархии, парламентаризм и роль парламента в принятии важных политических решений. Они также выступали за развитие роли торговли и промышленности. В основном виги представляли интересы городских предпринимателей, торговцев и обеспеченного городского населения. Виги часто поддерживали активное участие Великобритании в международных конфликтах, особенно в контексте борьбы за колонии.

Тори же выступали за укрепление монархической власти и приверженность традиционным социальным структурам. Они поддерживали сохранение привилегий аристократии и церкви. Тори находили поддержку среди землевладельцев, аристократии, членов церкви и тех, кто был склонен к сохранению традиций. Тори часто выступали за осторожный подход к участию в международных конфликтах, предпочитая сохранение мира и стабильности [17].

Эти политические фракции не были жёстко фиксированными группами, и их члены могли менять свои взгляды в зависимости от конкретных обстоятельств и политических событий. В течение XVIII в. эти фракции подвергались изменениям и эволюции, и, помимо вигов и тори, в парламенте существовали иные группировки и независимые политики.

Выделим основные фигуры, сформировавшие подход Великобритании к той политике, которая в полной мере проявилась уже позже.

Сэр Роберт Уолпол (Sir Robert Walpole): стал первым лордом Трезора и фактически первым премьер-министром Великобритании в период с 1721 по 1742 г. Он считается основателем виговской доминировавшей партийной системы. Чарльз Тауншенд (Charles Townshend): влиятельный политик и министр, который также был членом партии вигов. Его имя связано с актами Тауншенда, приведшего вкуче с другими законами Парламента к Войне за независимость. Что касается тори, то можно выделить Вильяма Харта (William Hart). Он был одним из влиятельных политиков тори в начале XVIII в., занимал высшие посты в правительстве и являлся лордом-канцлером. Также Генри Сент-Джон (Henry St John), который был вигом, но затем присоединился к тори [18–24].

Между тем обнаруживалось и единство позиций. Особенно это проявилось при стремлении Англии изучить возможность навигации через новые торговые пути. В первой четверти XVIII в. возник ряд проектов по колонизации тихоокеанского севера. В Россию приезжали представители Англии и предлагали организовать экспедиции в Америку¹. Поступали амбициозные предложения, например, в январе 1711 г. от английского купца Р. Бека: «Об учреждении в Западной Индии коммерции». В проект входило заселение острова Тобаго (Атлантический океан, группа Малых Антильских островов), что в дальнейшем можно было бы использовать для колонизации всех островов. Однако этот проект не получил должного рассмотрения [25, с. 209].

В 30–40-х гг. XVIII столетия в царский двор продолжали поступать обращения как из-за рубежа, так и от проживающих в России иностранцев по активизации колониальной политики России на Тихом океане. Как правило, в таких обращениях отмечалась важность противодействия англичанам в их стремлении продвинуться ближе к владениям России. Но были и те, кто призывал

к сотрудничеству, видя в русско-английских связях залог мира.

Например, в 1732 г. вице-адмирал граф Н. Ф. Головин обратился с нижайшим предложением к российской императрице Анне Иоанновне о содействии экспедиции капитана Беринга, в котором писал, что важно приглашать на русскую службу именно англичан, которые могут служить капитанами судов, исследующих Тихий океан².

В середине XVIII столетия в Европе опасались продолжения плаваний Беринга и Чирикова. Западноевропейцы полагали, что русские могут без труда достичь сначала дальних Алеутских островов, а затем и Калифорнии. Под угрозой русской колонизации в этом случае могут оказаться обширные испанские владения [26, с. 15].

Заключение. Таким образом, в первой четверти XVIII в. Россия, как и Великобритания, стремились опередить друг друга в закреплении на севере Тихого океана. Это соперничество осложнялось крайне тяжёлыми условиями плавания к Алеутским островам и далее к Аляске. Россия обладала преимуществами в силу близости своей восточной границы к новым территориям. Трудности перемещения грузов и такелажа для судов к Охотску для последующей морской навигации были весьма сложной задачей, которую Россия успешно решила. Англия могла достигнуть Аляски и Алеутских островов путём кругосветных экспедиций. Цель этих плаваний заключалась в стремлении найти северный морской путь из Атлантического в Тихий океан. Чрезвычайные расходы и сложность достижения Аляски делали столкновение у её берегов маловероятным. Соперничество перемещалось на приграничные районы, а задействованы в дальнейшем в этом были коммерческие компании: Российско-американская и Гудзонова залива. В России рассматривали Англию как страну, у которой можно получить определённые навыки в осуществлении дальних вояжей, а также в строительстве судов. При этом именно Россия опередила Англию и первой достигла берегов северо-запада Америки, заявив о себе как о мощной державе, имеющей интересы на Тихом океане.

¹ «Приезд из Англии капитана Оли под именем Следивеля и купца Карла Каниони, присланных от Коста для предложения плана об экспедиции в Америку и о сыскании там Новой земли», начало XVIII в. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 35. – Оп. 35/1 (1720–1762). – Д. 596.

² Представление генерал-инспектора флота вице-адмирала графа Н. Ф. Головина Анне Иоанновне о дальнейшем развитии русского флота и содействии экспедиции В. И. Беринга, 12 октября 1732 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1–8.

Список литературы

1. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997. 478 с.
2. Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2011. 268 с.
3. Широкоград А. Б. Британия – Россия. 300 лет противостояния. М.: Вече, 2023. 464 с.
4. Россия и Британия. XVI–XIX века / отв. ред. Т. И. Скалкина. М.: Древлехранилище, 2007. 116 с.
5. Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009. 164 с.
6. Медведев Ю. С. Русско-английские отношения в середине XVIII века: 1748–1763: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 179 с.
7. Десятков К. С. Англо-русские отношения в конце XVII – начале XVIII вв., 1697–1716 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Великий Новгород, 2000. 210 с.
8. Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М.: Институт рос. истории, 2005. 396 с.
9. Гузевич Д. Ю. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 693 с.
10. Schippan M. Der "Solon Russlands" und der Zar. Gottfried Wilhelm Leibniz, Peter der Große und die europäischen Wissenschaftsbeziehungen, 2013.
11. Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) und die gelehrte Welt Europas um 1700 / Hrsg. B Heinecke, I. Kästner. Aachen: Shaker Verlag, 2013. Band. 6. P. 133–154.
12. Полевой Б. П. Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Л., 1985. 529 с.
13. Шамин С. М. Формирование внешнеполитических представлений Петра I и выписки из курантов 1690–1693 годов // Российская история. 2012. № 4. С. 111–120.
14. Романова Г. Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 101–112.
15. Клиффорд Ф. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина: история российско-китайских отношений в XVIII–XIX веках. М.: Центрполиграф, 2019. 445 с.
16. Копелев Д. Н. От мыса Головнина к земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: Полит. энцикл., 2021. 495 с.
17. Fowler W. Jr. Empires at War: The French and Indian War and the Struggle for North America, 1754–1763. N. Y.: Walker & Co., 2005. 332 p.
18. The House of Commons, 1690–1715 / ed. by E. Cruickshanks. Cambridge: Cambridge univ. press for the History of Parliament trust, 2002.
19. The House of Lords in the Age of George III / by C. Thorne. Chichester. Malden: Wiley-Blackwell for the Parliamentary History Yearbook Trust, 2009. 475 p.
20. The Politics of the British Army, 1642–1783 / by I. J. Davidson. Cambridge: The University Press, 1933.
21. Bolingbroke: Political Writings / ed. by D. Armitage. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970.
22. Hanoverian Britain and Empire: Essays in Memory of Philip Lawson / ed. by N. Aston, Ph. Lawson. Woodbridge: The Boydell Press, 1998. 337 p.
23. The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England / by N. McKendrick. Bloomington: Indiana University Press, 1982.
24. Politics and Empire in Victorian Britain: A Reader / ed. by A. Burton. N. Y.; Basingstoke: Palgrave, 2001. 343 p.
25. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII – первая половина XVIII в. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 319 с.
26. Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993. 238 с.

Информация об авторе

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А; alaska13@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1688-4096>.

Для цитирования

Петров А. Ю. Англия и Россия у истоков борьбы за тихоокеанские колонии в первой половине XVIII века // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 142–149. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-142-149.

Статья поступила в редакцию 14.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

References

1. History of Russian America (1732–1867). In 3 volumes. The Foundation of Russian America, 1732–1799. Vol. 1. Ed. by N. N. Bolkhovitinova. M: Mezhdunarodnyyeotnosheniya, 1997. (In Rus.)
2. Labutina, T. L. The British in pre-Petrine Russia. SPb: Aleteiya, 2011. (In Rus.)
3. Shirokorad, A. B. Britain – Russia. 300 years of confrontation. M: Veche, 2023. (In Rus.)
4. Russia and Britain. XVI–XIX centuries. Ed. by T. I. Skalkina. M: Drevlekhranilishche, 2007. (In Rus.)
5. Kostrikov, M. S. Russian-English relations in the second half of the 16th-17th centuries. Cand. sci. diss. M., 2009. (In Rus.)
6. Medvedev, Yu. S. Russian-English relations in the middle of the 18th century: 1748–1763. Cand. sci. diss. M., 2004. (In Rus.)
7. Desyatskov, K. S. Anglo-Russian relations at the end of the 17th - beginning of the 18th centuries, 1697–1716. Cand. sci. diss. Velikii Novgorod, 2000. (In Rus.)
8. Gus'kov, A. G. The Great Embassy of Peter I. Source research. M: Institutros. istorii, 2005. (In Rus.)
9. Guzevich, D. Yu. The Great Embassy: The Turn of Epochs, or the Beginning of the Journey: 1697–1698. SPb: Dmitrii Bulanin, 2008. (In Rus.)
10. Schippan, M. Der "Solon Russlands" und der Zar. Gottfried Wilhelm Leibniz, Peter der Große und die europäischen Wissenschaftsbeziehungen. 2013. (In German)
11. Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) und die gelehrte Welt Europas um 1700 / Heinecke, B., Kästner, I. (Hrsg.). Vol. 6. Aachen, Shaker: Europäische Wissenschaftsbeziehungen, 2013: 133–154. (In German)
12. Polevoi, B. P. Russian geographical discoveries in the Far East since the 30s. XVII century until the 60s XIX century. Dr. sci. diss. Leningrad, 1985. (In Rus.)
13. Shamin, S.M. Formation of foreign policy ideas of Peter I and extracts from the chimes of 1690 – 1693. Russian history, no. 4, pp. 111–120, 2012. (In Rus.)
14. Romanova, G. N. The formation of Russian-Chinese trade relations (XVII–first third of the XVIII century). Customs policy of Russia in the Far East, no. 2, pp. 101–112, 2014. (In Rus.)
15. Klifford, F. The Great Trade Route from St. Petersburg to Beijing: the history of Russian-Chinese relations in the 18th – 19th centuries. M: Tsentrpoligraf, 2019. (In Rus.)
16. Kopelev, D. N. From Cape Golovnin to the land of Alexander I: Russian round-the-world expeditions in the first half of the 19th century. M: Politicheskayaentsiklopediya, 2021. (In Rus.)
17. Fowler, W. Jr, Empires at War: The French and Indian War and the Struggle for North America, 1754–1763. New York: Walker & Co., 2005. (In Eng.)
18. The House of Commons, 1690–1715. Edited by Eveline Cruickshanks. Cambridge: Cambridge univ. press for the History of Parliament trust, 2002. (In Eng.)
19. The House of Lords in the Age of George III. By Christopher Thorne. Chichester; Malden, M. A. Wiley-Blackwell for the Parliamentary History Yearbook Trust, 2009. (In Eng.)
20. The Politics of the British Army, 1642–1783. By I. J. Davidson. Cambridge: The University Press, 1933. (In Eng.)
21. Bolingbroke: Political Writings. Edited by David Armitage. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. (In Eng.)
22. Hanoverian Britain and Empire: Essays in Memory of Philip Lawson. Edited by Nigel Aston, Philip Lawson. The Boydell Press, Woodbridge, 1998. (In Eng.)
23. The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England. By Neil McKendrick. Bloomington: Indiana University Press, 1982. (In Eng.)
24. Politics and Empire in Victorian Britain: A Reader. Edited by Antoinette Burton. New York, Basingstoke: Palgrave, Palgrave, 2001. (In Eng.)
25. Efimov A. V. From the history of the great Russian geographical discoveries in the Arctic and Pacific oceans. XVII – first half of the XVIII century. M: Gos. izd-vogeogr., 1950. (In Rus.)
26. Al'perovich M. S. Russia and the New World (last third of the 18th century). M: Nauka, 1993. (In Rus.)

Information about the author

Petrov Aleksandr Yu., Doctor of History, Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IVI RAS); 32A Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russia; alaska13@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1688-4096>.

For citation

Petrov A. Yu. England and Russia: The Beginnings of the Struggle for the Pacific Colonies, 1700-1750 // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 142-149. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-142-149.

**Received: April 14, 2024; approved after reviewing May 22, 2024;
accepted for publication May 24, 2024.**

Научная статья

УДК 94(510.4); 94(574); 94(470)“16/18”

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-150-162

**Записка Парфения (Агеева) о присоединении к России Киргизской степи:
к истории христианизации среднеазиатских народов**

Ирина Юрьевна Смирнова

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

В контексте изучения истории православного присутствия России в Средней Азии и Западном Китае осуществляется анализ известного нарративного источника – записки схиигумена Парфения (Агеева 1806–1878 года) «Первые известия о русских в Кульдже» с точки зрения её объективности и соответствия историческим событиям второй половины XIX в., связанным с присоединением к Российской империи среднеазиатских территорий, таким как учреждение российских консульств в Кульдже и Чугучаке (1851), судьба русских факторий в период Дунганского восстания (1850–1860-е гг.), Кульджинский поход генерала Г. А. Колпаковского и присоединение Кульджинского края к Туркестанскому генерал-губернаторству (1871), первые этапы переговоров о возвращении его Китаю (1870-е гг.). Особое внимание уделено главному сюжету повествования Парфения – православной христианизации среднеазиатских народов, принявших российское подданство. Методологической базой служили методы исторической науки (хронологический, компаративный, контент-анализа и др.) с привлечением результатов исследований авторитетных историков и не введённых в научный оборот архивных документов из российских архивов в целях соблюдения принципов историзма и объективности. В процессе исследования, основанного на привязке сюжетов из текста схиигумена Парфения (Агеева) к конкретным событиям из истории приобретения Российской империей среднеазиатских владений, удалось реконструировать описанную Парфением картину, скорректировать допущенные автором недочёты. Как показали результаты анализа, представленная Парфением картина, несмотря на встречавшиеся в повествовании отступления от хронологических и географических рамок, в главных чертах соответствует реальным событиям и может служить свидетельством добровольной аккультурации населения присоединённых территорий. В этом отношении повествование о Парфения является ценным историческим источником, который следует учитывать при реконструкции процессов миграции, ассимиляции и христианизации народов Киргизской степи и Западного Китая.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, присоединение Средней Азии к России, Илийский край, Киргизская степь, Западный Китай, православное миссионерство, Парфений (Агеев)

Original article

**The Narrative of Parthenius (Ageev) on the Accession of the Kyrgyz Steppe to Russia:
from the History of Christianization of Central Asian Peoples**

Irina Yu. Smirnova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

In the context of studying the history of the Orthodox presence of Russia in Central Asia and Western China, we have analyzed the well-known narrative source – the note of schema-abbot Parthenius (Ageyev 1806–1878) “First news of the Russians in Ghulja” from the point of view of its objectivity and correspondence to the historical events of the 3rd quarter of the XIXth century, associated with the annexation of Central Asian territories to the Russian Empire, such as the establishment of Russian consulates in Kuldzha and Chuguchak (1851), the fate of Russian trading posts during the Dungan uprising (1850s – 1860s), the Kuldzha campaign of General G. A. Kolpakovsky and the annexation of the Kuldzha region to the Turkestan General Government (1871), the first stages of negotiations on its return to China (1870s). We pay particular attention to the main plot of Parthenius’s narrative – the Orthodox Christianization of the Central Asian peoples who accepted Russian citizenship. The methodological basis was the methods of historical science (chronological, comparative, content analysis, etc.) with the involvement of the results of research by authoritative historians and archival documents

from Russian archives that were not introduced into scientific circulation in order to comply with the principles of historicism and objectivity. In the process of research based on linking plots from the text of schema-abbot Parthenius (Ageev) to specific events from the history of the acquisition of Central Asian possessions by the Russian Empire, it was possible to reconstruct the picture described by Parthenius and correct the shortcomings made by the author. As the results of the analysis have shown, the picture presented by Parthenius, despite the deviations from the chronological and geographical framework, corresponds in the main to the real events and can serve as evidence of the voluntary acculturation of the population of the accession territories. In this respect, the Fr. Parthenius' narrative is a valuable historical source that should be taken into account when reconstructing the processes of migration, assimilation and Christianization of the peoples of the Kyrgyz steppe and Western China.

Keywords: Russian-Chinese relations, the accession of Central Asia to Russia, Ili region, Kyrgyz steppe, Western China, Orthodox missionary, Parthenius (Ageev)

Введение. Записка известного духовного писателя и миссионера иеросхимонаха Парфения (Агеева) «О русских в Кульдже и присоединении к России Киргизской степи», составленная им в 1875 г. как по собственным воспоминаниям, так и по сведениям, полученным от лиц, имевших отношение к «илийскому вопросу» [1], вошла в историографию по истории российско-китайско-среднеазиатских отношений второй трети XIX в. как нарративный источник, представляющий интерес с точки зрения реконструкции миграционных процессов населения Средней Азии и Западного Китая и его интеграции в социальную, экономическую и культурную жизнь России.

Обращение о. Парфения, известного прежде всего автобиографическими литературными трудами¹ и миссионерским служением среди старообрядцев², в последние годы жизни к истории Православия в Западном Китае и Средней Азии свидетельствует о ключевом значении данной проблематики в его судьбе. С ней связаны первые годы его пребывания в России при Томском архиерейском доме (1847–1854), переписка с Филаретом, митрополитом Московским, по вопросу направления Парфения в Кульджу в качестве иеромонаха-миссионера (1851–1852), поступление в Гефсиманский скит (август 1854 г.), в который он возвратился,

¹ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в 2 т. – Новоспасский монастырь, 2008. – 824 с.; Парфений (Агеев), монах. Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне). – М.: Индрик, 2009. – 255 с.

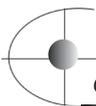
² Парфений (Агеев), монах. Письмо православного инока-священника, схимника, к старообрядцу в Молдавии, 1863; Парфений (Агеев), монах. Опровержение «Записки о русском расколе», написанное в Спасо-Преображенском Гуслицком монастыре Игуменом Парфением. – М.: Тип. Семена, 1864. – 168 с.; Парфений (Агеев), монах. Меч духовный на поражение раскольнической апологии. – М.: Тип. П. Глушкова, 1864. – 92 с. и др.

когда вышел на покой в 1872 г. после настоятельства в Николо-Берлюковской пустыне и Спасо-Преображенском Гуслицком монастыре. Благодаря о. Парфению состоялось знакомство синодальных и правительственных кругов с фактом присутствия в Кульдже потомков албазинских казаков, что в начале 50-х гг. XIX в. инициировало постановку вопроса о миссионерстве в Средней Азии и Западном Китае³. Между тем возникает вопрос, насколько соответствует повествование Парфения 1875 г. таким ключевым для истории российско-китайских отношений событиям, как процессы присоединения к Российской империи среднеазиатских владений в 1850–1870-х гг.

В данной статье впервые предпринимается попытка наложить повествование о. Парфения (Агеева) на историческую, хронологическую и географическую «сетку» в целях выявления степени объективности и исторической достоверности анализируемого текста.

Обзор литературы. История вхождения среднеазиатских владений в состав Российской империи и миграционных приграничных процессов имеет обширную историографию, посвященную как военно-политическим аспектам российско-китайских отношений, так и демографическим процессам и социокультурной интеграции народов Западного Китая в России. В трудах Н. А. Халфина и Б. П. Гуревича [2; 3], базирующихся на документах российских архивов, детально прослеживаются ключевые этапы процесса присоединения Средней Азии и Илийского края к Российской империи, что позволяет соотносить свидетельства о. Парфения о миграции населения Киргизской степи и

³ Парфений (Агеев), монах. Русские в Бухаре и в Китае. Рассказ мещанина П[орфирия] У[фимцева] иноку Парфению в Томске, в 1851 году // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. – М., 1859. – С. 339–347.

Илийского края с политическими реалиями в регионе. Политические отношения между империей Цин и Россией в контексте поднятого в конце 1850-х гг. пограничного вопроса нашли отражение и в работах иностранных авторов [4; 5], свидетельствующих о внимании к истории российско-китайских политических отношений, а также к проблематике присоединения к России Средней Азии в зарубежных научных кругах [6].

Исследования демографических процессов в Западном Китае, Киргизской степи, а впоследствии и в Туркестанском крае нашли отражение в исследованиях, базирующихся на документах китайских [7], казахских [8; 9] и других региональных архивов [10; 11]. Однако, несмотря на основательную фундированность этих научных трудов, вопросы, связанные с христианизацией присоединённых к России среднеазиатских народов, в них не рассматривались. Для настоящего исследования особенно полезными были исследования Д. В. Васильева и С. А. Асановой, в которых последовательно и, что особенно ценно, с учётом религиозного фактора прослеживаются процессы миграции из Китая на территории, подвластные России [12; 13].

Большое внимание в историографии уделено миссионерской проблематике как важному фактору внешней политики великих держав на Дальнем Востоке. Работе западных миссионеров посвящены труды иеромонаха Николая (Адоратского) [14] и советского востоковеда А. А. Мурадян [15]. История Русской духовной миссии в Пекине являлась предметом многолетнего исследования С. А. Шубиной [16]. К истории христианства в Китае неоднократно обращались западные учёные, в трудах которых нашла отражение не только история распространения христианства [17; 18], но и деятельность различных миссионерских обществ, относившихся к той или иной конфессии [19].

Однако остаётся ряд аспектов, не нашедших достаточного отражения в научной литературе. Это прежде всего относится к истории миссионерства в Западном Китае: так, если история конфессионального присутствия великих держав в Восточном Китае неоднократно оказывалась в фокусе внимания российских и зарубежных учёных, то история миссионерства в Синьцзяне, за исключением ряда работ [20; 21], остаётся вне внимания историков. В последнее

время наблюдается интерес исследователей к церковному аспекту русско-китайских отношений, нравственному состоянию населения в приграничных территориях [22], истории русского духовного и культурного присутствия в Западном Китае [23; 24]. На общем фоне выделяются своей фундированностью исследования С. И. Степановой о распространении православия в Туркестане и Синьцзяне [25]. При этом всё ещё недостаточно изучена история православных храмов Западного Китая и православной христианизации Туркестанского края на ранних этапах его вовлечения в политическую орбиту Российской империи. В этом отношении записка Парфения (Агеева) представляет особый интерес как один из первых нарративов, в котором сделана попытка осветить этот важный в геополитическом отношении процесс.

Методы исследования. Сложные миграционные процессы в Киргизской степи и Илийском крае, связанные с проникновением России в данный регион и нашедшие отражение в записке о Парфения, охватывают временной интервал в четверть века (1850–1875). Однако из-за отсутствия в авторском тексте чётких хронологических привязок идентификация событий в изложении о Парфения вызывает затруднения, поскольку не всегда возможно сопоставить описанные события с фактами политической истории российско-китайских отношений в пограничной зоне между Западным Китаем (совр. Синьцзян) и Россией. Не очевидно также, о каких именно миграционных процессах идёт речь, так как переселение из Китая в российские пределы осуществлялось в несколько этапов, в зависимости от военно-политической ситуации в Семиреченском регионе и Илийском крае. Поставленная в исследовании задача определила применение в исследовании методов синхронизации, сравнительного контент-анализа, хронологического метода, а также методов источниковедческого анализа, необходимых при работе с архивными документами.

Результаты исследования и их обсуждение. *«Русские» китайцы и официальный Петербург.* За исходную точку взята первая конкретная дата повествования, где упоминается о начале переписки с митрополитом Московским Филаретом. Письмо Парфения от 13 августа 1851 г.¹, в котором

¹ ОР РГБ. – Ф. 316/2. – К. 4. – Ед. хр. 31.

он приводит рассказ купца Г. А. Уфимцева о потомках русских казаков и выражает готовность отправиться миссионером в Кульджу, вызвало живой отклик святителя. В письме от 10 июля 1852 г. он сообщил полученные сведения обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову с предложением «о командировании в Кульджу присоединившегося из раскола к православию Парфения для исправления служб у тамошних русских военнопленных»¹; обер-прокурор в свою очередь довел информацию до сведения императора Николая I.

В соответствии с резолюцией императора, что это *святое дело* «требует большой осторожности»², в Синод поступило заключение вице-канцлера графа К. В. Нессельроде, в котором проект Парфения и Филарета об отправлении православных миссионеров как в Западный Китай, так и в среднеазиатские владения (в данном случае в Ташкент и Коканд) был фактически отвергнут³. По мнению МИД, миссионерство в Западном Китае «представило бы для нас немалые затруднения и даже, при неосторожном действии, могло бы навлечь разные неприятности»⁴. Таким образом, подтвердились опасения митрополита Московского, что МИД усмотрит в предложении о миссионерстве «политическую опасность», а Св. Синод не решится на какие-либо действия без его одобрения⁵.

Парфений, однако, был убеждён, что доведение до сведения императора информации о «русских китайцах» в Кульдже инициировало решение Государственного Совета об отправлении «несколько сот казаков в Киргизскую степь» [1, с. 14]. Однако командирование отряда казаков в Киргизскую степь не было связано с известием о китайцах-христианах: у правительства были иные и весьма весомые причины для отправления казаков, связанные с заинтересованностью России в развитии русско-китайской торговли на западном направлении,

чему способствовало подписание 25 июля 1851 г. Кульджинского трактата.

Кульджийский трактат не только играл существенную роль в расширении экономических связей между Россией и Синьцзяном, «одном из узловых пунктов мировой истории» [28, с. 214], но был важен и в политическом отношении. В качестве следующего шага после подписания трактата был поднят вопрос о «неотложной необходимости прочного занятия Заилийского края» [2, с. 42].

Барон Врангель, командированный в феврале 1852 г. в Синьцзян для устройства российских факторий и консульств в Кульдже и Чугучаке, в донесениях в Азиатский департамент МИД от 11 и 24 ноября 1852 г. привёл ряд аргументов, подчёркивавших необходимость укрепления пограничных с Китаем среднеазиатских владений.

В качестве необходимой меры для восстановления порядка среди русскоподданных киргизов, обеспечения караванных путей и усиления российского влияния на Большую Орду Врангель считал целесообразным занять левый берег р. Или. Подразумевалось также воспрепятствовать строительству китайской крепости на левом берегу р. Или, которое позволило бы китайскому правительству выстроить общую пикетную линию от Кульджи до Аксу, что могло помешать развитию торговых отношений России с Кашгаром⁶. Следующим шагом должно было стать назначение там, «как в центре Орды», пристава, в распоряжение которого предполагалось предоставить отряд казаков «при пехоте и артиллерии»⁷. Именно прогнозы барона Врангеля, а отнюдь не обращение митрополита Филарета к императору, инициировали проект создания новых «промежуточных» станиц вблизи китайской границы для обеспечения безопасности торговых путей.

Инструкции вице-канцлера графа К. В. Нессельроде, адресованные генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфордту о занятии левого берега р. Или, составленные в декабре 1852 г., полностью соответствовали предложениям барона Врангеля. Отмеченные им проблемы убедили российское правительство в необходимости устройства нового казацкого поселения на тракте, связывающем Копал и Кульджу. **8 февраля 1854 г.** было издано Высочай-

¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. – СПб.: Синодальная тип., 1885. – Т. 3. – С. 469–472.

² ОР РГБ. – Ф. 302. – К. 2. – Ед. хр. 15. – Л. 2 об.

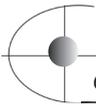
³ Там же. – Л. 3–5.

⁴ Там же. – Л. 3 об.

⁵ Письмо от 8 января 1852 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. – СТСЛ. – 2007. – Т. 2. – С. 191.

⁶ АВПРИ. – Ф. СПб ГА IV-2. – Оп. 119. – Д. 4. – Л. 175–176; 181–181 об., 183.

⁷ Там же. – Л. 182 об.

шее повеление о заселении Семиречья и Заилийского края казаками и государственными крестьянами из Томской и Тобольской губерний с зачислением последних в казаки.

Основание нового поселения. Выдвижение в Киргизскую степь нескольких сот казаков, чему был свидетелем о. Парфений, он относит к весне 1852 г. (т. е. задолго до начала переписки Филарета Московского с обер-прокурором Св. Синода) [1, с. 15]. Описанные в записке события 1852–1853 гг. – встречу казаков с «ханами и старейшинами», просившими принять их в российское подданство, выбор удобного места для будущего города, – Парфений соотносит с основанием нового поселения, ошибочно называя его, ссылаясь на торговавших в Киргизской степи русских купцов, Копалом [Там же, с. 16]. Однако Копальское укрепление основано в 1847 г., после того как родоначальники главных пяти племён Большой, или Юсуповской, Орды приняли присягу на верноподданство России и по согласованию с начальством Большой Орды за границу владений, на которые распространялось влияние пристава при русскоподданных киргизах Большой Орды, была принята река Или [2, с. 41]. Укрепление стало местом пребывания пристава Большой Орды со стороны России¹ и служило связующим звеном между российским консульством и факторией в Кульдже и российскими владениями в Киргизской степи.

В тексте Парфения, по всей видимости, идёт речь о так называемом Заилийском военном укреплении, основанном согласно высочайшему указу 4 февраля 1854 г. и позже переименованном в Верненское, получившее в 1856 г. статус города Верное. Тот факт, что устройство нового военного поселения Верное и занятие долины р. Или было связано в первую очередь с целью обеспечения безопасности российских границ, в соответствии с проектом барона Врангеля, подтверждает и историк Д. В. Васильев, относя необходимость «укрепления позиций в регионе и формирования единой пограничной линии от Сырдарьи до р. Чу» к вынужденной мере, вызванной межклановыми и антиправительственными беспорядками в Киргизской степи. «Во исполнение этого решения в 1854 г. было заложено укрепление Верное и занята долина р. Или» [12, с. 118–119].

¹ АВПРИ. – Ф. 252. – Оп. 889. – Ед. хр. 26. – Л. 1.

В тексте о. Парфения приводится описание процесса заселения новой станицы и добровольной ассимиляции переселенцев из Синьцзяна, где автор ставит акцент на их последующей христианизации. Однако процесс интеграции этноконфессионального населения Илийского края и Киргизской степи в российское общество продолжался на протяжении нескольких десятилетий (1850–1870-е гг.). О «размытости» описываемого хронологического периода свидетельствует, в частности, приведённый автором записки факт, что «вся Киргизская степь разделена на шесть областей и двести волостей», который в действительности относится к реформам барона фон Кауфмана 1860-х гг.

При этом сообщение Парфения о прибытии в Томск весной 1853 г. посланца от начальника казачьей станицы с просьбой к архиерею об отправлении православного клира со всем необходимым для устройства церкви с большой долей вероятности можно отнести к устройению первой православной церкви в Семиречье, вероятно, в Аргузе (с 1860 г. – Сергиополь), так как другие поселения были основаны позже: Верненское – в 1854 г., Борохудзир – в 1864 г. Строительство Софийской церкви в Верном относят к 1858 г. [27]. Впоследствии в ряде поселений были устроены церкви, но их строительство осуществлялось в 70-х гг. после учреждения Туркестанской епархии.

Вопрос о миссионерстве. Ещё одна неточность, допущенная Парфением, связана со временем учреждения российских консульств в Кульдже и Чугучаке, которое он относит к послекрымскому периоду, в то время как решение об основании консульств было принято в 1851 г., а открыты они весной 1852 г. с прибытием консулов И. И. Захарова и А. А. Татаринова². Помимо чисто торговых интересов, учреждение дипломатических постов в Западном Китае имело важное политическое значение, послужив существенным этапом российской политики, ориентированной с середины XIX столетия на стабилизацию обстановки в областях, пограничных с Киргизской степью [2, с. 45].

О. Парфений справедливо относит устройство домовых церквей при консульстве и назначение к ним священников к послевоенному времени. Однако в реальности дело обстояло сложнее, прежде всего, из-за

² АВПРИ. – Ф. 252. – Оп. 889. – Ед. хр. 3. – Л. 16–16 об.

отношения Министерства иностранных дел к «церковному вопросу» в Западном Китае и на присоединённых к России среднеазиатских территориях.

Из переписки МИД и Св. Синода во второй половине 1852 г. по вопросу о командировании в Кульджу священника-миссионера видно нежелание министерства форсировать устройство церквей при консульствах. Из опасений «навlech на себя лишние подозрения местных китайских властей» министерство оставляло это дело на усмотрение русских купцов, которым не воспрещалось устраивать церковь на территории факторий «при некотором, может быть, пособии со стороны правительства»¹.

Неутешительным был и вердикт в отношении направления священника-миссионера в Ташкент и Коканд. Понимая под православными в этих городах прежде всего беглых казаков, руководство МИД не считало целесообразным «заботиться о сих людях и доставлять им утешения веры», находя, что это может послужить к «поощрению подобных побегов»².

Об отношении МИД к православной миссии в среднеазиатском регионе свидетельствует, в частности, его переписка с Военным министерством по вопросу командирования в 1858 г. священника с дипломатической миссией под руководством Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару³. В военном ведомстве вопрос о необходимости включения священника в состав миссии не обсуждался как дело само собой разумеющееся. С учётом того, что миссии предстояло находиться «в магометанской земле», а конвой состоял из «уральских казаков-раскольников», министерство настаивало на строгом отборе подходящего духовного лица, к которому, в силу специфики посольства, предъявлялись особые требования: «быть кротким, осмотрительным и незлобивым, уметь исполнять неуклонно свои обязанности втайне, без огласки, могущей возбудить озлобление» и т. д.⁴

Однако Министерство иностранных дел не посчитало возможным включить священника в состав миссии, пребывание которой в Хиве и Бухаре могло оказаться продолжительным. В МИД согласились лишь на то, чтобы был отправлен священник для смены капеллана при флотилии на Аральском

море, и ограничили его пребывание в миссии переходом из Оренбурга через степь до Аральского моря⁵.

Позиция правительства в отношении устройства православных церквей в Китае долгое время оставалась неизменной и в дальнейшем. В частности, когда в 1865 г. решался вопрос об основании Миссионерского общества для «распространения христианства между инородцами-нехристианами и язычниками, населяющими империю и пограничные к нам места», со стороны Министерства внутренних дел была сделана особая оговорка, что до принятия решений об отправлении миссионеров в Среднюю Азию Совет Общества должен обратиться к начальству пограничных областей, чтобы убедиться, что деятельность миссий «не породит каких-либо запутанностей или беспорядков внутри подвластных нам нехристианских населений»⁶.

С точки зрения руководства МИД, распространение православия в Китае могло вызвать антироссийские протесты со стороны китайских властей, буддистского и мусульманского духовенства и местных жителей, и потому ответственность за устройство церкви перекладывалась на купеческий и казачий контингент⁷.

Несмотря на то, что при планировании фактории в Кульдже на общем плане было указано место будущего православного храма [26, с. 216], церковь построена, по всей вероятности, в середине 1850-х гг. Но уже в 1860 г. в церкви при консульстве в Кульдже священника не имелось⁸. Церковь при консульстве в Чугучаке была «совершенно отстроена» только в 1862 г.⁹ В середине 1860-х гг. обе церкви разделили судьбу консульств и факторий в связи с Дунганским восстанием.

Дунганское восстание и судьба российских консульств в 1860-е гг. Согласно тексту Парфения, «вскоре на эту китайскую страну напали кашгарцы-магометане, ...разрушили самые города Кульджу и Чебучак и уничтожили в них консульства и церкви» [1, с. 16]. Речь идёт о событиях 1860-х гг., когда в результате Дунганского восстания, одного из самых жестоких конфликтов, унесших жизни

⁵ Там же. – Л. 106–106 об.

⁶ АВПРИ. – Ф. 144. 1865. – Оп. 488. – Ед. хр. 3028. – Л. 2.

⁷ Там же. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 574. – Л. 6.

⁸ Там же. – Ф. 252. – Оп. 889. – Ед. хр. 26. – Л. 109.

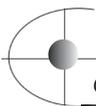
⁹ Там же. – Ф. 161. IV-34. – Оп. 145. – Д. 1. – Л. 1–3.

¹ ОР РГБ. – Ф. 302. – К. 2. – Ед. хр. 15. – Л. 3 об. – 4.

² Там же. – Л. 4–5.

³ ГАРФ. – Ф. 730. – Оп. 1. – Ед. хр. 326.

⁴ Там же. – Л. 105–105 об.

от 8 до 15 миллионов человек, в 1865 г. были разрушены и разграблены российские фактории в Кульдже и Чугучаке. Консул в Кульдже К. И. Павлинов был вынужден выехать в Копал, но позже прибыл в Верное, откуда удобнее было наблюдать за ходом событий в Китае. Несмотря на призывы к консулу со стороны Илийских властей возвратиться в Кульджу в сопровождении конвойного отряда, российское правительство, занявшее позицию «строго держаться принципа невмешательства»¹, не находило это возможным, усматривая в настойчивости китайцев попытки втянуть Россию в конфликт.

Если в конце 1860-х гг. в МИД ещё не оставили надежд на восстановление консульств², то в 1874 г. было принято решение об упразднении обоих консульств, так как «при настоящих смутах в Монголии содержание в сей стране наших консулов оказывается невозможным» (при возможном их восстановлении впоследствии или учреждении новых консульств «в тех местах Монголии и Дзюнгарии, где присутствие наших агентов окажется наиболее целесообразным»³).

Процессы миграции в Россию. Восстание дунган и противодействие ему китайского правительства вызвало волну переселения населения Синьцзяна на территорию России. О переходе в российские владения некоего жителя Западного Китая «как китайского, так и туркестанского происхождения» предупреждал военный министр Милютин в записке от 19 декабря 1864 г., высказывая мнение о заинтересованности России в «водворении их в наших незаселённых местностях» ввиду их трудолюбия, миролюбия, способности к земледелию и ремеслам [2, с. 182].

Консул Павлинов, вынужденный в связи с беспорядками в Илийском крае перебраться в Омск «до решения наших дел с маньчжурами», выражал готовность «поспешить через месяц-два на границу для наблюдения дальнейших действий дунган и для оказания гостеприимства маньчжурам, ищущим убежища в наших пределах»⁴.

В 1865–1867 гг. был проведён ряд административных реформ: в начале 1865 г.

¹ АВПРИ. – Ф. 161. IV-2. – Оп. 119. – Д. 13. – Л. 27.

² Там же. – Ф. 161. IV-34. – Оп. 145. – Д. 1. – Л. 45–45 об.

³ Там же. – Л. 108.

⁴ Там же. – Ф. 161. IV-2. – Оп. 119. – Д. 13. 1865. – Л. 27–28 об.

в составе Оренбургского генерал-губернаторства образована Туркестанская область, позже в него вошла Сырдарьинская область [12, с. 121, 141]. 11 июля 1867 г. издан высочайший указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства [Там же, с. 143] в составе двух областей, Сырдарьинской и Семиреченской.

В связи с тем, что Кульджа и Чугучак оказались вблизи границы вновь образованной Семиреченской области, на её территории оказалось много переселенцев из Китая. В связи с такими характерными для населения Илийского края чертами, как мультинациональность и этнорелигиозность, выявление национальной принадлежности представителей различных племён, претендовавших на подданство Российской империи, требует отдельного исследования и связано с большими трудностями: если Парфений в своём повествовании называет их «китайцами», имея в виду их прежнее, до переселения в Россию, китайское подданство, то в административной корреспонденции 1860–1870-х гг. о них писали, как правило, как о «киргизах», не выделяя их принадлежности той или иной этнической группе.

Генерал-губернатор Туркестанской губернии К. П. Кауфман характеризовал население новых подданных России как «смешанное и часто неопределимое по этнографическим признакам» [Там же, с. 279]. Были приняты меры, регулирующие интеграцию новых подданных, которые связывают непосредственно с необходимостью «решения вопроса обустройства беженцев», в том числе посредством «обращения их в российское подданство и православие» [13, с. 38]. И хотя у российских властей возникали сомнения в их искренней готовности вступить в подданство Российской империи [22], требования к чиновникам, ответственным за принятие в Россию новых подданных, включали такие пункты, как соблюдение и защита их прав, справедливое осуществление местного судопроизводства, попечение об их «нравственных и материальных нуждах» и др. [12, с. 123].

В работе Д. В. Васильева и С. А. Асановой сделана попытка идентифицировать национальную принадлежность переселенцев, принявших российское подданство в первую волну миграции в связи с началом Дунганского восстания. К ним относят главным образом оседлых калмыков, в 1865 г. по-

селившихся в окрестностях г. Верного; другие беженцы направились в сторону ст. Лепсинской. Число эмигрировавших на протяжении 1865–1867 гг. в Копальский уезд беженцев составило «более 3 000 чел., около половины из которых были оседлыми», что привело к образованию большой колонии вблизи Копала. Численность кочевых калмыков, разместившихся в Верненском уезде, составляла до 8000 человек [13, с. 39].

В октябре 1867 г. в российское подданство было принято более 280 семейств китайских эмигрантов [29, с. 205]. Однако вскоре из-за задержек в исполнении указаний барона фон Кауфмана¹ часть киргизов, не дождавшись принятия их в русское подданство, отправились обратно в Кульджу². Допуская вероятность возвращения в Китай и других киргизских племён, вице-консул Виргилин предупреждал, что если Россия не воспользуется желанием киргизов присоединиться к империи и не поспешит с принятием их в подданство, то со временем вблизи российской границы могут появиться «хотя и не опасные, но всё-таки неприятные соседи, которые могут неблагоприятно влиять на наших киргизов»³.

В целях предупреждения перекочевков киргиз в Китай и вторжения в российские пределы вооружённых китайцев или дунган военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Г. А. Колпаковский распорядился снять отряд казаков, стоявший на р. Хатын-Су, оставив для наблюдения за границей и охраны торговых караванов «казачий пост под командой офицера из одного урядника и 15-ти казаков»⁴. О любых сведениях «тревожного характера», требующих срочных мер «для сохранения нашего достоинства на пограничном пространстве и для наказания нарушителей международного права», вице-консулу поручалось сообщать начальнику Урджарского отряда, в обязанности которого входило «действовать энергично и безотлагательно, сообразно с обстоятельствами»⁵.

Деятельность Русской церкви в Семиречье (1867–1870-е гг.). В связи с притоком населения Семиречья на повестке дня оказались вопросы его ассимиляции и аккультурации, решение которых военный гу-

бернатор Семиречья Колпаковский находил «возможным только под влиянием русского просвещения и веры», призывая «построить для иммигрантов церковь и школу и учредить при них должности священника-миссионера и учителя» [13].

В 1868 г. в Копальском и Верненском уездах епископ Тобольский Алексей принял в православие принявших российское подданство китайских эмигрантов. По данным И. В. Волкова, в одном только Копальском уезде в течение 1868–1872 гг. было крещено 721 человек, к которым «был направлен священник-миссионер для окормления, строительства церкви и открытия школы». В 1868 г. при Софийской церкви в г. Верном при участии консула в Кульдже Павлинова учреждено Семиреченское церковное братство, при котором с 1874 г. действовали школа и приют на 10 человек [29, с. 205].

Для более эффективного управления туркестанскими приходами высочайшим указом от 4 мая 1871 г. была учреждена Ташкентская и Туркестанская епархия с кафедрой в г. Верный, которую возглавил архиепископ Софония (Сокольский), управлявший епархией в 1872–1876 гг. В начале 1870-х гг. процесс христианизации распространился на города Бахты, Уржар, Кульджу, чему содействовали фон Кауфман и Колпаковский. В январе 1872 г. состоялось освящение православной церкви в Кульдже во имя святого пророка Илии, в то время приписанной к Томской епархии [27].

Надо полагать, именно к периоду конца 1860-х – начала 1870-х гг. относятся сведения о. Парфения о массовом принятии православия выходцами из Западного Китая⁶, хотя в тексте записки этот сюжет предшествует событиям Крымской войны. При этом слова о. Парфения о построении церквей «во всяком выселке» представляются преувеличенными: церквями, как правило, служили здания барачных, как в Борохудзире, а позже и в Джанкенте. В ряде случаев богослужения совершались в походной, войсковой или временной церкви. Так, например, в Кульдже первое богослужение было совершено 9–10 августа 1871 г. во временной церкви, для которой (а также для расположенного рядом госпиталя) «был куплен и переделан дом, принадлежавший одному из

¹ АВПРИ. – Ф. 348. – Оп. 887. – Ед. хр. 2. – Л. 2.

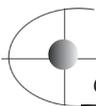
² Там же. – Л. 11.

³ Там же. – Л. 11 об.

⁴ Там же. – Л. 15.

⁵ Там же. – Л. 15–15 об.

⁶ «Все албазинцы из Кульджи крестились, надели русскую одежду и ходят по-русски... вообще сделались совершенно русскими и истинными христианами» [1, с. 16].

богатых и влиятельных родственников бывшего султана» [25]. Ни в Копале, ни в Джаркенте церкви не было построено до начала 1890-х гг., тем более их не было «во всяком выселке», которые возникали по мере основания первых казачьих станиц вдоль горного караванного пути в процессе освоения казаками Семиречья.

Присоединение к России Кульджинского ханства и его последствия. Истории взятия Кульджи и Чугучака, присоединения к России Кульджинского ханства и последующих переговоров о возвращении его Китаю, охватывающей 1871–1875 гг., в повествовании Парфения уделено всего несколько строк – центральным сюжетом для него по-прежнему оставался процесс миграции и воцерковления новых российских подданных. Вне фокуса его внимания остались такие сюжеты, как развитие политических взаимоотношений Китая и России, причины занятия Кульджинской области, полемика генералов фон Кауфмана и Колпаковского, настаивавших на военных действиях как превентивных мерах пресечения рисков российским территориям и подданным со стороны мятежников, с официальным Петербургом, продолжавшим придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела Китая.

Между тем события в Западном Китае и на российско-китайской границе послужили триггером к очередной волне массовой миграции населения из западных областей Китая. Грабительские набеги илийских уйгуров на российские пограничные посты и аулы в конце концов не оставили сомнений в необходимости взятия Кульджи и присоединения Кульджинского ханства к России [30, с. 65]. Одной из решающих причин военного похода 1871 г. стало осознание невозможности «допустить между собой и Китаем существование независимого разбойничьего государства» [31, с. 668]. Для «установления спокойствия на границе» в качестве оптимальной меры было принято решение образовать «из Кульджинского ханства особое владение» в вассальной зависимости от России [30, с. 65]. Итогом военной экспедиции под руководством Колпаковского стало взятие Кульджи (22 июня 1871 г.) и присоединение к России так называемого «Кульджинского района», представлявшего собой пятую часть Илийского края.

Полемика о судьбе Илийского края. Временный характер занятия Илийского

края с последующим выводом российских войск оговаривался ещё в 1871 г. в высочайшем указании цели операции: «оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях империи» [32, с. 154]. Тогда же населению, оказавшемуся под юрисдикцией России, были даны обещания о невозвращении оккупированных территорий Китаю [33, с. 47].

К концу 1872 г. от плана правительства по возврату края Китаю готовы были отказаться в связи с возникшей напряжённостью в отношениях с Китаем. Условием для возврата территорий с российской стороны называлось занятие Китаем областей, находившихся между Китаем и Кульджинским районом, так как не исключались пограничные конфликты как на востоке со стороны Урумчи по окончании войны Якуб-бека с дунганцами, так и с независимыми племенами на севере Западного Китая¹.

В повествовании о Парфения нашло отражение состояние вопроса о передаче Илийской области Китаю на конец 1875 г. после предупреждения о предстоящих переменах и обещания предоставить населению возможность выехать в Россию [1, с. 16]. В записке с литературным мастерством и не вызывающими сомнения деталями переданы настроения жителей Кульджинского края задолго до официального возвращения его Китаю. Парфений выделяет такие события, как добровольное вступление в российское подданство, массовое принятие крещения и церковных таинств, сознательная ориентация на интеграцию в российскую среду.

Ценность записки Парфения заключается в том, что в ней, задолго до официального уведомления, отмечены первые сигналы тревоги пришлого населения Туркестана, среди которых были участники Дунганского восстания, по поводу возможного возвращения под власть китайского правительства. Этим отчасти подтверждается тот факт, что вопрос о дальнейшей судьбе занятой территории Западного Китая прорабатывался на протяжении 1870-х гг. Сообщения Парфения о настроениях в среде выходцев из Китая, принявших российское подданство², согласуются с воспоминаниями военного врача И. Зарубина, с лета 1877 г. находившегося в

¹ АВПРИ. – Ф. 161. – Оп. 71. 1872. – Ед. хр. 1. – Л. 1–1 об.

² «...Они не только вполне верноподданные России, но и положительно боятся, как бы она не отказалась от них и не возвратила Китаю» [1, с. 20].

Кульдже, где располагалась штаб-квартира 10-го линейного батальона Туркестанского округа [31, с. 670].

Вопрос о возврате Илийского края актуализировался после кончины Якуб-бека осенью 1877 г., когда китайцы, пользуясь слабостью и бесхарактерностью его сына и преемника, заняли без боя захваченные повстанцами города Кашгарии, а в начале 1878 г. и Кашгар [Там же, с. 669].

В предисловии к повествованию о. Парфения протоиерей Д. Ф. Косицын привёл выдержку из Московских ведомостей (1878 г., № 59) о реакции жителей Кульджинского края на «слухи» о его возвращении Китаю¹. Несмотря на уверения, опубликованные «для успокоения масс», что известия о возвращении Илийского края Китаю являются *базарными сведениями* [1, с. 6], полтора года спустя был подписан Ливадийский (20 сентября 1879 г.), а затем и Петербургский договор (12 февраля 1881 г.) о возвращении Кульджинского края Китаю. Незадолго до ратификации договора (7 августа 1881 г.) эксперты МИД настаивали на том, чтобы не спешить с ратификацией до чёткого согласования условий, опасаясь несоблюдения китайской стороной взятых обязательств².

Помимо уточнения границ и детально прописанных правил российско-китайской торговли, в договоре учитывались интересы жителей Илийского края, пожелавших остаться в России и принять российское подданство: для их размещения за Россией оставалась западная часть Илийского края (ст. 7). Число такого населения составило от 70 тысяч до 100 с лишним тысяч человек [4].

Вскоре после ратификации Петербургского договора были вновь открыты консульства в Кульдже и Чугучаке, оговаривалась возможность открытия консульств и в других городах Западного Китая и Монголии³. В инструкции консулам в Кульдже и Чугучаке предусматривалась защита прав российских подданных, оказавшихся на возвращённых Китаю территориях⁴.

В связи с предстоявшим выводом российских войск из Кульджи и переселением

русского населения в Джаркент настоятель кульджинского прихода обратился к генералу Колпаковскому с просьбой рассмотреть вопрос о переводе причта в Джаркент в связи с небезопасным пребыванием в Кульдже из-за «большого скопления китайского войска, склонного ко всякого рода беспорядкам» [25]. Его ходатайство было удовлетворено, а в русский приход в Кульдже, по просьбе консульства, раз в год во время великого поста командировался священник из Джаркента⁵, которому предписывалось «выполнять требы в войсках всего Джаркентского района, то есть по всей границе с Китаем по обеим берегам р. Или» [Там же].

Домовая церковь при российском консульстве в Кульдже, разрушенная в 1860-е гг., была устроена лишь в 1915 г. Эта походная церковь, освящённая во имя святителя Николая, размещалась в бараках конвоя при консульстве, «тогда как рядом высились великолепные мечети и китайские кумирни» [Там же]. В 1938 г. в Кульдже был выстроен постоянный храм, разрушенный в годы «культурной революции» [27]. Согласно сведениям М. В. Монгуш, храм в Кульдже был восстановлен в 1992 г. на средства китайских властей; его освящение было совершено в апреле 2003 г. прибывшим из Казахстана игуменом Вианором (Ивановым) [34].

Заключение. Проведённое исследование, цель которого заключалась в критическом анализе записки Парфения (Агеева) как нарративного источника, основанного как на личных воспоминаниях, так и на повествованиях его современников, имевших отношение к «илийскому вопросу», показывает, что, несмотря на встречающуюся хронологическую непоследовательность, географические неточности и недочёты, вызванные субъективными причинами, повествование о. Парфения представляет безусловный интерес как исторический источник, свидетельствующий о процессах миграции и ассимиляции как кочевых, так и осёдлых племён Киргизской степи и Западного Китая.

Процессы христианизации населения Туркестана во второй половине XIX в., когда, несмотря на традиционную гиперосторожность МИД и политическую нестабильность в регионе, в Туркестане и Илийском крае, в 1871–1882 гг. входившем в состав

¹ «...Все население поголовно, как один человек, проникнуто тупым ужасом и возбуждением» [1, с. 5–6].

² ГАРФ. – Ф. 730. – Оп. 1. – Ед. хр. 433. – Л. 106.

³ Консульский патент для консула в Чугучаке Балкашева был выписан 30 апреля 1882 г. // АВПРИ. – Ф. 161. IV-2. – Оп. 119. 1879–1880. – Ед. хр. 2. – Л. 56.

⁴ Там же. – Л. 57, 59–59 об.

⁵ АВПРИ. – Ф. Китайский стол. – Оп. 491. – Ед. хр. 463. – Л. 4–4 об.

Российской империи, были устроены православные храмы, часовни, моленные дома, вполне коррелируются с событиями и фактами из повседневной жизни подданных Российской империи на присоединённых к ней среднеазиатских территориях, изложенными в записке о. Парфения, подтверждающих историческую достоверность. В этом отношении нельзя не согласиться с публикатором текста о. Парфения прот. Д. Ф. Косицыным, полагавшим, что «главный факт рассказа остаётся вне всякого сомнения и

самый рассказ является в высокой степени любопытную страницей в ряду повествований о многообразных приобретениях нашего отечества» [1, с. 6].

Рассмотренные сюжеты из церковной истории Туркестана и Синьцзяна позволяют говорить о том, что, несмотря на политические и религиозные катаклизмы, проект инок Парфения и Филарета Московского в конечном счёте был реализован, хотя далеко не в той степени, как того можно было ожидать.

Список литературы

1. Парфений (Агеев), инок. Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: рукопись инок Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. № 9. С. 5–21.
2. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 272 с.
3. Гуревич Б. П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1982. С. 423–459.
4. Huges E. R. The Invasion of China by the Western World. N. Y.: Macmillan & Co., 1968. 318 p.
5. Scott D. China and the International System, 1840–1949: Power, Presence, and Perceptions in a Century of Humiliation. N. Y.: New York Press, 2008. P. 104–112.
6. Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. N. Y.: Routledge, 2006. 287 p.
7. Шиханов Н. А. Политика правительства империи Цин по расселению калмыков-торгутов в Китае в конце XVIII в. // Клио. 2021. № 6. С. 90–94.
8. Баранова Ю. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881–1883 гг. // Труды сектора востоковедения Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 33–52.
9. Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 242 с.
10. Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М.: Ин-т рос. истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 244 с.
11. Тумайкина В. В. Вопрос о китайских эмигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 214–218.
12. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015. 303 с.
13. Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2023. Т. 22, № 1. С. 34–46. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.
14. Николай (Адоратский), иеромонах. Положение миссионерства в Китае // Православный собеседник. 1895. № 5. С. 68–96.
15. Мурадян А. А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М.: Наука, 1971. 88 с.
16. Шубина С. А. Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX вв.) // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 189–193.
17. Whyte R. Unfinished Encounter: China and Christianity. London: Morehouse, 1988. 537 p.
18. Charbonnier J. Histoire des Chrétiens de Chine. Paris: Desclée, 1992. 426 p.
19. Madsen R. China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society. Los Angeles, London: University of California Press, 1998. 183 p.
20. Uhalley S. Jr. China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future. N. Y., 2015. 499 p.
21. Nightingale P., Skrine C. P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London: Routledge, 2013. 304 p.
22. Бижигитова К. С. Религиозно-нравственное состояние Сибирских и Семиреченских казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2013. № 2. С. 16–20.
23. Монгуш М. В. Русское культурное наследие за рубежом (на примере Японии и Китая). Текст: электронный // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-kulturnoe-nasledie-za-rubezhom-na-primere-yaponii-i-kitaya/viewer> (дата обращения: 05.03.2024).

24. Комиссарова Е. Н. Проблемы изучения памятников культуры русской эмиграции в провинции Синьцзян в Западном Китае // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья* / отв. ред. О. Л. Лейкинд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 422–436.
25. Степанова С. И. Пророко-Ильинская церковь в городе Кульдже. 2021. URL: <https://starinariy.kz/library/category/21/document/32> (дата обращения: 04.03.2024). Текст: электронный.
26. Бухарин М. Д. Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // *Новая и новейшая история*. 2021. № 1. С. 214–222. DOI: 10.31857/S013038640013389-5.
27. Лухтанов А. Г. Город Верный и Семиреченская область. Изд. 3-е, доп. и перераб. Алматы: [б. и.], 2014. 380 с.
28. Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2019. 590 с.
29. Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2009. № 4. С. 203–206.
30. Асанова С. А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25, № 5. С. 64–76. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.5.6.
31. Зарубин И. По горам и степям Средней Азии // *Русский вестник*. 1879. № 12. С. 658–674.
32. Прохоров А. А. К вопросу о советско-китайской границе. М.: *Международные отношения*, 1975. 288 с.
33. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1913. 224 с.
34. Монгуш М. В. Русское культурное наследие в Синьцзяне. Текст: электронный // *Журнал Института наследия*. 2016. № 2. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/76.html> (дата обращения: 05.03.2024).

Информация об авторе

Смирнова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>.

Для цитирования

Смирнова И. Ю. Записка Парфения (Агеева) о присоединении к России Киргизской степи: к истории христианизации среднеазиатских народов // *Гуманитарный вектор*. 2024. Т. 19, № 2. С. 150–162. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-150-162.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

References

1. Parfeniy (Ageev), enoch. The first news of the Russians in Gulja and the annexation of the Kyrgyz steppe to Russia: The manuscript of the monk Parthenius, reported by D. F. Kositsyn. *Russian Herald*, no. 9, pp. 5–21, 1878. (In Rus.)
2. Khalfin, N. A. *Russian policy in Central Asia (1857–1868)*. M: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. (In Rus.)
3. Gurevich, B. P. The history of the "Ili Question" and its Chinese falsifiers. Ed. by Tikhvinskiy, S. L. *Against falsification of the history of Russian-Chinese relations*. M: Mysl', 1982: 423–459. (In Rus.)
4. Huges, E. R. *The Invasion of China by the Western World*. N. Y: Macmillan & Co., 1968. (In Eng.)
5. Scott, D. *China and the International System, 1840–1949: Power, Presence, and Perceptions in a Century of Humiliation*. SUNY Press, 2008. (In Eng.)
6. Marshall, A. *The Russian General Staff and Asia, 1860-1917*. Routledge, 2006. (In Eng.)
7. Shikhanov, N. A. The policy of the government of the Qing Empire on the settlement of Kalmyk-Torguts in China at the end of the 18th century. *Klio*, no. 6, pp. 90–94, 2021. (In Rus.)
8. Baranova, Yu. On the issue of resettlement of the Muslim population from the Ili region to Semirechye in 1881–1883. In *Proceedings of the sector of eastern leadership of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*. Vol.1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1959: 33–52. (In Rus.)
9. Bekmakhanova, N. E. *Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century – 1917)*. M: Izdatel'stvo "Nauka", 1986. (In Rus.)
10. Bekmakhanova, N. E. The accession of Central Asia to the Russian Empire in the 18th–19th centuries. M: Institut rossiiskoi istorii RAN; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. (In Rus.)
11. Tumaikina, V. V. The question of Chinese emigrants who came to the territory of Semirechye in the second half of the 19th century. *Izvestiya of Altai State University*, no. 4–5, pp. 214–218, 2008. (In Rus.)

12. Vasil'ev, D. V. *Outpost of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Mid-19th century.* M: IBP, 2015. (In Rus.)
13. Vasil'ev, D. V., Asanova, S. A. A Shelter for the Suffering: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian history*, no. 1, pp. 34–46, 2023. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>. (In Rus.)
14. Nikolay (Adoratskiy), hieromonk. *The Situation of Missionary Work in China. Orthodox Interlocutor*, no. 5, pp. 68–96, 1895. (In Rus.)
15. Muradyan, A. A. *American missionaries in the countries of the Far East, Southeast Asia and Oceania in the 19th century.* M: Nauka, 1971. (In Rus.)
16. Shubina, S. A. Diplomatic activities of the Russian spiritual mission in China (XVIII–XIX centuries). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1, pp. 189–193, 2010. (In Rus.)
17. Whyte, R. *Unfinished Encounter: China and Christianity.* London: Morehouse, 1988. (In Eng.)
18. Charbonnier, J. *Histoire des Chrétiens de Chine.* Paris: Desclée, 1992. (In French)
19. Madsen, R. *China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society.* Los Angeles, London: University of California Press, 1998. (In Eng.)
20. Uhalley, S. Jr., Wu Xiaoxin. *China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future.* Armonk (N. Y.): M. E. Sharpe. 2015. (In Eng.)
21. Nightingale, P., Skrine C. P. *Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918.* London: Routledge, 2013. (In Eng.)
22. Bizhigitova, K. S. Religious and moral state of the Siberian and Semirechensk Cossacks (second half of the 19th – early 20th centuries). *Bulletin of Abay KazNPU, series "Historical and socio-political sciences"*, no. 2, pp. 16–20, 2013. (In Rus.)
23. Mongush, M. V. Russian cultural heritage abroad (on the example of Japan and China). *Russian Regions: A Look into the Future.* 2017. Web. 05.03.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-kulturnoe-nasledie-za-rubezhom-na-primere-yaponii-i-kitaya/viewer>. (In Rus.)
24. Komissarova, E. N. Problems of studying cultural monuments of Russian emigration in the province of Xinjiang in Western China. In Leykind, O. L. *Fine arts, architecture and art history of Russian diaspora.* Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2008. (In Rus.)
25. Stepanova, S. I. Prophet Elijah Church in the city of Gulja. 2021. Web. 05.03.2024. <https://starinariy.kz/library/category/21/document/32>. (In Rus.)
26. Bukharin, M. D. New Documents on the History of Exploration of East Turkestan from the Turfan-Sammlung. *New and recent history*, no. 1, pp. 214–222, 2021. DOI: 10.31857/S013038640013389-5. (In Rus.)
27. Lukhtanov, A. G. *The city of Verny and Semirechensk region.* Almaty, 2014. (In Rus.)
28. Kudryavtseva, E. P. *The Ministry of Foreign Affairs in the second quarter of the 19th century.* M: MGIMO–Universitet, 2019. (In Rus.)
29. Volkov, I. V. Missionary work and state-religious relations in Turkestan. *Bulletin of Saratov State Socio-Economic University*, no. 4, pp. 203–206, 2009. (In Rus.)
30. Asanova, S. A. The meaning of the Russian presence in Central Asia using the example of Kulja. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relationships*, no. 5, pp. 64–76, 2020. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.5.6. (In Rus.)
31. Zarubin, I. Along the mountains and steppes of Central Asia. *Russian Herald*, no. 12, pp. 658–674, 1879. (In Rus.)
32. Prokhorov, A. A. *On the issue of the Soviet-Chinese border.* M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. (In Rus.)
33. Kuropatkin, A. N. *The Russian-Chinese question.* Saint Petersburg: Tip. t-va A. S. Suvorina "Novoe vremya", 1913. (In Rus.)
34. Mongush, M. V. Russian cultural heritage in Xinjiang. *Journal of the Heritage Institute*, no. 2, 2016. Web. 05.03.2024. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/76.html>. (In Rus.)

Information about the author

Smirnova Irina Yu., Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117292, Russia; irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>.

For citation

Smirnova I. Yu. The Narrative of Parthenius (Ageev) on the Accession of the Kyrgyz Steppe to Russia: From the History of Christianization of Central Asian peoples // *Humanitarian Vector.* 2024. Vol. 19, no. 2. P. 150–162. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-150-162.

**Received: April 10, 2024; approved after reviewing May 12, 2024;
accepted for publication May 14, 2024.**

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

CULTURAL HISTORY

Научная статья

УДК 745/749

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-163-175

Искусство айнов: от декоративно-прикладного к изобразительному

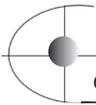
Марина Викторовна Осипова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
ainu07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861>*

В современной научной литературе редко встречаются работы о новых формах искусства айнов – жителей тихоокеанских островов. В понимании многих их декоративно-прикладное искусство, это что-то неизбежно традиционное, чьей основной функцией является утилитарная. Современный мир диктует свои условия, способствующие появлению новых форм айнского искусства. Однако исследований, рассматривающих эту проблему, как в отечественной, так и в зарубежной историографии нет, поэтому целью данной статьи является анализ проблемы становления и развития айнского современного искусства, что актуально в свете изучения адаптивных механизмов традиционных промыслов. На основе полевых исследований и анализа имеющихся источников, применяя дескриптивный, историко-системный, сравнительно-исторический и визуальный методы, предпринимается попытка осмысления предпосылок перехода айнских мастеров ДПИ к изобразительному искусству, а также условий возникновения новых тенденций, обусловивших появление высокохудожественных произведений. Введение в научный оборот полевых материалов и переводных источников по теме, а также первое знакомство с айнский современным искусством обусловило новизну исследования. В результате применённых научных методов выяснено, что переходу айнов от ремесла к ДПИ и изобразительному искусству способствовали три фактора: экономический, культурный и потребность самоидентификации индивида через сохранённую традицию. Это позволило выделить три этапа развития айнского искусства: этап знакомства мировой общественности с айнский ремеслом, выставочный и рыночный этапы, которые привели к освоению таких форм изобразительного искусства, как скульптура, графика, ксилография, в которых налицо глубинная связь традиционного и абстрактного, а также подчёркивается важное значение культурного обмена с соседствующими народами. Представленная работа позволяет проводить сравнительные исследования с подобным явлением в среде коренных народов Российской Федерации, а также использовать этот материал в музейных проектах.

Ключевые слова: айны, декоративно-прикладное искусство, утилитарность, современные формы, изобразительное искусство, скульптура, графика

Original article

Ainu Art: From Craft to Fine Art

Marina V. Osipova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
ainu07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861>*

In modern scientific literature there is a lack of works on the new forms of Ainu art, which is considered as traditional and utilitarian. The modernity gives the boost to the development of the new forms of art. However, there are no studies in domestic or foreign historiography examining this issue. The purpose of this article is to analyze the problem of the formation and development of Ainu modern art as the adaptive mechanisms of traditional crafts. Based on field work and analysis of sources, using descriptive, historical-systemic, comparative-historical and visual methods, an attempt is made to understand the prerequisites for the transition of Ainu craft and decorative art to fine arts, and the conditions that led to the emergence of highly artistic works. The introduction of the results determined the novelty of this research. We found that the transition of the Ainu crafts to decorative and fine arts was facilitated by three factors: economic, cultural and the need for individual self-identification. This made possible to distinguish three stages in the development of Ainu art: the stage of acquaintance with the Ainu craft, the exhibition and market stages, which led to the development of sculpture, graphics, woodcuts and also to emphasize the importance of cultural exchange with neighboring peoples. The presented work allows us to conduct comparative studies with a similar phenomenon among the indigenous peoples of the Russian Federation and to use it in museum projects.

Keywords: Ainu, decorative art, utility, contemporary forms, fine art, sculpture, graphics

Введение. На современном этапе развития общества традиционное искусство коренных малочисленных народов, ещё век назад считавшееся «примитивным» и не заслуживающим внимания, вызывает всё больший интерес. Становится популярным «этнический» стиль в одежде, в оформлении интерьера и бытовых предметов. Он служит основой для появления новых идей и модных тенденций в художественной среде. Особый интерес представляют исследования, посвящённые декоративно-прикладному искусству коренных народов, населяющих Амуро-Сахалинский регион, в частности, айнов. Однако работ, посвящённых вопросам современного искусства этого народа, в отечественной историографии нет. Немного их и в зарубежной историографии. Назрела необходимость обратиться к этой теме, что позволило бы в дальнейшем провести сравнительный анализ с новыми направлениями в декоративно-прикладном искусстве соседствующих с айнами народов – тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов (нивхов), тем более что их искусство, включая айнов, относится к единому амуро-сахалинскому типу [1, с. 374].

Цель статьи – представить айновое современное искусство во всём многообразии новых форм, чьё становление и развитие началось в середине XX в. и продолжается сегодня. Для этого необходимо ответить на

вопросы: что послужило толчком к переходу от утилитарной функции создаваемой вещи к эстетической, на какой почве возникли новые направления – скульптура, графика, живопись в искусстве айнов? Впервые в отечественной айноведческой литературе предпринимается попытка осмысления предпосылок возникновения новых тенденций и их воплощения в художественных произведениях айнов.

Отечественная литература, в которой бы рассматривались особенности декоративно-прикладного искусства айнов, датируется 40–60-ми гг. XX в. После почти полувекового перерыва А. Г. Лебедев в 2006 г. в диссертационном исследовании «Традиционная одежда айнов: XIX – начало XX в.» обращается к этой теме, рассмотрев виды женского и мужского рукоделия с религиозно-культурной точки зрения. Но тема современного айновского искусства в его работе не затронута. Вскоре после этого вышла монография П. Я. Гонтмахера и М. В. Осиповой «Айны: историко-этнографические очерки (XIX–XX вв.)» (2009), где были подняты вопросы, связанные с традиционным женским и мужским искусством, истоками айновского орнамента. Эта работа послужила толчком для исследований современного в традиционном.

Немногие зарубежные исследователи обращались к обозначенной теме. Первым

шагом, знакомящим научную общественность и читателей с творчеством айнов конца XX – начала XXI в., стала статья американской исследовательницы Ч. Дюбрей “Ainu Journey: from Tourist Art to Fine Arts” в коллективной монографии “Ainu: Spirit of a Northern People” (1999), где были представлены айнские мастера, освоившие новые направления в искусстве. Читателям стали известны имена современных художников и скульпторов, таких как Сунадзава Хисао (Бикки) (砂澤恒雄 (Bikki) 1931–1981), Сунадзава Чиниты (砂澤千二一 1960–2013), Кавамура Норико (川村則子 1947 г. р.), Фудзито Такэки (藤戸竹喜 1934–2018). Однако причины, побудившие мастеров ДПИ обратиться к современным формам искусства, не анализировались. После этой статьи Ч. Дюбрей опубликовала книгу “From the Playground of the Gods: the Life and Art of Bikki Sunazawa” (2004), в которой показаны истоки творчества художника, его обращение к абстрактному направлению в искусстве.

Ещё два автора обращались к этой же теме. Это Асакава Ясуси (浅川泰 1950 г. р) с книгой «Сунадзава Бикки: Кадзе ни кики» (砂澤ビッキ : 風に聞く Бикки Сунадзава: Слушая ветер, 1996) и Сибанаси Тому (柴橋, 伴夫 1947 г. р) с произведением «Кадзе но о: Сунадзава Бикки но секай» (風の王: 砂澤ビッキの世界 Король ветра: Мир Бикки Сунадзава, 2001). Отдельные статьи на эту тему имеются в европейских и американских журналах, но их немного.

О творчестве Юки Кодзи рассказывает в статье Л. Бирмингем “A Cultural Revival: The spirit of Japan’s Ainu artists” (2010). В статье Л. Клерк “L’évolution de l’artisanat aïnou en art primitif moderne: transferts et appropriations culturelles (1ère partie)” (2019) дано описание возникновения на айнской почве анималистического направления. Редактор и переводчик С. Роджерс Чикуба познакомил читателей сети Интернет с работами айнских скульпторов Фудзито Такэки и Сунадзава Бикки. Имеются статьи, интервью с художниками, опубликованные на японском языке. Однако книги и статьи японских авторов отечественным читателям практически неизвестны.

Если говорить о визуальном контенте, то это музейные коллекции айнских артефактов МАЭ РАН (1 890 ед. хр.) и РЭМ (2 800 ед. хр.). Однако в этих собраниях, как и в коллекциях СОКМ и ХКМ им. Н. И. Гродекова,

широко представлены предметы традиционного айнского искусства [2, с. 168–172], но работ современных айнских художников нет. Единичные образцы сувенирной продукции можно увидеть в Поронайском музее (г. Поронайск, о. Сахалин), выполненные из дерева барельефы имеются в коллекции ДВХМ (г. Хабаровск).

Методы исследования. В основе статьи – полевые исследования автора, где в качестве основных методов применялись визуальный и интервьюирование. Исторические данные проанализированы с позиций дескриптивного, историко-системного и сравнительно-исторического методов, позволивших изучить традиционное и современное искусство айнов как целостную систему и одну из важных составляющих духовной культуры народа. Посредством сравнительно-исторического метода выявлено общее и особенное в развитии айнского искусства по сравнению с искусством соседствующих народов и обоснованы стадии его развития. Для изучения внутренних и внешних связей и произошедших в айнской среде изменений, повлекших за собой изменения в айнском искусстве, использовались анализ и синтез сведений, полученных из научных и литературных источников.

Результаты исследования и их обсуждение. Процесс узнавания, распространения и бытия декоративно-прикладного искусства айнов, как и соседствующих народов Нижнего Амура, прошёл три периода, каждый из которых имел собственные цели и мотивы [3, с. 158–160].

Первым был период знакомства европейцев и американцев с айнской культурой, взявший начало в XVIII в. и длившийся до начала XX в. Он неразрывно связан с образом жизни, традиционными культурными составляющими – обрядами, обычаями, мифопоэтическим восприятием окружающей действительности. Мастера не могли не «творить». Это был мотив обеспечения в быту и во время религиозных церемоний себя и семьи всем необходимым. При этом в обязательном порядке при изготовлении вещи соблюдались каноны и традиции, передаваемые из поколения в поколение.

Далее шёл «выставочный период», взявший начало в 1851 г. со Всемирной выставки в Лондоне. В 1904 г. на выставку в г. Сент-Луис (штат Миссури, США) были привезены айны Хоккайдо в качестве «жи-

вых экспонатов». Эти люди должны были носить национальную одежду, жить в привычном им доме, готовить и есть пищу, а главное – демонстрировать свои умения и навыки в изготовлении орудий труда, ритуальных предметов [4].

Однако демонстрация аборигенов на подобных выставках была сродни этнографическим выставкам основателя «человеческого» зоопарка в Гамбурге К. Хагенбека [5, с. 206]. Их главной целью, по мнению куратора выставки в Сент-Луисе У. МакГи, являлась демонстрация прогресса западной цивилизации, прошедшей путь от дикости, которую олицетворяли привезённые из колоний народы, до просвещённости жителей американского и европейских государств [6, с. 90]. Подобное экспонирование на потеху зрителей живых людей, отличавшихся внешним видом и своей культурой от «просвещённой» публики, по словам А. Л. Юргеновой, «сводило их до лишённого воли объекта наблюдения, каким в той же степени могла быть новая модель паровоза» [7, с.147].

Но отдельные положительные моменты в обустройстве подобного рода этнографических экспозиций (рис. 1) всё-таки были. Во-первых, в результате выставочной деятельности японское, американское и европейское сообщества знакомилось с лучшими образцами изделий айнских ремесленников. В этот период появились первые заказы и пришло осознание значимости творческой деятельности резчиков по дереву и вышивальщиц. Но в то же время произошёл от-

ход от утилитарного назначения изделия, а также традиционного, канонического в изготовлении предмета, появился элемент декоративности.

Третий период можно условно назвать «рыночным». Здесь налицо уже проникновение профессионального искусства в традиционное. Возникает некая отстранённость от собственной культуры. Появляются вариативные вещи, например, графические произведения, в которых узнаваемы традиционные сюжеты и материал, но изменён способ создания произведения. Это уже не предметы декоративно-прикладного искусства, но предметы художественного творчества.

На сегодняшний день айнское искусство представляет собой пёструю картину. Наряду с глубоко традиционными образцами ДПИ (одеждой, плетёными изделиями, бытовыми и ритуальными предметами), выполненными на высоком художественном уровне, возникли современные направления, такие как фолк- или этно-дизайн, мифологический дизайн, вобравшие в себя элементы графического дизайна, дизайна одежды и аксессуаров, интерьерного, промышленного и полиграфического дизайна, направленные на создание новых функциональных предметов. Эти предметы, изготовленные как из традиционных, так и современных материалов, могут уже включать в себя элементы художественной традиции соседствующих народов – маори, тунгусо-маньчжуров и нивхов.

Толчком к переходу от декоративно-прикладного к этно-дизайну послужили эконо-

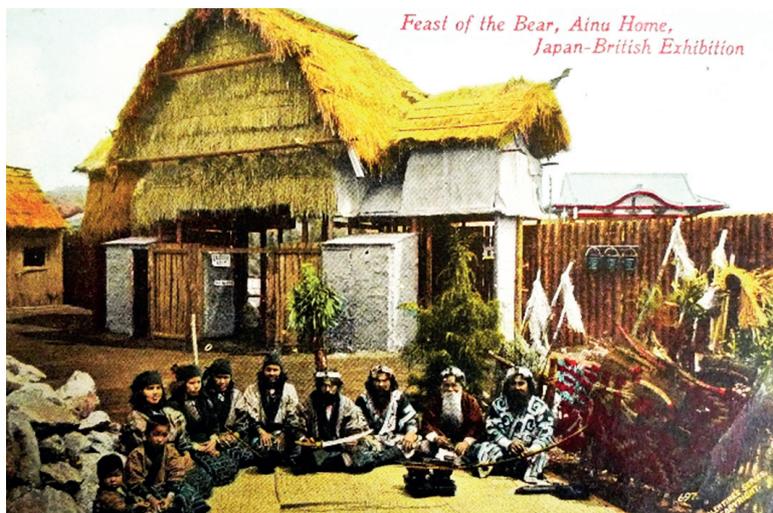

Рис. 1. Праздник медведя: айнский дом. Японо-Британская выставка 1910 г. Открытка

Fig. 1. Bear Festival: Ainu House. Japanese-British Exhibition 1910 Postcard

мические условия жизни айнов. С переселением айнов Курил и Сахалина и с приходом японцев на земли айнов на Хоккайдо люди лишились многих источников существования, у коренных жителей были отняты места рыболовного промысла и осталось «очень немного способов заработать на жизнь» [8]. В условиях инокультурного и иноязычного окружения и начавшегося процесса ускоренной ассимиляции для «включения» айнов в японское общество возникла проблема сохранения айнской идентичности, самоидентификации человека со своей этнической группой и осознания своего места в ней [9, с. 267].

Социокультурные трансформации подтолкнули айнов к необходимости самоопределения, а это было возможно лишь на базе традиционной культуры, аккумулирующей в себе социальный опыт, способной стать той творческой силой, которая может мобилизовать скрытый потенциал народа, осуществляя связь между прошлым и настоящим [10; 11, с. 171]. Одной из таких областей традиционной культуры стало декоративно-прикладное искусство с его орнаментальными композициями как знаково-символической системой, которая сопровождает человека на протяжении всей жизни и определяет наиболее ярко «границы «своего» и «чужого» [12, с. 747].

Мастерам-резчикам и швеям-вышивальщицам необходимо было «встраиваться» в новую реальность и изготавливать предметы уже не только для личного потребления, но и на продажу. Это потребовало отхода от вековой традиции айнов не изображать людей и животных. Появляются сувенирные скульптурные изображения почитаемых тотемных животных, вырезанные из дерева.

Первые сувенирные медведи появились в 20-х гг. XX в. Начало этому процессу положено основателем Института биологических исследований и Института леса, биологом Токугава Ёсичикэ (徳川 義親 1886–1976). Путешествуя в 1921–1922 гг. по Швейцарии, он обратил внимание на изделия местных мастеров – вырезанные из дерева фигурки медведя. Приобретённые сувениры Токугава привёз в Японию и представил их жителям фермы Токугава местечка Якумо на Хоккайдо. Он полагал, что фермеры тоже смогут изготавливать такие скульптуры, получая дополнительный доход в межсезонье.

Считается, что первым, кто вырезал скульптуру медведя, был местный житель Якумо Ито Масао.

Это случилось в 1924 г., и вскоре медведь, держащий в зубах божественную рыбу – лосося (яп. きぼりくま *кибори кума*), становится излюбленной темой айнских резчиков (рис. 2) [13]. Несмотря на то, что первые скульптурные изображения появились в Якумо, начало «выставочному» или «сувенирному» периоду было положено в селении Асахикава, где этот процесс приобрёл массовый характер. Резчик Мацуи Умэтаро (松井梅太郎 1901–1949) из Асахикавы был первым из айнов, кто добился успеха в этом направлении. Его скульптурные изображения медведя завоевали популярность и стали музейными экспонатами. В 1938 г. мастеру поступил заказ вырезать такую скульптуру для императора Хирохито (裕仁 1901–1989) [14, с. 7].

Однако говорить о том, что медведь совсем не изображался айнами в прошлом, не совсем верно. Фигурки этого зверя присутствовали на ритуальных палочках *икуниси/икупасуй*, изготовленная из дерева голова медведя украшала сплетённую из ритуальных стружек мужскую корону *сапаунпэ*. Сахалинские айны по случаю убийства тотемного животного вырезали скульптурку медведя *инока*. Несмотря на существующую традицию и соответствующий навык, изготовление медведей-сувениров далось айнам непросто. С технической точки зрения вырезание фигурки зверя трудностей не представляло, дело было в другом. Религиозные воззрения айнов не позволяли им выставить своего первопредка на продажу, люди долгое время не могли переступить эту черту, но жизнь вынудила их сделать это.

Вторая мировая война приостановила деятельность айнских мастеров, но уже в 1950-е гг. начался новый этап в их творчестве. Со временем герои айнских сказок – кит, косатка, сова, орёл, насекомые – стали объектами творческих порывов айнских резчиков. Кроме этого, мастера стали предлагать людям декоративные подставки для книг, футляры для зажигалок. Присутствовавшие в Японии американские солдаты стали охотно приобретать такие изделия в качестве сувениров.

Третий («рыночный») этап развития айнского искусства пришёлся на 50–60-е гг. XX столетия. В авангарде этого движения

Рис. 2. Медведь с лососем. Из коллекции автора

Fig. 2. Bear with salmon. Author's collection

Рис. 3. Сувенирный магазин в с. Нибутани, о. Хоккайдо. Фото М. Осиповой, 2008 г.

Fig. 3. Gift shop in Nibutani, Hokkaido. Photo by M. Osipova, 2008

стояли музеи и музейные комплексы, чьей миссией было сохранение, изучение и продвижение айнской культуры в стране и за рубежом. Поток японских и зарубежных туристов, посещавших музейные комплексы, расположенные в местах компактного проживания айнов, увеличивался. На близлежащих к музеям территориях открывались мастерские художников, сувенирные магазины (рис. 3), где можно было увидеть процесс изготовления изделия и приобрести понравившийся сувенир. И до этого в айнских поселениях жили и работали мастера декоративно-прикладного искусства, но именно в этот период население целых деревень было вовлечено в творческий процесс. В начале своего творческого пути в рамках авторского копирования мастера делали точные копии вещей для музейных выставок и музейных коллекций по всему миру, тем более что музеи обеспечивали наиболее талантливых резчиков специальной литературой (в основном музейными каталогами).

Они бережно сохраняли технологические и орнаментальные традиции древней айнской резьбы по дереву, вышивки, аппликации, ткачества, следуя художественному канону. А если учесть, что традиционное искусство нередко подвергается забвению и даже вырождению, разрушается его струк-

тура, то подобный процесс сохранения искусства на «рыночном» этапе был вполне оправдан, сохраняя и поддерживая структурную организацию традиционного [15, с. 91]. Но затем люди стали использовать полученные знания для изготовления товаров, которые первоначально применялись айнами лишь в быту и во время проведения наиболее значимых обрядов. Многие семьи получили возможность дополнительного заработка.

Вскоре к мастерам пришло осознание того, что, применяя традиционные техники, можно создавать и собственные произведения. Сотканые руками Каидзава Рейко, Каидзава Юкико, Фудзия Румико, Секинэ Маки ткани из луба дерева нашли применение не только для изготовления традиционного айнского халата аттуш, но и повседневных вещей. Так появились востребованные в быту изделия: чехлы для сотовых телефонов, кошельки, сумки, пояса, футляры для очков, брелоки. Ткачество стало основой создания женщинами гобеленов, изготовленных из шерстяных нитей. Имена Чикаппу Мизко (チカップ美恵子 1948–2010) (настоящее имя Ига Мико), Хирамура Акико (平村アキ子), Кавамура Норико, Каидзава Тамами (貝澤珠美) известны далеко за пределами Японии. Их высокохудожественные произ-

ведения демонстрировались на выставках в музеях Японии и США. Огава Санаэ, известная в стране и за рубежом своими работами для музейных коллекций, освоила новый для себя и для айнских мастериц жанр – изготовление текстильных ковров (рис. 4) [17]. Большая плоскость изделия позволяет создавать сложные и разнообразные орнаментальные композиции, демонстрируя творческую индивидуальность автора. Укадзи Сидзуэ создала новое направление в декоративно-прикладном искусстве айнов, назвав его *кофу-э* или «старые картины на ткани». Это полотна из ткани с вышивкой, где основной сюжет – герои легенд и сказок древнего народа.

Мужчины-резчики по дереву тоже стали изготавливать утилитарные вещи. Созданные Каидзава Мамору кожаные изделия с айнским рельефным рисунком, ремешки для мобильных телефонов с совами, вырезанными из рога, неизменно пользуются большой популярностью.

Изготовление сувенирной продукции стало толчком к созданию интерьерных вещей, где преобладает новый взгляд на привычный мир, объединённый этнической историей, вплетённой в мифологию народа, как, например, узнаваемое произведение Каидзава Тору (具沢徹) «Укуоку», где на круглом блюде с вырезанной композицией традиционного орнамента лежат руки. Эта композиция, по словам самого мастера, выражает историю айнского народа на протяжении столетий и связь поколений, которая проходит че-

рез татуированные руки прабабушки до рук её правнука. И это не абстрактные макеты рук. В своей работе художник использовал слепки рук членов его семьи (рис. 5).

Интерьерный дизайн заставил мастеров взглянуть по-новому на свои умения и оценить перспективы своего дальнейшего развития. И уже предметы, созданные в полном соответствии с содержательными и эстетическими характеристиками собственной культуры, в основе которых лежат айнские мифологические сюжеты, изготовленные из традиционных материалов: луб дерева, рыба кожа, дерево, кожа животных), включают в себя современные материалы – пластик, бумагу, металл. Познакомиться с такими работами можно на сайте коллекции работ современных мастеров из числа коренных народов «Имаго Мунди» (Imago Mundi Collection) [16].

Промышленный дизайн нашёл воплощение в работах молодых айнских художников (Мидзуно Ренпэй, Фудзито Кохэй и др.), которые работают с такими материалами, как пластик, металл, сажа. Они не ограничиваются набором традиционных инструментов резьбы по дереву, а используют лазерный нож и 3D-принтер.

Освоена мужчинами-резчиками и техника барельефа. Помещённые на стены музея Пирика-котан в г. Саппоро барельефы в доходчивой форме рассказывают о жизни айнов. Наиболее известное произведение – Юкара куру («Рассказчик юкара», 1989) выполнено мастером Токо Нупури (1937–2014).

Рис. 4. Ковёр «Айнские мотивы». Автор Огава Санаэ. Фото М. Осиповой, 2008 г.

Fig. 4. Carpet "Ainu motifs". Ogawa Sanae. Photo by M. Osipova, 2008

Рис. 5. В мастерской Каидзава Тору, с. Нибутани, о. Хоккайдо. Фото М. Осиповой, 2014 г.

Fig. 5. In the workshop of Kaizawa Toru, Nibutani, Hokkaido. Photo by M. Osipova, 2014

Ещё одним новым направлением в искусстве айнов-резчиков стала деревянная скульптура. Яркими представителями этого направления были Фудзито Такэки и Токо Нупури. В их работах реализм соседствовал со стилизацией. Скульптурные композиции животных органически увязывались с народным искусством, напоминая порой фигурки, помещённые на айнском ритуальном предмете икуниси/икупасуй. Ещё одним направлением Фудзито Такэки, нарушившего принятые в айнском социуме правила, явилось ваение из дерева скульптур людей (рис. 6). В музейном комплексе Акан представлена целая галерея выполненных мастером образов наиболее почитаемых айнских старейшин, внесших неоценимый вклад в дело сохранения айнской культуры.

Рис. 6. Флаер 40-й юбилейной выставки ремёсел айнов «Явление. Жизнь Синра – мир скульптора Фудзито Такэки в Национальном музее этнологии. Из коллекции автора.

Fig. 6. Flyer of the 40th anniversary exhibition of Ainu handicrafts “Phenomenon. Life of Shinra – the world of sculptor Fujito Takeki” at the National Museum of Ethnology. Author’s collection

Айны не вырезали и не устанавливали тотемные столбы. Поэтому установленные у Музея айнской культуры в Сираои

(рис. 7), перед Музеем реки Сару в Нибу-тани, они, с одной стороны, напрямую не связаны с принадлежностью к тому или иному роду. С другой стороны, изображённые божественные животные айнского пантеона вступали в родственные отношения с людьми, являясь тем самым первопродком какого-либо рода, и такой столб, где изображены практически все их тотемные животные – медведь, волк, кит и т. д., можно с определённой долей условности считать тотемным для айнов. Целый комплекс стилизованных тотемных столбов Камуй минтара «Площадь божеств» был построен Токо Нупури и его сыном Шусэем в 1989 г. для музея Барнаби в Ванкувере.

Традиции, уходящие корнями в глубокую древность, не могли не стать основой творчества художников, которые выбрали для себя иную манеру самовыражения. Подобное переосмысление и преобразование традиционного в современное определяется в отечественной науке как «неоархаика», когда художники используют устоявшиеся архаические символы, архетипы, элементы древней культовой практики, облекая их в разнообразные формы семантическими и пластическими средствами, применяя при этом природные материалы, в частности, как айны, дерево [18, с. 11; 19, с. 7]. При этом авторы произведений отходят от реализма, традиционности и, обращаясь к абстрактным формам, используя обобщение, стараются побудить зрителя самому определить смысл увиденного. Следы неоархаики ярко проявились в работах современных айнских художников.

Самой знаковой фигурой, чьи работы в жанре абстрактной станковой скульптуры получили мировое признание, был айнский художник-новатор и активист Сунадзава Хисао (Бикки), возглавивший «прорыв» айнского искусства в период всемирной трансформации искусства коренных народов 60-х гг. XX в. с туристического рынка в мировое изобразительное искусство. Он показал пути творческого осмысления айнской идентичности, соединяя богатое историческое наследие айнов с современными политическими проблемами. В своих работах он использовал полученные в детстве навыки традиционной резьбы по дереву с опытом абстрактного. Это уже иной взгляд, созданный собственным видением традиционного, являющегося «парафразой древнего языка»

Рис. 7. Тотемный столб в с. Сираои, о. Хоккайдо. Фото М. Осиповой, 2005 г.

Fig. 7. Totem pole. Shiraoui, Hokkaido. Photo by M. Osipova, 2005

[20, с. 112]. Ему было подвластно всё – и мелкая пластика, и монументальные произведения, которыми он увлекался в начале своего творческого пути [21], такие, например, как скульптурная композиция «Четыре ветра», установленная в парке Музея современного искусства в Саппоро. Ч. Дюбрей назвала Сунадзава Бикки уникальным, «первым айным художником послевоенного поколения, которому удалось соединить искусство двух культур – японской и айнской» (рис. 8) [22, с. 341]. С этим можно согласиться, но лишь отчасти. Действительно, лаконичность выразительных средств, видение красоты в простом – это те черты, которые характерны для японского искусства, но всё-таки традиционные изображения, созданные японскими мастерами, в основе своей несут конкретность образа. Народное искусство айнов, в отличие от японского, сродни западному абстракционизму, где основными чертами являются символизм и обобщённость. В айнском орнаменте редко прослеживаются зооморфные или антропоморфные мотивы, для него характерна десемантизация узоров, стремление к стилизации изображения, код которой весьма сложен, к чему всегда стремился в своих произведениях Сунадзава Бикки. Он был одним из первых инициаторов установления связей с коренными народами других континентов, в частности, с индейскими племенами.

Но не только формы станкового искусства представлены сегодня в качестве изобразительных, особого внимания заслуживают графические работы айных художников. Следует подчеркнуть, что для коренных народов тихоокеанского побережья графическое искусство приобрело особое значение. Знаки пиктографического письма являлись неотъемлемой частью мифологического мышления айнов. Первой среди айных художников, увлекшихся графикой, стоит назвать Сунадзава Чиниту (砂澤千二一, 1960–2013), дочь Сунадзава Бикки. Вдохновение и темы для своих полотен она черпала из национального наследия айнов, дополняя традиционные мотивы новыми сюжетами, например, из китайской мифологии. Её работы колоритны, оригинальны и имеют свой почерк. Легенды о происхождении мира, природы, об отношениях между человеком и зверем, например, известная иллюстрация из книги айных народных сказок «Печальная лиса» (1991), вдохновляли художницу. Введение в композиционный строй работ национального орнамента придаёт произведениям художницы динамизм и ритмичность, характерные для всех её работ. Отличаются они и цветом, где преобладает традиционная палитра айных красок: красная, чёрная, белая, и возникает уже своеобразный цветоритм, вызывающий особый настрой у зрителя.

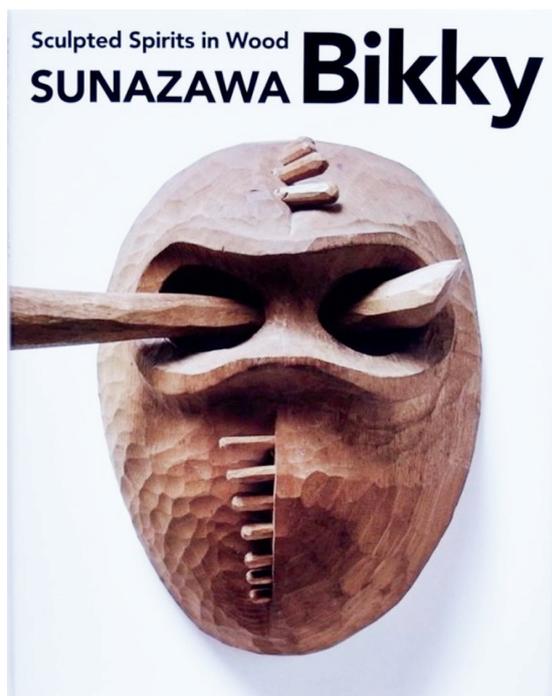

Рис. 8. Обложка каталога выставки работ Сунадзава Бикки. 2017. Из коллекции автора

Fig. 8. Cover of the catalog of the exhibition of works by Sunazawa Bikki. 2017. Author's collection

Рис. 9. С руководителем "Ainu Art Project" Кодзи Юки, 2019 г.

Fig. 9. With Koji Yuki, the head of the "Ainu Art Project", 2019

В начале XXI в. представители молодого поколения айнов создали группу "Ainu Art Project" (アイヌアートプロジェクト), целью которой было исследование условий и способов функционирования традиционной айнской культуры в современной среде. Возглавил группу молодых поэтов, музыкантов и художников известный мастер Кодзи Юки (рис. 9). Как человек-новатор, овладев искусством резьбы по дереву, он захотел расширить границы своего творчества. Освоив непривычную для айнов технику килографии (с японского ханга), Кодзи Юки соединил её с истинно айнскими мотивами. По признанию самого мастера, он является сегодня единственным айном, кто работает в этой технике. Своё вдохновение Кодзи Юки, как и другие современные айнские художники, черпает в богатом айнском фольклоре. Главными героями его произведений являются высокочтимые животные-камуи. Самым почитаемым зверем для айнов остаётся медведь. Этот образ присутствует почти во всех работах художника. Следуя путём Сунадзава Бикки и расширяя границы сотрудничества, Юки Кодзи, встретившись с творческой интеллигенцией маори, коренными жителями Новой Зеландии, стал

создавать произведения, включающие как айнские, так и маорийские мотивы. Большую известность получили дизайнерские работы участников группы Синъя Кацуя, Хаяса Юки.

Проявляют себя айнские художники и как оформители книг, в основном айнских эпических поэм и сказок. Рисунки выполняются обычно в стиле народных традиций.

Однако стоит упомянуть и о том, что не всё так однозначно в восприятии новых форм айнского искусства японским и айнскими сообществами. Что касается японцев, то Ч. Дюбрей утверждает, что процесс дискриминации в отношении айнов и их культуры, взявший начало ещё в XIX в., продолжает оказывать негативное влияние, в частности, на признание произведений современных айнских авторов, принадлежащими высокому искусству. Она подчёркивает, что японский творческий истеблишмент не склонен рассматривать современное айнское искусство ни как изобразительное и даже ни как просто искусство, определяя его как «айнское ремесло» [23, с. 15]. В айнской же среде раздаются голоса о том, что творчество айнских художников должно оставаться «традиционным».

Мураки Миюки (куратор Музея айнской культуры) высказалась по поводу современного искусства совершенно определённо: «Мастерам, прежде чем создавать современные произведения, необходимо сначала познакомиться с традициями. Я не уверена, что любое произведение, созданное айном, является образцом айнского искусства. Что такое “айнское искусство”? Специалисты практически не обсуждали этот вопрос. Честно говоря, я даже не очень понимаю произведения Сунадзава Бикки» [Цит. по: 24, с. 358].

Глобализационные процессы оказывают и позитивное и негативное влияние. В этих условиях имеет место креативный поиск – «творчество, отличающееся неравновесностью и неустойчивостью» [25, с. 128], что порождает новые формы и изменения в системе духовных ценностей народа и в конечном итоге обуславливает саморазвитие культуры за счёт восприятия и усвоения этих новых форм. Это, в свою очередь, предполагает творческое переосмысление традиционного в своей культуре, а также переосмысление и восприятие культуры разных народов, что ведёт к инновационным формам творчества.

Не все художники, посвятившие своё творчество новым направлениям в айнском искусстве, перечислены в статье. Здесь представлены самые значимые фигуры, стоявшие у истоков зарождения нетрадиционных для айнов направлений, оказавших на процесс развития современного айнского искусства существенное влияние.

Заключение. Переход от ремесла и декоративно-прикладного искусства с его утилитарным назначением вещи к художественному у айнов был закономерен. Этому способствовали три основных фактора: экономический, культурный, а также потребность и необходимость самоидентификации через сохранённую традицию. В своём

развитии айнское декоративно-прикладное и изобразительное искусство прошло три этапа: знакомство мирового сообщества с айнами и ремёслами народа, выставочный и рыночный этапы. Необходимость обеспечить себя средствами к существованию заставила людей искать новые формы хозяйственной деятельности, что не могло не отразиться на такой сфере духовной культуры этноса, как искусство.

Расширение культурных границ дало возможность вначале послевоенному, а теперь и современному поколению айнов познакомиться с новыми формами искусства – интерьерным и промышленным дизайном, барельефом, скульптурой, графикой, что повлекло за собой обращение к искусству прошлого и его воплощение в новых, стилизованных формах, вплетя в канву глубоко национальных и традиционных видов творческой деятельности, что, несомненно, значительно обогатило культуру айнов. Вновь возникшие жанры искусства айнских современных художников обладают целостностью народного, имеют фольклорное основание, что характерно для неоархаики, но при этом наполнены новым содержанием и технико-художественными чертами, которые отражают конкретную эпоху, в которую жил и живёт этот народ.

Нельзя отрицать и факта взаимопроникновения и влияние других культур, а вместе с этим иных художественных традиций. Изложенный в статье материал будет способствовать проведению сравнительно-сопоставительного анализа с подобными тенденциями, имеющими место в искусстве соседствующих народов, побудит музейное сообщество обратить внимание не только на традиционное, но на современное искусство айнов и использовать работы айнских художников в проектах, посвящённых современному искусству народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 369–434.
2. Осипова М. В. Декоративно-прикладное искусство айнов: от прошлого к настоящему (очерки о духовной культуре айнов). Хабаровск: ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2016. 216 с.
3. Тарвид Л. П. Традиционное декоративно-изобразительное искусство народов Приамурья: эволюция ценностей // Записки Гродековского музея. 2000. Вып. 1. С. 158–167.
4. Starr F. The Ainu Group at the Saint Louis Exposition. Chicago: Open Court Publishing Co., 1904. 118 p.
5. Осипова М. В. Йохан Адриан Якобсен: путешествие к айнам острова Сахалин // Четыре века экспедиций в земли айнов. СПб.: Арт-Экспресс, 2022. С. 205–220.